

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ – OBSERVER

Реформы Евросоюза: концепции и действительность

С. ФЕДОРЧЕНКО

В. КОМЛЕВА, О. ЖУЛИКОВА

Хештеги:
механизм легитимации
политического режима

Россия – Испания:
альянс в сфере
образования

В. СОКОЛОВ

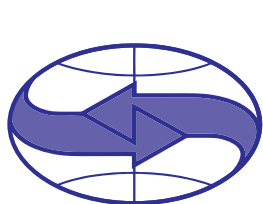
Д. ВАЛИЕВ

Поставки вооружения
югославской армией
в Сербскую Краину

Интеграция мусульман
в политическую жизнь
Германии

Развитие Дальневосточного края накануне Халхин-Гола:
сражение на трудовом фронте

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

Политология

Реформы Евросоюза: концепции и действительность

5

В. Васильев

Автор статьи провёл критический анализ итогов выборов в Европарламент. Подтвердились тенденции к ослаблению правогоцентристского и социал-демократического сегментов, усилению либерального крыла, расширению евроскептического, националистического фланга в законодательной структуре Евросоюза. Новая расстановка политических сил в Европарламенте дала импульс дискуссиям о роли и месте Германии в меняющемся мире, подходах Берлина к разнообразным концепциям реформирования Евросоюза.

Хештеги: механизм легитимации политического режима или манипулятивная ловушка?

24

С. Федорченко

В работе проводится концептуально-терминологический анализ сетевого механизма легитимности и легитимации политического режима. Ключевой задачей является изучение роли политического хештегирования в формировании легитимности власти.

Автор выявляет сетевую элиту (гейткиперов) в качестве нового политического актора, практикующего технологии политического хештегирования с целью легитимации или делегитимации политического режима.

Интеграция мусульман в политическую жизнь Германии 42

Д. Валиев

В статье рассматриваются миграционные процессы в современной Германии, даётся история становления Германской исламской конференции, инициированной федеральным правительством Германии в качестве платформы коммуникации с представителями мусульманской уммы для обсуждения краткосрочных и долгосрочных мероприятий, направленных на адаптацию и интеграцию мигрантов мусульманского вероисповедания в Германии.

Выбор Армении: почему ЕАЭС, а не Евросоюз? 58

М. Ядрихинский

Рассматривая внешнюю политику Армении, пытающейся лавировать между Евросоюзом и Россией, автор показывает, почему страна, несмотря на официально объявленный курс вхождения в ЕС, в итоге вступила в ЕАЭС и даже после «бархатной революции» новые власти будут удерживать страну в организации.

Международные позиции испанских университетов К вопросу создания российско-испанского альянса 69

В. Комлева, О. Жуликова

Задачи продвижения испанских университетов в международном образовательном пространстве совпадают с задачами Российской Федерации, что стало одним из факторов создания российско-испанского альянса университетов. В статье проанализирована динамика рейтингов испанских университетов в целом и по отдельным показателям за 2017 и 2018 гг.

Транспортная политика Европейского союза: прошлое, настоящее, будущее 82

Н. Кислицына

Статья посвящена анализу транспортной политики Европейского союза. С одной стороны, рассматриваются международно-правовые основы ЕС, регулирующие транспортную сферу, а с другой – уделяется внимание задачам, которые ставит перед собой ЕС в «вопросе дальнейшего развития всех видов транспорта с отсылкой к дорожной карте», направленной на повышение конкурентоспособности и эффективности транспортной системы.

Роль Югославской народной армии в Сербской Краине **Вооружение Территориальной обороны**

93

В. Соколов

Автор показывает, как Югославская народная армия вооружала формирования Территориальной обороны Сербской Краины, указывает причины передачи вооружений ЮНА во времени и распределение полученного вооружения в Сербской Краине.

Развитие Дальневосточного края накануне Халхин-Гола **Сражение на трудовом фронте**

102

А. Серёгин

Советский Союз в условиях нарастающей опасности со стороны милитаристской Японии начать военные действия, направленные на аннексию советского Дальнего Востока, предпринял меры по созданию экономического, в том числе промышленного потенциала региона. На основании архивных документов прослеживаются трудовые усилия жителей региона и руководства страны, что превратило разрушенный войнами и революцией Дальний Восток в передовой в промышленном отношении край и остановило японскую агрессию.

Содержание на английском языке / Contents in English

119

* Редакция приносит извинения за допущенную опечатку в заголовке статьи на обложке № 5 за 2019 год: вместо «к 85-летию военного конфликта» следует читать «к 80-летию военного конфликта».

Уважаемые читатели!

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. п. н., проф.; **ЕРЕМЕНКО И. Н.** – зам. гл. редактора, к. т. н.; **АБАШИДЗЕ А. Х.** – д. ю. н., проф.; **ГРОМЫКО А. А.** – д. п. н., член-корреспондент РАН; **ГУСЬКОВА Е. Ю.** – д. и. н.; **ЗАДОХИН А. Г.** – д. п. н., проф.; **КАРТАШКИН В. А.** – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; **КУЗНЕЦОВА О. Д.** – д. э. н.; **КУТОВОЙ В. М.** – д. э. н., проф.; **ЛУЗЯНИН С. Г.** – д. и. н., проф.; **ОРЛОВ А. А.** – к. и. н.; **ПАВЛОВ Е. Я.** – д. ю. н., проф.; **ПЛЯИС Я. А.** – д. и. н., д. п. н., проф.; **ПОНОМАРЕВА Е. Г.** – д. п. н., проф.; **РУДОВ Г. А.** – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; **СЕРЕГИН А. В.** – к. культурологии; **ЦВЕТКОВ А. И.** – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; **ЦЫГАНКОВ П. А.** – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

ГАБАРАЕВ Б. А.	— доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А. П.	— доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
ГРИБ В. В.	— доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
ДЕЛЯГИН М. Г.	— доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
ИВАШОВ Л. Г.	— доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, генерал-полковник
КРЕМЕНЮК В. А.	— доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН
ЛАДЫГИН Ф. И.	— Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г. Л.	— кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
СУХАРЕВ А. Я.	— доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
ТОРКУНОВ А. В.	— доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО(У) МИД России, председатель РАС ООН
ЩЕРБАКОВ И. А.	— доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН

© Институт стран СНГ

Реформы Евросоюза: концепции и действительность^{*}

Виктор ВАСИЛЬЕВ

Итоги выборов в Европарламент (май 2019 г.)

Анализ итогов выборов в Европейский парламент (ЕП) позволяет сделать некоторые выводы, обозначить тенденции. Оправдались прогнозы относительно достаточно высокой явки – впервые за 25 лет она превысила в среднем по Евросоюзу более 50%. Благодаря активной мобилизации избирателей с ориентацией на молодёжь в Германии явка избирателей составила рекордный показатель – 61,4%. Ослабили позиции А. Меркель и Э. Макрона, главных хранителей ценностно-идеологической матрицы ЕС.

Как пишут некоторые немецкие СМИ, на глазах всей Европы франко-германский дуэт опозорился.

В **Германии** это выразилось в снижении популярности блока ХДС/ХСС, показавшего за всю послевоенную историю скромные результаты на уровне 28,9% голосов.

Сокрушительное поражение потерпела СДПГ. Впервые с 1887 г. – тогда в кайзеровской Германии на выборах в рейхстаг Социалистической рабочей партии Германии свои симпатии отдали лишь 10,1% избирателей – немецкие социал-демократы сильно «просели», заручившись поддержкой лишь 15,8% избирателей (в 2014 г. – 27,8%). Ещё один неприятный сюрприз для СДПГ преподнесли проведённые также 26 мая с. г. выборы в парламент Бремена –

ВАСИЛЬЕВ Виктор Иванович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН. E-mail: vvi-1947@yandex.ru

Ключевые слова: Европейский парламент, «Европа отечеств», «Европа наций», «Европейская республика».

^{*} Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00464 «Меняющаяся роль Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах. Вызовы для России».

и здесь социал-демократы впервые за 73 года уступили ХДС. Единственное утешение – неплохие результаты СДПГ на городском уровне. Так одна из старейших партий страны превращается из «народной партии» в политическую секту муниципального масштаба [1].

В руководящих структурах СДПГ, не говоря уже о партбазисе, всё громче звучат призывы о разрыве правительственной связи ХДС/ХСС, проведении досрочных выборов в бундестаг. В партиях ХДС/ХСС и СДПГ сильно разочаровалась молодёжь – только 13 и 9% (соответственно) молодых немцев до 30 лет видят перспективу у этих партий.

Чувствительный удар ХДС/ХСС и СДПГ получили со стороны немецких «Зелёных». По опросам, из каждой из этих партий в электоральное пространство экологов перетекло по миллиону прежних сторонников традиционных объединений. Сделав акцент на радикальное обновление политики в сфере, прежде всего климата, «Зелёные» пришли к финишу избирательного марафона с неожиданно высоким результатом в 20,5% голосов.

СвДП и Левая партия смогли доказать свою политическую состоятельность – 5,4 и 5,5% соответственно.

Хотя «Альтернатива для Германии» (АдГ) не смогла повторить результаты выборов в бундестаг 2017 г. в 12,6% голосов (на 2019 г. были более оптимистические прогнозы), говорить о поражении партии с итогом в 11% и увеличением

количества мандатов с 7 (2014 г.) до 11, пожалуй, не стоит.

Во **Франции** «Национальное объединение» М. Ле Пен потеснило движение Э. Макрона «Вперёд, республика!», чем сильно подпортила репутацию президента страны как последовательного реформатора Евросоюза.

Хотя фракции *Европейской народной партии (ЕНП)* и *Прогрессивного альянса социалистов и демократов (ПАСД)* смогли сохранить за собой ведущие позиции (первое и второе место), победными их результаты назвать нельзя. Главными бенефициарами стали «*Партия Зелёных*» и *либералы*, которые смогли расширить число мандатов в ЕП.

Евроскептики и националисты, увеличив суммарный потенциал за счёт успехов прежде всего итальянской «*Лиги*» М. Сальвини и французской партии М. Ле Пен, вместе с либералами и «Зелёными» смешали карты в игре, связанной с выдвижением кандидатов на пост главы Еврокомиссии. Монополия ЕНП и ПАСД применительно к выдвижению кандидатов на пост руководителя Европарламента и Еврокомиссии рухнула, обоим объединениям теперь придётся договариваться с либералами и «Зелёными».

Столкновение центристских сил, выразители которых выступают за традиционную модель ЕС, с центробежными течениями, апологеты которых отдают предпочтение модели «Европа наций» или «Европа отечеств», другим оригинальным конфигурациям ЕС, привело к сдвигам в партийно-полити-

¹ <https://www.tagesspiegel.de/politik/desaster-bei-der-eu-wahl-2019-die-implosion-der-spd/24385690.html>

ческой мозаике Европарламента. Пошатнулись устои политического центра, эффект усиления либералов и «Зелёных», с одной стороны, евро-скептиков, популистов и националистов, с другой стороны, содействует заметной поляризации сил в Европарламенте, создаёт дополнительные осложнения при поиске компромиссов в сфере кадровой политики в рамках всего Евросоюза. На европейском уровне отчётливо проявилась тенденция к суверенному курсу стран, с одной стороны, и к мобилизации сторонников воплощения «европейской мечты» – с другой.

Через призму результатов на национальном уровне видна тенденция к сокращению электоральных ресурсов у традиционных партий, к переформатированию партийного ландшафта, в том числе за счёт перетока прежних сторонников политического фаворита в лагерь идеологического оппонента. Элиты вынуждены приступить к переосмыслению опыта европейского проекта, его форм, содержательного наполнения.

Эксперты напоминают, что европейская идея воплощалась в жизнь лишь на уровне правительств, без подключения гражданского общества к процессу принятия решений по интеграционному строительству. Исполнительные власти европейских стран проводили переговоры в закрытом режиме, без учёта позиций экспертного сообщества. Демократический суверен был лишён как права контроля, так и участия в непосредственной подготовке решений по интеграции. Бюрократи-

ческие инстанции предполагали, что лишь одно волшебное слово «Европа» должно магически действовать на избирательный корпус, и заочно проводили соответствующие решения. Такой алгоритм действий Брюсселя привёл к ослаблению влияния национальных элит на выработку решений, недоверию избирателей. Вызревало единственное представление, что «европеизация» национальной политики должна проводиться путём предписаний и директив Брюсселя [2]. Позиция весьма удобная, устраивала многих. С одной стороны, Брюссель без лишних усилий, политической борьбы добивается искомым результатов, а с другой – в странах – членах ЕС можно клеймить Брюссель как главную причину неудач, за которые никто конкретно не несёт ответственности.

Эксперты аттестуют такую схему как особый ритуал, который способствовал появлению нового вида политической культуры в Европе с последующим ослаблением легитимности парламентской демократии. Сами избиратели, ради которых, собственно, печётся правящая бюрократия, всё чаще приходят к выводу о бесполезности и ненужности отданного на выборах своего голоса: и без этого, дескать, всё определяет и решает Брюссель. Один из ключевых выводов выборов в ЕП: дефицит демократии в ЕС отнюдь не случайное, не второстепенное явление или простое упущение при формировании, развитии европейской интеграции. Устоялось, закрепились, зацементировалось убеждение, что евроинтеграция – это проект элит.

² <https://www.cicero.de/aussenpolitik/europawahl-eu-demokratie-europa>

Прочным корсетом, сдерживающим отчуждение между элитами и населением Европы, остаётся популярный тезис о единой Европе как маяке европейских интеграционных процессах, острове мира, счастья, благополучия. Расплывчатая, но привлекательная формулировка не насыщалась конкретным содержанием, оставалась европейской мечтой, содействовала появлению своего рода западноевропейской религии, никто не имел права расшатывать её постулаты.

Итоги выборов в ЕП выявили, с одной стороны, необходимость политического и социально-экономического оздоровления ЕС для восстановления его дееспособности с применением эффективных методов терапии против правового национализма, а с другой – через замену важных должностей в институтах ЕС (например, руководителя Европейской комиссии), благодаря чему, как считают аналитики, могут появиться шансы на реформирование Евросоюза.

Дискуссии и споры об обновлении Евросоюза

Итоги выборов в ЕП вызвали новые дискуссии в Германии, Австрии, других европейских странах о конструкции ЕС, договорной межправительственной системе, моделях «Европы наций» или «Европы отечеств», интерпретациях этих дефиниций.

На практике идеальных конструкций не существует.

Наибольшую опасность для ЕС эксперты видят в подходах правых националистов. Возможная реализация предложений М. Ле Пен и М. Сальвини приблизила бы ЕС к модели конфедерации либо вообще поставила бы этот вариант под вопрос, поскольку идеи французских и итальянских популистов направлены на сохранение любой ценой национального суверенитета. Такой подход чреват возможным разрушением евроскрепов у Евросоюза, оживлением сепаратизма в некоторых регионах континента, усилением тенденции к регионализации.

Ренационализация означала бы крах таких основополагающих до-

кументов ЕС, как Шенгенское соглашение, заметно снизила бы конкурентоспособность стран – членов Евросоюза. Так, последовательно отстаиваемый правыми популистами национальный суверенитет в глобализованном мире может оказаться иллюзией, повысить риск снижения темпов экономики, поскольку даже самые крупные, мощные, влиятельные страны ЕС не могут выдержать конкурентную борьбу с КНР и США.

Показательно, что во время избирательной кампании по выборам Европарламента лозунги о выходе из ЕС практически исчезли, апологеты такого направления даже отрицали свои прежние требования. Вместо этого в условиях приезда в Европу мигрантов-мусульман руководители правых популистов задействовали стратегию, в рамках которой евроскептики стали выдавать себя за защитников настоящей Европы, истинных европейских патриотов. Для закрепления озабоченностей у массы жителей Европы

в ход пошли теории заговоров, согласно которым, например, реализуется запланированный «обмен населения» с опасными последствиями для европейского христианства. Для противодействия опасным тенденциям правые националисты стали сколачивать альянсы, а эксперты ввели в оборот термин «европеизация евроскептиков» – процесс консолидации «сил обновления ЕС». Возникают сложности лингвистического, смыслового содержания, которые мешают договориться об общих терминах, интерпретациях.

Если Ле Пен и М. Сальвини предпочитают говорить о «Европе наций», то для политиков Австрийской партии свободы (АПС) и «Альтернативы для Германии» модель «Европа отечеств» представляется более объективной, они избегают выделять понятие о нациях.

Сами сторонники двух воззрений на конструкцию Европы затрудняются найти различия, хотя для них общим знаменателем является защита, восстановление национального, государственного суверенитета. Выразители радикального обновления ЕС едины в том, что «Европа наций» либо «Европа отечеств» не должны выходить за рамки общего экономического пространства, таможенного союза. АПС не торопится выдвигать программу-максимум, как это делает АдГ или другие союзники-евроскептики. Австрийские «свободники» не предлагают упразднить Европарламент, для них достаточно минимизации главного европейского законодательного органа, а также сокращение числа комиссаров ЕС.

Открытым остаётся вопрос – и об этом идут острые споры – какие ре-

шения и по каким вопросам должны приниматься на брюссельском уровне, какие сферы политики, экономики, культуры могут быть исключены из компетенций европейских инстанций.

Например. АПС отвергает идеи о социальном союзе, европейской армии, общем министре финансов в рамках ЕС. Предлагается переосмысление содержания Шенгенского соглашения, европейской Конвенции по правам человека и Женевской конвенции о беженцах.

Исследование программных установок евроскептических партий, заявлений их лидеров выявляет расплывчатый характер, размытость, незаконченность положений, формулировок, тезисов. Такой подход для евроскептиков стратегически выгоден, поскольку точные, выверенные предложения применительно к альтернативной форме организации и функционирования обновлённой Европы сразу же вскрыли бы несостоятельность идеологии и практики правых популистов, выявили бы расхождения относительно важных проблем.

Позиции евроскептиков разнятся, например, применительно к Москве: польская партия «Закон и справедливость» не поддерживает доброжелательный курс в отношении к России со стороны других правопопулистских партий. Если Венгрия и другие страны – члены ЕС, слабые в экономическом и структурном отношении, довольны выплатами из общеевропейского котла, то австрийские и немецкие правые популисты подвергают резкой критике финансирование своими странами «отстающие» государства ЕС.

Известные эксперты не берутся делать прогнозы относительно концепций «Европы наций» или «Европы отечеств», т. е. последствий реализации такого евростроительства. Пока никто из сторонников этих воззрений не может разъяснить трансформацию сегодняшней структуры ЕС в «Европу наций» или «Европу отечеств». При конструкции в форме «Европы наций»/«Европы отечеств» сложно представить себе системные механизмы и соответствующие процедуры урегулирования, например, спорных вопросов между отдельными странами. Не ясно, какая инстанция была бы наделена полномочиями по сохранению мира и стабильности, урегулированию возможных конфликтов, наконец, какими возможностями обладали бы малые государства для защиты и продвижения своих интересов. Дискуссионным остаётся вопрос, как воспримут «Европу наций» такие международные организации, как Совет Европы, НАТО, ОБСЕ, смогут ли отдельные суверенные государства выдержать глобальную конкуренцию, например, по новейшим технологиям и т. д. Без точного определения задач, целей, моделирования политических, социально-экономических последствий реализации проектов «Европа наций»/«Европа отечеств» соответствующие инициативы смысла не имеют [3].

Ряд экспертов ставят под сомнение как ренационализацию, так и возможную трансформацию ЕС в некую конструкцию на федеративных началах или в «Европейскую республику». Привести к одному евро-

пейскому знаменателю национальные интересы и особенности, с которым могли бы согласиться и извлечь пользу все стороны, теоретически реализуемо в рамках федеративной конструкции. В то же время такая модель не будет в достаточной степени отражать европейскую идентичность, не говоря уже о готовности стран – членов такого союза к качественным изменениям. То же самое относится к утопической идее сторонников «Европейской республики». Эксперты задаются вопросом, почему «Европейская республика» – «Европа 50-ти регионов» с участием 50 элит и 50 формами и содержанием идентичности априори может быть более мирной, демократичной, кооперативной по сравнению с сегодняшней конструкцией ЕС из 28 (27) стран. Выразители такого подхода к эволюции ЕС убеждены в необходимости мужественного скачка с помощью полноценного Европарламента, который, с их точки зрения, может быть единственной легитимной структурой при трансформации ЕС в федеративное государство.

При этом авторы реформаторского замысла главное зло видят в государствах, мешающих осуществить переход к реальной транснациональной европейской демократии, построению «Европейской республики» из 50 регионов с проживанием в каждом по 10 млн жителей. Такой подход нацелен на преодоление доминирующего положения трёх крупных стран – Великобритании, Германии, Франции, но прежде всего на снижение влияния ФРГ с её амбициями гегемона. Среди инструментов

³ https://oegfe.at/wordpress/wp-content/uploads/2019/04/OEGfE_Policy_Brief-2019.07.pdf

достижения этой цели введение института прямой демократии – общеевропейских референдумов. Оппоненты такой линии опровергают тезис о дефиците демократии ЕС, поскольку, дескать, ЕС сформирован по инициативе демократических государств, проводит свою политику при их непосредственной поддержке. Существует и иная точка зрения, согласно которой авторы подобных проектов реформирования ЕС предлагают путь так называемого креативного уничтожения современной модели ЕС в целях создания нового европейского проекта [4], т. е. практически искусственная возгонка процессов разрушения ЕС для формирования более передовой евромодели с пока ещё неясным политическим компасом и «дорожной картой». Не может не бросаться в глаза, что даже среди утопических проектов модернизации ЕС просматривается стремление ряда немецких, других европейских экспертов ограничить влияние Берлина, который в условиях объединённой Германии и Европы выстраивает, закрепляет, лакирует имидж «доброе, хорошее немец».

Исследования показывают, что усилия политиков и экспертов направлены на придание нового дыхания европейскому проекту, против попыток сделать из Евросоюза образ врага. Ими сформулировано несколько направлений, которые нашли своё выражение в документе, принятом на неформальном саммите ЕС (Сибиу, Румыния, 9 мая 2019 г.).

Заявляя о готовности защищать единую Европу, отстаивать демократию и верховенство закона, играть роль ответственного мирового лидера, Франция и Германия предложили стратегию развития ЕС до 2024 г., так называемую стратегическую повестку дня с десятью обязательствами, среди которых:

- обеспечение единства Европы за счёт солидарности и согласованности действий;
- учёт мнений и озабоченностей европейцев;
- выполнение принципов справедливости в сферах рынка труда, благотворительности, экономики;
- создание надлежащих условий для будущих поколений европейцев;
- защита граждан ЕС с инвестированием средств в мягкую и жёсткую силы.

Лидеры стран заверяют, что эти направления являются маркером нового этапа развития ЕС после «брексита», расширяют влияние ЕС на континенте и в мире [5].

Тем временем экспертное сообщество обращает внимание на концепцию «Соединённых Штатов Европы», подразумевая под этим углублённую интеграцию и активизацию политического взаимодействия между участниками общеевропейского процесса. Такой вектор развития ЕС может быть обеспечен, например, более самостоятельной политикой Европы в вопросах безопасности и внешней политики.

В связи с отходом Трампа от курса своих предшественников относительно обеспечения европейской

⁴ https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2019S06_lbk.pdf

⁵ <https://www.consilium.europa.eu/de/press/press-releases/2019/05/09/the-sibiu-declaration/>

безопасности предлагается провести тщательную инвентаризацию того, какие финансы каждое государство – член НАТО готово выделять на оборону, какими армейскими подразделениями располагают европейцы без Великобритании и США для обеспечения своей безопасности. Стратегическая автономия Европы могла бы укрепить лидерские позиции ЕС в его адекватных ответах на другие глобальные вызовы: климат, ограничение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, рост населения, а также повысить роль Брюсселя в качестве архитектора программ превентивных мер в сфере экологии, энергобезопасности, образования, инноваций и т. д. ЕС должен более активно выступать за преимущества глобализации, на примерах убеждать европейцев в выгоде мировых процессов. В то же время рынок повышения общего блага не может быть самоцелью, а экономический национализм может нанести ущерб.

Эти подходы разбавляются идеями лидеров отдельных стран, в частности, бывшим канцлером Австрии С. Курцем. Он предложил переформатировать Лиссабонский договор (2009 г.), поскольку положения основополагающего документа ЕС, по его мнению, не соответствуют новым политическим, военно-политическим, социально-экономическим, климатическим, демографическим реалиям. Идеи австрийца сводятся к ужесточению санкционных механизмов для стран – членов ЕС, которые не регистрируют нелегальную миграцию, нарушают нормы правового государства и принципы либеральной демократии. Он считает благом сокращение состава Евроко-

миссии через снятие автоматизма делегирования каждой страной в ЕС одного комиссара. Сегодня число комиссаров намного больше профильных направлений деятельности ЕС, возникновение новой проблемы тянет за собой очередной пост, но вопросы не решаются. Вена могла бы пойти на сокращение «комиссарской гвардии» за счёт австрийского представителя. С. Курц упрекнул брюссельскую бюрократию в излишней регламентации, бюрократизации. В очередной раз он высказался за прекращение гастролей «бродячего цирка в лице Европарламента», который попеременно проводит свои заседания в Страсбурге и Брюсселе, из-за чего Страсбург стал символом неэффективности. Он потребовал единственную дислокацию ЕП в Брюсселе, что, однако, предполагает обязательное согласие Парижа, который вряд ли посчитает разумным реформаторский замысел австрийца.

Всем хорошо известен реформаторский порыв президента Франции, однако кто выступает за реформы, должен быть готов к их возможным болезненным последствиям. Брюссель должен сконцентрировать внимание на таких крупных вопросах, как внешняя политика и политика безопасности. В то же время С. Курц выступил против создания европейской армии, так как государства не готовы делегировать полномочия Брюсселю принимать решения о направлении своих военнослужащих в регионы конфликтов. Оценки С. Курцем в начале весны 2019 г. инициатив Э. Макрона о реформировании ЕС – они, дескать, утопичны и опасны – говорят сами за себя. Малые страны отвергают

диктат крупных государств, тем более когда с ними предварительно не советуется [6]. Реакция Брюсселя, ряда столиц стран – членов ЕС на предложения С. Курца была достаточно сдержанной, если не сказать негативной. Часть экспертного сообщества поддержала идеи австрийца со ссылкой на аналогичные подходы в вопросах сокращения парламентского корпуса и чиновничьего аппарата ЕС.

Отдельного внимания заслуживают идеи о проведении общеевропейских референдумов за вступление либо выход из ЕС. Они направлены на повышение добавочной стоимости голоса каждого избирателя ЕС, совершенствование форм волеизъявления избирателей. Введение «европейских референдумов» преследует цель вовлечения максимально большого количества жителей ЕС в решение реальных судьбоносных проблем. Инициатива обосновывается тем, что выход Великобритании не может быть лишь внутренним делом одного государства, поскольку «брексит» затронет интересы подавляющего большинства граждан Европы, их материального благосостояния. В то же время страна – кандидат на вступление в ЕС будет обязана разъяснить жителям Европы мотивы, убедить в полезности такого шага, готовности взять на себя обязательства по выполнению принятых в ЕС норм и ценностей. Такая процедура, полагают эксперты, могла бы оказать содействие формированию института общеевропейской общественности.

Поскольку не у всех стран в конституциях прописана норма о референдумах, его общеевропейский вариант призван подтолкнуть законодателей гармонизировать юридические базовые основы по данной проблеме. Общеевропейский референдум мог бы стать инструментом проведения в стране-кандидате интенсивных дискуссий о преимуществах и издержках вступления в ЕС, рычагом побуждения граждан других стран внимательно посмотреть на доводы кандидата. Одной из форм ознакомления с политической ситуацией, социально-экономическим самочувствием в стране-кандидате, его историей, культурой могли бы стать информационные поездки.

Поводов достаточно, например, ежегодные номинации на звание «культурной столицы Европы». Не исключена такая привлекательная форма, как подготовка и проведение, к примеру, олимпийских игр, европейских и мировых чемпионатов по футболу и т. д.

Европейский референдум предписан также для желающих покинуть ЕС страны. Возможно, при проведении общеевропейского референдума относительно «брексита» население других стран ЕС не поддержало бы такую инициативу. Тем самым общеевропейский референдум по вступлению в ЕС либо выходу из него – серьёзное препятствие и стимул. Если голосование положительное, оно означало бы поддержку проекта гражданского общества и не могло быть квалифицировано как «проект элит».

⁶ <https://www.nzz.ch/international/sebastian-kurz-fordert-neuverhandlung-des-eu-vertrags-ld.1479422>

Поэтому новый документ ЕС – обновлённая версия Лиссабонского договора (2009 г.) – следовало бы пропустить через процедуру общеевропейского вето. Механизм призван гармонизировать нормативные и ценностные основы ЕС с национальными конституционными положениями о референдумах. Через введение общеевропейских референдумов расширяются возможности создания европейского демоса, общественности. Лишь давление «низов» может привести к заключению о возможной трансформации ЕС в некую конструкцию на федеративных началах [7].

Процедуру референдумов отстаивает часть политического класса, экспертного сообщества ФРГ, Австрии и других стран. Опытный политик и эксперт Б. Хомбах напоминает о высокомерном отношении элит к народу, избирателям как «мешающему обновлению фактору». Он предупреждает, что системы, не готовые к референдумам, опасющиеся этой формы участия гражданского общества в политических процес-

сах, несут угрозы для демократии. Если политики опасаются потери своих постов и должностей по итогам голосования по их проектам и программам, то они подвергают рискам стабильность демократических систем. Силы, которые противодействуют введению референдумов, поощряют отчуждение между элитами и жителями Европы. Немецкий эксперт рекомендует учитывать мнение немцев, которые, с одной стороны, выступают против директив Брюсселя о вкусовых параметрах пива, но с другой – поддерживают идею создания оборонного союза ЕС [8].

Предложения об общеевропейском референдуме логически корреспондируются, например, с идеями Э. Макрона о «референдуме гражданской инициативы». Такая форма прямой демократии позволяет дополнить либерально-глобалистские воззрения элит на муниципальную, региональную, национальную и европейскую политику требованиями электората найти развязки проблем.

Роль и место Германии в меняющемся мире

В период острых дискуссий о будущем Евросоюза внимание политического класса и экспертного сообщества ФРГ сфокусировано на роли и месте Берлина в ЕС и мире, на поиске в общественном сознании немцев своей самоидентификации. Исследования «подсвечива-

ются» такими определениями о Германии, как «дойная корова, безропотное вьючное животное, слуга» и т. д. Метафоры вызваны готовностью Германии как оказывать помощь слабым в финансовом отношении странам – членам ЕС, так и осуществлять роль строгого над-

⁷ Schmale W. Was wird aus der Europäischen Union? Geschichte und Zukunft. Philipp Reclam jun. Verlag, 2018. S. 115–117.

⁸ Europa in der Krise. Vom Traum zum Feindbild? / Hg. B. Hombach, E. Stoiber. Tectum Verlag Marburg, 2017. S. 198.

зирателя, воспитателя при соблюдении блоковой дисциплины, особенно по выполнению финансовых обязательств [9].

В такой линии Берлина мало альтруизма, тем более проявления благородства у высокомерных немцев. Наблюдается и второй аспект дискуссий о Германии как полугегемоне, гегемоне, либеральном гегемоне, некоем лидере поневоле объединённой Европы, требовательном казначее, строгом менторе-воспитателе.

Первый тип дискуссий был связан с решительностью Берлина взять на себя ответственность при решении мирового финансово-экономического кризиса, еврокризиса (долгового кризиса) более десяти лет назад [10]. Для второго периода характерны нападки Трампа на Евросоюз, Германию, Меркель.

В этих условиях канцлер совместно с президентом Франции пытается проводить более самостоятельный внешнеполитический курс, последовательно отстаивать общеевропейские и собственные национальные интересы. Проявляется обновлённое самосознание Германии. Берлин позиционирует себя не только в качестве казначея, строгого ментора-воспитателя, но и как мастера-созидателя будущей Европы, учитывающего широкий разброс мнений «народного электората» по основным направлениям европейской и мировой политики.

В этом контексте ряд известных германских политиков и экспертов выступают за сохранение культурно-исторических маркеров у каждо-

го народа, понимающего преимущества членства страны в ЕС.

Как здесь не вспомнить изречение классика немецкой литературы Томаса Манна, который в 1929 г. подчёркивал, что «национальные формы жизни – лишь оттенки и световые преломления „европеизма“... благодаря чему мир не утратит своей живописной, неподдельной и яркой индивидуальности» [11].

Государство не утрачивает важную роль хранителя идентичности, что в полной мере относится и к Германии. Но это исключает формулу «Германия или Европа», своё место Германия должна определять внутри Европы, внимательно прислушиваясь к голосам других стран – участниц общеевропейского процесса, малых и крупных. Эксперты с такими воззрениями отрицают модель «Европа отечеств», которую в 60-е годы выдвигал генерал де Голль. Они приводят слова тогдашнего премьер-министра Франции П. Пфлимлена: конструкция «Европа отечеств» отбросила бы Европу в XIX столетие, эпоху Венского конгресса, «европейского концерта». «Концерт» продолжался до тех пор, пока «музыканты» не начали бить друг друга по головам своими инструментами. Канцлер К. Аденауэр был также против «Европы отечеств», отдавал предпочтение модели евроинтеграции на федеративных началах, использовал метафору о дереве, которое постепенно обрастает ветвями.

Для многофакторного анализа эксперты обращаются к истокам

⁹ https://www.boell.de/sites/default/files/e-paper_vom_zahlmeister_zum_zukunftsmeister.pdf

¹⁰ Васильев В. И. Quo vadis, Германия? // Международная жизнь. 2017. № 2. Февраль.

¹¹ Манн Т. Собр. соч. В 10 томах, М., 1960. Т. 9. С. 642.

правого национализма. Они видят их в том числе и в поведении стран бывшей Организации Варшавского договора (ОВД), которые испытали политический гнёт, экономическую отсталость. Их освобождение от коммунизма породило большие надежды на материальное благополучие и гарантированную Западом безопасность. Реализацию этих целей бывшие социалистические страны видели лишь в наднациональной организации, одним из главных принципов которой являются самоограничение, обязательства, а также политическая воля, гражданская готовность признать проблемы каждого из государства – члена ЕС и НАТО как собственные. Членство в ЕС означает передачу части суверенитета Брюсселю, но именно это обстоятельство шокировало руководство и жителей этих стран, стремившихся войти в состав ЕС при соблюдении необходимых критериев. Это вызывало страх, зависть, даже ненависть, возбуждало желание вновь вернуть себе часть переданного Брюсселю суверенитета. В этой связи эксперты не исключают возможных глубинных потрясений ЕС, которые могут привести к судьбе когда-то многонациональных конструкций – Австро-Венгерской, Оманской и Российской империй. Империи рухнули под воздействием в том числе агрессивных националистических, реакционных партий, движений, течений. Евроскептики и националисты сознательно игнорируют тот факт, что каждое государство в отдельности не может справиться с глобальными вызовами, его возможности ограничены применительно к мировым транс-

формационным процессам с неясными перспективами. В условиях непредсказуемости содержания и направления векторов продолжающихся сдвигов в мировой и европейской системах координат на первый план выдвигаются вопросы совместных, согласованных действий всех участников общеевропейского процесса.

Осознавая опасность кризисов, конфликтов, межцивилизационных разломов, германский казначей, ментор-воспитатель, мастер построения благополучного Евросоюза берёт на себя большую ответственность: с одной стороны, быть адвокатом, защитником слабых в финансовом отношении стран – членов ЕС, а с другой – проявлять гибкость, учитывать исторические рефлексии евроновичков, их претензии на исключительный статус в ЕС (дескать, пострадали от СССР, его жертвы). Благие намерения немцев не всегда оцениваются по достоинству. Поляки и греки выставляют многомиллиардные счета Берлину с требованиями о компенсации за нанесённый Польше и Греции урон в годы Второй мировой войны.

В Берлине не забыли предупреждения, негативные прогнозы известных политиков и экспертов в период расширения ЕС за счёт стран бывшего соцлагеря. В начале 2000-х годов аналитики сетовали на то, что брюссельские структуры бесцеремонно врываются в повседневную жизнь европейцев, которые с растущим возмущением реагируют на происходящее в ЕС. Они не понимали, почему Брюссель взял на себя функции введения общих стандартов применительно к величине яблок и груш, параметрам пожар-

ных машин, правилам общественно-го движения в городах и коммунах.

О «брюссельском капитализме» говорили бывший канцлер Г. Шмидт, тогдашний президент ФРГ Р. Херцог. Их возмущали империалистические замашки брюссельских бюрократов, которые навязывали унифицированный распорядок дня, быт, алгоритм политической жизни странам-младорепейцам с их различным экономическим потенциалом, уровнем общедемократической культуры [12].

Новое позиционирование Берлина «прочувствовано» опытом опеки над странами «Восточного партнёрства», взаимодействия с проблемными странами ЕС. Именно ядро «старых» государств ЕС во главе с ФРГ сыграло не последнюю роль в расколе стран – членов ЕС на успешных и неудачных партнёров. Тогда Берлин, видимо, утратил политическое чутьё, тем самым разрушая благородный образ либерального гегемона и щедрого казначея, обретая статус строго ментора-воспитателя.

Сегодня немецкие эксперты, публицисты описывают тернистый путь Германии от гитлеровского режима до объединённой страны с её «добрыми, хорошими немцами». На европейской «шахматной доске» новая Германия позиционирует себя не как держава с милитаристскими устремлениями, а как государство с прочными моральными устоями. Германия исповедует культуру сдержанности, следует постулатам «стратегии самоограничения», не направляет военные подразделения

для непосредственного участия в международных военных конфликтах по формуле «Немцы – не против, они – за, но без них, немцев». Если союзники США поддерживают Вашингтон, то «гражданская держава» Германия воздерживается от участия в военных акциях, применяет «чековую дипломатию», а не талант командиров силовых структур. Германия – «миролюбивая держава» – получает выгоду, дивиденды от политики мира.

Сторонники А. Меркель приходят к заключению о переходе Германии в годы её канцлерства на позиции гегемона «мягкой силы», сама же глава кабинета министров является его пророком. Своим гостеприимством по приёму сотен тысяч беженцев в Германии она внесла значительный вклад в укрепление статуса Германии страны-сверхдержавы с прочными моральными устоями, имиджа немцев как открытых, добрых людей с демократическими убеждениями [13].

Мало кто сомневается в важности взаимодействия Германии и Франции для сохранения Евросоюза, евро. Но они не только тесно сотрудничают, но и соперничают. Э. Макрон забросал Брюссель и Берлин многочисленными идеями реформирования Евросоюза в ожидании реакции, в первую очередь со стороны Германии. Канцлер в принятой манере колебалась, выжидала, наконец, дала поручение председателю ХДС А. Крамп-Карренбауэр дать комментарий. Такой

¹² Spiegel Special. Das Magazin zum Thema „Experiment Europa. Ein Kontinent macht Geschichte“. 2002. № 1. S. 130–133.

¹³ Joffe J. Der gute Deutsche. Die Karriere einer moralischen Supermacht., München: Bertelsmann Verlag, 2018. S. 60–61, 152–153.

подход не устроил союзников канцлера по правящей коалиции – социал-демократов. Госминистр МИД ФРГ М. Рот (СДПГ), отвечающий за европейское направление Берлина, критически отозвался о «современном робком поведении Берлина в ЕС», что, по его мнению, связано с отсутствием полноценного диалога между германским канцлером и французским президентом. Если Э. Макрон отдаёт предпочтение самбе, то А. Меркель увлекается вальсом. Общего гармоничного танца у пары не складывается, партнёры сбиваются с ритма.

Кроме этого, для качественного институционального и нормативного ремонта ЕС не хватает честного разговора о его состоянии, разумных, обоснованных на реальных фактах предложениях с выверенными последствиями их возможной ре-

ализации. В СДПГ признают, что заявленные в Коалиционном договоре правительственной коалиции во главе с А. Меркель цели о новом прорыве в европейской политике не реализованы [14]. Хотя немцы и французы рассуждают о совместных приоритетах в европейской политике, клянутся в дружбе, диалог тандема Берлин – Париж оборотов не набирает. Обнажаются явные противоречия между реформаторским максимализмом Макрона и сдержанным прагматизмом Меркель, каждая из сторон избегает публичных заявлений с претензиями на лидерство.

Часть российских и зарубежных экспертов полагают, что того же Макрона – парижского мечтателя – с учетом экономики Франции, итогов выборов в Европарламент устраивает формат участия в лидерстве на континенте вместе с Германией.

Концептуальные и институциональные предложения по реформированию Евросоюза

Предложения по реформированию ЕС включают:

- реформатирование Лиссабонского договора от 2009 г., например, установление базовых норм по ужесточению санкционных механизмов для стран – членов ЕС, которые не регистрируют нелегальную миграцию, нарушают принципы правового государства, либеральной демократии. Традиционная модель Евросоюза, разумеется, с необходимой рихтовкой его действующих институций способна вывести Европу на позиции

одного из влиятельных мировых игроков;

- прямые выборы председателя Европейской комиссии;

- создание «Соединённых Штатов Европы». Её авторы подразумевают углублённую интеграцию, активизацию политического взаимодействия между странами – членами ЕС;

- реализацию концепции автономной стратегии ЕС по вопросам безопасности и внешней политики. Один из реальных векторов углубления интеграции, движение в сторону создания политического союза ЕС;

¹⁴ <https://www.vorwaerts.de/artikel/ohne-kompromissbereitschaft-deutschlands-eu-funktionieren>

– сокращение состава Еврокомиссии через снятие автоматизма делегирования каждой страной одного комиссара; числа парламентариев в Европарламенте, а также административных структур ЕС;

– введение института общеевропейских референдумов за вступление либо выход страны – члена ЕС из Союза. Такая демократическая форма направлена на повышение добавочной стоимости голоса каждого избирателя ЕС, совершенствование форм волеизъявления избирателей, сближение элит с рядовыми жителями Европы;

– содействие сохранению объединённой и сильной Европы. Лишь мощная Европа способна дать адекватные ответы на глобальные вызовы – климат, ограничение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, рост населения. Вызовы ставят перед Европой альтернативы либо оставаться мировым игроком с лидерскими позициями при комплексном решении проблем, либо смириться с возможным крахом в целом успешного проекта, утратой статуса активного преобразователя планеты. Европа могла бы стать архитектором программ превентивных мер в сфере климата, экологии, энергобезопасности;

– образование – фундамент будущих успехов. Лишь образованные, самостоятельно и критически мыслящие, креативные люди способны предложить концепции адекватных ответов на актуальные региональные и мировые вызовы, содействовать развитию демократии;

– наполнение так называемой лиссабонской стратегии идеями об экономическом, социальном обновлении ЕС в целях формирования со-

вместной эффективной политики в сфере образования, науки, исследований;

– системную перестройку экономики для наращивания инновационного потенциала;

– сохранение и развитие глобальной системы открытой торговли, которая способна создать новые рабочие места, повысить жизненный уровень, оказывать противодействие изоляционизму, экономическому национализму, отсталости, бедности;

– активизацию работы с гражданским обществом в странах – членах ЕС через специализированные программы помощи общественно-политическим силам в странах, где на них оказывается давление, например, в Венгрии, Польше;

– Организацию Конституционного конвента как важного этапа для возможного принятия Основного закона Евросоюза.

Примечательно, что выразители концепций «Европы наций» или «Европы отечеств» пока не представили схему трансформации сегодняшней структуры ЕС. Её авторы лишь настаивают на ренационализации ЕС без эмпирических результатов, всесторонней экспертизы в поддержку «Европы наций» или «Европы отечеств». Отсутствует объективный самоанализ внешне привлекательных моделей.

Декларация о защите единой Европы, принятая на неформальном саммите ЕС в Сибиу, свидетельствует о желании лидеров стран – членов Евросоюза сохранить статус-кво, не предпринимать никаких решительных мер по кардинальному изменению конфигурации объединения, ограничиться косметическими ме-

рами. Можно предположить, что общие формулировки документа будут насыщаться субстантивным содержанием по мере подведения итогов выборов в Европарламент, принятия взвешенных решений о дальнейшем совершенствовании деятельности Евросоюза, его инстанций.

Важные концептуальные стратегические направления обновления Евросоюза тормозятся, в том числе со стороны Вашингтона. Американская администрация противодействует сохранению целостности ЕС, попыткам Брюсселя, Берлина проводить относительно самостоятельную политику (вспомним поддержку со стороны Трампа «брексита», ультимативное письмо Госдепа США в адрес ЕС по поводу усиления военной кооперации в рамках ЕС), ведёт жёсткий курс против Германии, ЕС, развязывает торговые войны. Трамп «взял на мушку» лично канцлера А. Меркель

Неслучайно эксперты подчёркивают, что если Трамп критикует Германию, то он имеет в виду прежде всего А. Меркель, если он оказывает давление на НАТО, то подразумевает сдержанность Берлина относительно повышения немцами материального вклада в обороноспособность альянса.

Таким образом, как и ожидалось, евроскептики на общеевропейских выборах смогли расширить свой сегмент в парламентском корпусе ЕП, однако не в тех масштабах, которые прогнозировали комментаторы.

Как представляется, реальный расклад сил встряхнёт верхушку Евросоюза, которая должна осознать наконец инерционный характер своей политики, принять во внимание

озабоченности европейских электоральных масс.

Эффективность Евросоюза, Европарламента во многом определяется политикой Германии, руководство которой старается действовать как важный переговорщик, посредник. Иная позиция может лишь закрепить запущенный СМИ в политическое публичное пространство, включая научную экспертизу, со времён мирового экономического кризиса, долгового кризиса ярлык Германии как лидера с гегемонистскими устремлениями, высокомерие которого раздражает участников общеевропейского процесса, унижает достоинство граждан, например, Польши, стран южного фланга ЕС.

Однако недовольство линией Берлина со стороны таких стран, как Греция, Польша, Венгрия, немцы гасят солидными финансовыми инъекциями при пропагандистском сопровождении немецких СМИ о спасительных акциях со стороны благородных немцев. Польша и Греция мстят, как могут, выдвигая, например, требования о репарациях Германии полякам и грекам за нанесённый этим странам ущерб со стороны Третьего рейха.

Внешне привлекательные предложения президента Франции Э. Макрона по модернизации не встречают должной поддержки со стороны политического руководства Германии. Вроде бы верхушка Германии не отвергает и даже приветствует идеи Парижа, но на них отвечает, например, не канцлер, а лишь председатель ХДС А. Крамп-Карренбауэр. Сдержанность немцев объясняется и финансовой причиной. Председатель фракции ХДС/

ХСС в бундестаге Р. Бринкхаус на предложения Европейской комиссии об углублении экономического и валютного союза ЕС достаточно точно сформулировал позицию о том, что реализация реформаторских идей может привести к дополнительной нагрузке на немецких налогоплательщиков.

Премьер-министр Баварии, председатель ХСС М. Зёдер говорит более откровенно: если инициативы будут оплачены лишь из германской казны, то даже немцы – сторонники дальнейшей евроинтеграции будут проявлять недовольство из-за избыточных расходов Берлина.

Респектабельная газета *Frankfurter Allgemeine Zeitung* не скрывает скепсиса с комментарием, что каждое французское предложение сопряжено с немецкими подозрениями применительно к вовлечению в реформы в очередной раз германского казначейства с толстым кошельком.

Многофакторное исследование идеологии и политики евроскептиков, правых националистов указывает на неоднозначность их позиций, аморфность поставленных задач, неясных инструментов их реализации. Как представляется, часть евроскептиков, популистов не намерена проводить радикальную перестройку Евросоюза по формуле «до основания, а затем...», разрушить конструкцию, которая в течение многих лет смогла обеспечить мир в Европе, в целом достойный уровень жизни жителей континента. Руководители партий, их активисты пока не замечены в нападении на правоохранительные структуры, административные здания, хотя некоторые из них, как например из АПС (Австрия), иногда срываются на прославление сомнительных успехов из эпохи Третьего рейха. Лидеры

этих партий, их эксперты, судя по всему, стараются восстановить христианские традиции Старого Света и, с другой стороны, на равных с другими политическими силами принять участие в строительстве нового миропорядка в Европе с наполнением его измерений актуальными смыслами, а главное – содержанием.

Анализ предложений применительно к модернизации ЕС подтверждает наличие нескольких подходов. Сторонники ультраоптимистических шаблонов с красочным лингвистическим обрамлением, как, например, перезапуск «европейской весны», блаженно верят в прочность действующей структуры ЕС, неизбежность его стандартов. Их оппоненты обращают внимание на крах проекта, навязанного в директивном ключе элитами вопреки воле жителей европейских стран.

Процесс «европеизации евроскептиков» указывает на желание прагматичных сил внутри популистов принимать во внимание воззрения других политических течений для совместного евроремонта по чертежам коллектива из альтернативных архитекторов.

Ярмарка идей перестроения ЕС переполнена разнообразными предложениями, инициативами, которые выдвигают лидеры стран, члены Европарламента, политики, профильные исследовательские центры, активисты гражданского общества. Но никто не может ответить на вопрос, в какой степени эти предложения могли бы дать импульс развитию ЕС во благо рядовых европейцев, каков его вектор. Некоторые идеи с высокопарными формулировками либо ограничены провинци-

альными подходами, либо грешат общеглобалистским видением проблем. Поэтому ряд экспертов настаивает на реализации имеющихся базовых документов ЕС в полном объёме, старается убедить руководящие эшелоны ЕС в более решительном использовании имеющихся евроинституций.

Институциональный, нормативный потенциал ЕС далеко не исчерпан, что позволяет осуществить не радикальную перестройку, а точеч-

ное реформирование отдельных элементов общей евроконструкции. Нельзя не найти примечательным требования евроскептиков о необходимости обновления европейского ареопага политиков за счёт молодого поколения. Лидеры как безоговорочного восторга, так и безоговорочного отрицания уходят в прошлое, но и кандидаты с ярко выраженной интеллектуальной чеканкой на политическом олимпе пока не просматриваются.

Россия не может оставаться безразличной к происходящим на Европейском континенте процессам. Москва неоднократно подчёркивала заинтересованность в нормализации отношений с Евросоюзом, восстановлению взаимовыгодного сотрудничества. Она надеется на постепенное смягчение санкционного режима, восстановление взаимовыгодных торгово-экономических связей с Брюсселем.

Возможное возвращение парламентской делегации России в Парламентскую ассамблею Совета Европы, первые робкие сигналы о переосмыслении восприятия политики Киева со стороны части истеблишмента Евросоюза, Германии, Франции и других стран свидетельствуют о формировании реалистичного подхода к Москве, о возможном возвращении к многоплановому сотрудничеству Россия – Евросоюз.

Библиография • References

Васильев В. И. Quo vadis, Германия? // Международная жизнь. 2017. № 2. Февраль. С. 107–127.

[Vasil'ev V. I. Quo vadis, Germaniya? // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2017. № 2. Fevral'. S. 107–127]

Манн Т. Собр. соч. В 10 томах. М., 1960. Т. 9. – 687 с.

[Mann T. Sobr. soch. V 10 tomach. M., 1960. T. 9. – 687 s.]

Europa in der Krise. Vom Traum zum Feindbild? / Hg. B. Hombach, E. Stoiber. Tectum Verlag Marburg, 2017.

Joffe J. Der gute Deutsche. Die Karriere einer moralischen Supermacht., München: Bertelsmann Verlag, 2018.

Schmale W. Was wird aus der Europäischen Union? Geschichte und Zukunft. Philipp Reclam jun. Verlag, 2018.

Spiegel Special. Das Magazin zum Thema „Experiment Europa. Ein Kontinent macht Geschichte“. 2002. № 1.

https://oegfe.at/wordpress/wp-content/uploads/2019/04/OEGfE_Policy_Brief-2019.07.pdf

https://www.boell.de/sites/default/files/e-paper_vom_zahlmeister_zum_zukunftsmeister.pdf
<https://www.cicero.de/aussenpolitik/europawahl-eu-demokratie-europa>
<https://www.consilium.europa.eu/de/press/press-releases/2019/05/09/the-sibiu-declaration/>
<https://www.nzz.ch/international/sebastian-kurz-fordert-neuverhandlung-des-eu-vertrags-ld.1479422>
https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2019S06_lbk.pdf
<https://www.tagesspiegel.de/politik/desaster-bei-der-eu-wahl-2019-die-implosion-der-spd/24385690.html>
<https://www.vorwaerts.de/artikel/ohne-kompromissbereitschaft-deutschlands-eu-funktionieren>

Статья поступила в редакцию 29 мая 2019 г.

Хештеги: механизм легитимации политического режима или манипулятивная ловушка?

Сергей ФЕДОРЧЕНКО

Легитимность и сетевая политическая коммуникация

Цель проведённого исследования – концептуально-терминологический анализ сетевого механизма легитимности и легитимации политического режима. Отдельная задача – изучение роли технологии политического хештегирования в формировании легитимности власти. При этом научная проблема видится в недостаточной изученности вопроса воздействия хештегов на управление политической повесткой. Поэтому для начала расставим «категориальные штрихи» к «теоретическому портрету» политологического исследования.

В академической политической науке часто трактуют легитим-

ность (лат. *legitimus*) как некое согласие власти и населения по поводу различных политических вопросов. Если более конкретнее, то легитимность – это поддержка власти со стороны большинства населения.

Легитимность означает квинтэссенцию поддержки, доверия и авторитета. И как совершенно верно считает А. И. Соловьёв, легитимность принципиально отличается от легальности, так как власть не всегда основана лишь на правовой сфере. Поразительно глубокое замечание о недостаточности законности для существования порядка делает первый русский митрополит Илари-

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич – доцент, кандидат политических наук, заместитель декана факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета. *SPIN-код:* 8766-9873, *E-mail:* s.n.fedorchenko@mail.ru

Ключевые слова: хештег, легитимность, легитимация, политический хештег, сетевая элита.

он, чётко разделяя Закон и Благодать. Иларион отводил категории Благодати центральное значение, связывая её с истинным, сакральным, грядущим и одновременно со свободным [1]. Закон же для древнерусского политического и церковного мыслителя – лишь тень Благодати.

Следует особо подчеркнуть, что в отечественной политико-философской (дополитологической) публицистике легитимность, легитимация и связанные с ними категории имели сильную привязку к сакральной, мессианской природе политического режима. Это были вынуждены учитывать даже большевики, что прекрасно показал Н.А. Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма». Тогда как в западно-европейской традиции концептуализация легитимности была производна от более чёткого теологического размежевания духовной и светской власти [2].

К. Шмитт отделял легальность от легитимности, описывая плебисцитарно-демократический и династический виды последней. Кардинальную значимость для модели легитимности Шмитта, во-первых, имеет категория авторитета, а во-вторых, Шмитт настаивает на важности для анализа политических явлений дихотомии «друг – враг» [3]. Модель Шмитта не теряет своей актуальности и в цифровую эпоху. Современная власть исполь-

зует не только приемы насилия, но и техники убеждения, особенно через информационные каналы. Всё та же власть применяет манипулятивные способы для поддержки собственного авторитета, стараясь определять для широких слоёв населения, кто их друг, а кто враг. Отсюда логично изучать сопутствующие политологические понятия – легитимацию и делегитимацию. *Легитимация* – это производная политологическая категория, буквально означающая механизм конструирования легитимности. Стало быть, *делегитимация* – это иной механизм, подразумевающий ослабление и разрушение легитимности. Между тем в политической науке до сих пор нет единого мнения по поводу понимания природы легитимности – ключевой категории, с которой и связана легитимация.

Понять легитимность невозможно в отрыве от политического режима. Следовательно, другим ключевым рабочим термином является политический режим, понимаемый с точки зрения функционального подхода как порядок (или способ) функционирования всей политической системы.

Данное понимание учитывает прежде всего работы Г. Лассуэлла, исследования в области политической коммуникативистики профессора М.Н. Грачева, а также труды профессоров Н.А. Баранова и А.И. Соловьёва.

¹ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / сост., пер. В.Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации; Родная страна, 2016. С. 37–43.

² Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. Политические исследования. 2001. № 2.

³ Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца. СПб.: Наука, 2016. 263–264, 301.

Функциональный подход к политическому режиму будет адаптирован к многомерному пониманию феномена легитимности, которая в авторском понимании достигается не только традиционными силовыми способами, но и сетевыми, несиловыми практиками.

Как правило, многие учёные при рассмотрении явления легитимности власти обращаются к наследию немецкого социолога М. Вебера, который предлагал её изучать через категории традиционности, харизматичности и рациональности [4]. Сначала такая модель возобладала в западных политологических школах и научных коллективах.

В советской науке данную позицию стал критиковать, к примеру, В. П. Макаренко, отмечая, что Вебер брал схожие тезисы из теоретической схемы Гегеля, соглашаясь с последним в универсальности ценностей порядка, определяющих сферу политического сознания индивидов [5]. Особенно критически оценивал Макаренко то схожее положение Вебера и Гегеля, согласно которому человек может считаться свободным и разумным только при условии признания существующего политического порядка.

Кстати, западные политологи тоже постепенно стали оценивать модель легитимности Вебера с довольно критических позиций.

Так, французский учёный М. Доган, анализируя именно легитимность режима, вообще считает концепт Вебера анахронизмом, подкрепляя свою позицию доводами о том, что её традиционная разновидность исчезает, а харизматичная встречается чрезвычайно редко [6]. Заслуживает внимания тот тезис Догана, по которому веберовская картина никак не объясняет тесную взаимосвязь различных социально-политических явлений с демократией.

Но будем справедливы.

Творчество Вебера в основном отражает политические особенности его эпохи.

К. П. Кокарев пишет, что немецкий учёный был больше сосредоточен именно на рассмотрении харизмы и случаев легитимного насилия [7]. Кроме того, его книга «Хозяйство и общество» оказалась недописанной. Также Вебер не мог знать, что в будущем возникнут Интернет и социальные сети, которые серьёзно скорректируют технологии легитимации политического режима, заставив власти искать дополнительные сетевые приёмы по упрочнению легитимности.

В настоящее время логично разрабатывать политические теории среднего уровня, которые могли бы, с одной стороны, претендовать на универсальность в определённой политологической области, объясняя те или иные закономерности с вполне фундаментальных позиций (на-

⁴ Weber M. *Economy and Society: An Outline of an Interpretive Sociology*. [Translated by G. Roth and C. Wittich]. Berkeley: University of California Press, 1978.

⁵ Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1988. С. 157–161.

⁶ Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6.

⁷ Кокарев К. П. Легитимность институционального порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / ред. колл.: С. В. Патрушев, С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М.: РАПН, РОССПЭН, 2011. С. 43–45.

пример, многомерную природу легитимности политического режима), а с другой – ориентироваться на прикладное значение – создание практических моделей для налаживания эффективного политического управления и формирования оптимального контура обратной связи между обществом и властью (например, проект сетевой макрополитической идентичности, участвующий в легитимации политического режима и одновременной коммуникации между властью и обществом, центром и регионами).

Гораздо дальше в этой проблеме продвинулся С. Липсет, описавший под легитимностью специфическую функцию политической элиты формировать мнение, что соответствующие политические институты конкретной страны – наиболее адекватны для современного общества [8]. Подход Липсета своеобразно соединяет в себе тезис важности несиловых практик легитимации, функционального понимания политического режима, цифровизации политической жизни и необходимости организации эффективной политической коммуникации в социуме.

Неслучайно крупный российский специалист в области политической коммуникативистики М. Н. Грачев пишет: «...Сегодня, когда благодаря использованию "всемирной паутины" практически любой участник политического процесса ока-

зывается способным направлять свои сообщения неограниченному числу потенциальных адресатов, складывается ситуация, которая вынуждает переосмыслить устоявшиеся представления о роли и возможностях конвенционального участия личности в политике...» [9].

До появления работ о тотальной цифровизации современного политического поля возник ряд трудов (Д. В. Березняков, А. И. Вертешин, Н. Ф. Пономарёв), авторы которых писали об особой «медиалегитимации» – информационно-политической системе, направленной на разрушение власти или её поддержку посредством журналистики и технологий массовой коммуникации [10]. Данные работы весьма аргументированно объясняют суть феномена медиатизации политики. Это можно сообразовать с тем политическим процессом, который А. И. Соловьёв связывает с деконцентрацией и децентрализацией властного функционала верхов. По его мнению, это естественный процесс, когда по ходу общественной эволюции политика переходила на новые приёмы укрепления легитимности [11]. Идеологичность заменяется на оперативные типы политической коммуникации между обществом и государством на фоне появившейся у масс возможности самостоятельного производства и распространения политически весомой информации через технотелемедиумы – электронные

⁸ Lipset S. Same social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 1. P. 86–87.

⁹ Грачев М. Н. Политика: коммуникационное измерение. Тула: Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2011. С. 44–45, 123–125.

¹⁰ Вертешин А. И. Медиалегитимация политической власти в современной России. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2008.

¹¹ Соловьёв А. И. Политический облик современности: очевидность явления // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

площадки передачи контента и смыслов.

Если обратиться к исследованиям М. Кастельса, исходящего из того, что любая сеть означает сумму связанных узлов, степень влиятельности (властности) которых кроется в их функции развивать сетевую структуру, то можно перейти от медиалегитимации (в том числе привязанной и к традиционной журналистике) к более широким и универсальным категориям «сетевая легитимация» и «сетевая легитимность». Подобного рода категоризация может опираться и на опыт исследований российского политолога Г.Л. Акопова, понимающего под «сетевой политикой» специфические методы политической интернет-коммуникации, которые способны участвовать в организации государственного управления, демократии, захватывать внимание общества, а также способствовать манипулятивным практикам. Примечательно, что Акопов видит источник сетевой

политики в постоянной борьбе элит за власть [12].

Исходя из проведённого анализа, «сетевую легитимность» политического режима можно определить как совокупность технологий конструирования медиалегитимности через политические интернет-коммуникации (*online*) и технологий формирования традиционной легитимности в реальности (*offline*), что, безусловно, близко к сетевой природе властной элиты. «Сетевая легитимность» достигается через определённые элементы. *Во-первых*, это арены коммуникации граждан, технотелемедиумы в трактовке А.И. Соловьёва (блоги, форумы, компьютерные игры, сообщества социальных сетей и т. п.), *во-вторых*, это конкретные цифровые технологии, с помощью которых политические акторы стараются воздействовать на мнение граждан, общающихся в условиях арен коммуникаций (мемы, месседжи, мифы, стереотипы, хештеги и т. п.).

Политические хештеги: сетевая элита между порядком и хаосом

Одной из таких технологий является хештег (от *англ. hash* – символ «решётки» и *tag* – метка) означает определённое слово или ряд слов контента, встречающийся в социальных сетях, блогах, форумах, микроблогах, видеохостингах, интернет-порталах и других типах новых медиа. Общепринятой практикой является, когда хештеги применяются в интернет-коммуникациях

с целью быстрого обнаружения контента, интернет-поста пользователями, на которых ориентирован месседж. Кроме того, хештеги служат другим важным задачам – они являются определёнными цифровыми стигматами (дефиниция С.В. Володенкова), наклеенными ярлыками «образа врага» на оппонентов (политических конкурентов); также они помогают распространению такого

¹² Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основании инновационных политических интернет-коммуникаций. М.: КНОРУС, 2014. С. 98.

политизированного и часто графического контента, как мемы. Поэтому с 2000-х годов появились работы (Д. Гаффни, Т. Смолл, Б. Губерман, С. Голдер, С. Джефферес), в качестве проблемы избравшие технологии хештегирования или «политику хештегов».

Создание, распространение новых политических хештегов, а также комплекс технологий управления информационными потоками с политическими целями называется политическим хештегированием.

Современные хештеги тесно сближаются с элементами политической вселенной – партиями, политическими лидерами, элитами, государством, международными отношениями, а самое главное – с политическим дискурсом интернет-пользователей. Эти процессы хештегирования и мемификации политического поля можно связать с тем, что С.В. Володенковым называется моделью замещения реального политического субъекта его виртуальным образом для определённого влияния на целевые аудитории. Если «цифровые следы» пользователей в виде хештегов и мемов можно уже анализировать с помощью методологической оптики *Big Data* [13], то подобные «следы» сетевой элиты отследить сложнее, но теоретически возможно,

учитывая сохранение цифрового неравенства и интересы, символику и мифологию политических элит, проявляющуюся в киберпространстве. Помимо этого, цифровое неравенство тесно связано с цифровой зависимостью [14].

Вместе с тем хештеги находятся в зоне сетевого фронта – на границе порядка и хаоса, сетевой легитимации и делегитимации политического режима. Ведь одни политические субъекты ориентированы на сохранение и упрочнение сложившейся системы властных отношений в стране, а другие, напротив, нацелены на дестабилизацию существующей политической модели. Поэтому хештеги, как и любой другой элемент политической коммуникации, могут использоваться политической элитой и её оппонентами.

Может показаться, что аспекты политических хештегов и политического хештегирования – это совершенно новое направление в академической политической науке.

Но это совершенно не так.

Ещё Аристотель в своей «Политике» государство соотносил с процессом общения, а в «Риторике» писал о репутации политика и сделал подробный анализ ораторских приёмов убеждения на примерах апелляции к добродетелям.

О силе ораторского искусства писал и Тацит.

¹³ Володенков С.В. *Big Data* как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1 // URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28084/view>; Алексеев Р.А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологий *Big Data* и блокчейн // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1 // URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28087/view>

¹⁴ Курылев К.П., Цаканян В.Т. Цифровая зависимость НАТО // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2018. № 1. С. 45–53.

Живший во время позднего Возрождения итальянский политический писатель Джованни Ботеро дополнил аристотелевское учение о доверии и политической репутации (*reputazione*). Он понимал под государственным интересом больше «сохранение владения», советовал политику влиять на общественное мнение для упрочнения своей власти. Большое значение Ботеро придавал поддержанию власти путём распространения ценностей через проповедников [15]. Как видно, Ботеро очень близко подошёл к пониманию сетевой природы легитимности политического режима.

Лодовико Дзукколо переосмыслил идею Ботеро о государственном интересе, больше связав этот феномен не с политикой как таковой, а именно с интересами правящей верхушки государства. По Дзукколо, государственные интересы элиты достигаются риторическими и ораторскими приёмами. Через риторику постигаются средства сохранения государственного устройства, а через ораторское искусство эти технологии воплощаются на практике.

Довольно любопытный тезис высказывает Арнальд Клапмарий, предлагая закрывать доступ неблагоприятным людям к государственным должностям, окружая их ложными подобиями (*simulacra*) свободы и власти, а также специальными образами [16].

Если аристотелевское учение о доверии и политической репутации, совмещённое с концептом государственного интереса Ботеро и Дзукколо, а также теорией государственных тайн Клапмария, применить к современной действительности Интернета, то мы получим модель конструирования сетевой легитимности политического режима посредством политического дискурса,

в нашем случае – путём хештегирования реальности.

В XIX в. появились работы французского социолога, психолога и антрополога Г. Лебона, представляющие собой практическое руководство по управлению массовым сознанием и сравнимые по своей значимости с трудами Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Дж. Ботеро, Ф. Гвиччардини, Ж. Бодена, М. Вебера, В. М. Бехтерева, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Кожева, К. Шмитта, К. Юнга, М. Фуко, А. Камю, У. Эко, Э. Фромма, Н. Лумана, Г. Лассуэлла и М. Кастельса.

Лебон пишет: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределённый смысл, оказывают самое большое влияние на толпу» [17].

В этой цитате можно усмотреть предсказание тесной связи и роли двух элементов современного политического интернет-дискурса – хештегов и мемов (слова и образы в лебоновской интерпретации).

Кроме того, Лебон предлагает свой концепт политического управления, используя в книге «Психология масс» категории «утверждение», «повторение» (пропаганда) и «заражение». Лебоновская политическая технология повторения на деле подразумевает типичные пропагандистские приёмы через хештеги, наиболее популярные в современных сетевых коммуникациях Интернета: «...часто повторяемая идея в конце концов врезается в самые глубокие области бессознательного, где именно и выраба-

¹⁵ Botero G. Della ragione di stato. Venezia, Gioliti, 1589.

¹⁶ Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли: Проблема метода в политических науках Нового времени. М.: Квадрига, 2014. С. 196–201, 214.

¹⁷ Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. М.: АСТ, 2018. С. 270–271.

тываются двигатели наших поступков». В то же время приём «заражения» соответствует технике современного «вирусного распространения» контента через хештеги в социальных сетях.

В работах Аристотеля, Тацита, Ботеро, Дзукколо, Клаппария и Лебона видна своеобразная преемственность традиции рассмотрения проблемы укрепления легитимности режима через призму контроля политического дискурса.

Возникает справедливый вопрос: кто же наиболее заинтересован в неформальных приёмах властвования?

Если вспомнить идею М. Фуко о том, что современная власть реализуется через дискурс, то становится понятна важнейшая роль элиты в сетевой легитимации политического режима.

Не все согласны с тем, что власть может серьёзно влиять на общество через сетевые коммуникации. Например, Дж. Клаппер придерживался мнения об ограниченном влиянии массмедиа на граждан [18]. Российский исследователь В. Д. Соловей считает новые социальные медиа лишь неким нейтральным медиумом [19]. Складывается впечатление, что подобная оценка появилась в западной академической политологии после проведённого исследования Б. Берельсона, П. Лазарсфельда и Х. Года, показавших,

что массмедиа не способны сильно менять мнение электората. Канадский политолог Т. Смолл, придерживающаяся более осторожной позиции, на примере канадского хештега *#cdnpoli* выдвинула идею, что функцией современных политических хештегов является не столько политический диалог, сколько информирование аудитории о важнейших политических проблемах, распространение контента среди граждан [20].

Вместе с тем проект Берельсона, Лазарсфельда и Года не включал интернет-коммуникации, а гипотеза о минимальном влиянии массмедиа и сетевых медиа на общественное сознание противоречит последним исследованиям в области сетевой элиты (Дж. Урри) и концепта сетевого гейткипинга. В настоящее время всё больше пишут о так называемой медиакратии – приёме легитимации и организации власти, когда информационные отношения и связанные с ними процессы становятся важнейшим механизмом формирования политического пространства и каналов коммуникации между обществом и государством [21].

К примеру, М. Кастельс не только связывает современную легитимацию с процессом принятия ценностных норм и дисциплинарных дискурсов, но и развивает идею К. Левина о сетевых гейткиперах – тех

¹⁸ Klapper J. T. The Effects of Mass Communications. N.Y.: Free Press, 1960.

¹⁹ Соловей В. Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Полис. Политические исследования. 2017. № 5.

²⁰ Small T. A. What the hashtag? A content analysis of Canadian politics on Twitter // Information, Communication & Society. 2011. Vol. 14. Iss. 6.

²¹ Соловьёв А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. Политические исследования. 2004. № 2.

субъектах, кто реально контролирует механизм включения/исключения интернет-пользователя в сетевые сообщества и их дискурс [22]. При этом под гейткипингом можно определить процесс допуска в сетевую коммуникацию.

Гейткиперы – это новая сетевая элита, которая представлена специалистами в области информационных технологий, программистами, а также их заказчиками. В свою очередь, интересы заказчиков техники политического хештегирования могут пересекаться с целями политических субъектов – государства, партий, политических элит. Иными словами, гейткиперы участвуют в легитимации политического режима.

Проблема заключается в том, кто контролирует этих самых гейткиперов.

Так, А. И. Соловьёв пишет о трёх источниках легитимности:

- внешних политических интересах;
- государстве (правительстве);
- широких групп граждан.

В зависимости от стоящих за гейткиперами политических акторов в условиях цифровизации общества осуществляется институцион-

ный дизайн и инициируются конкретные процессы – легитимации либо делегитимации политических режимов.

Процессы позиционирования имиджа политического лидера, бренд-позиционирования партий и формирования отдельных сетевых политических партий тоже имеют прямое отношение к гейткипингу. Через хештеги идёт привлечение внимания граждан к центральным сетевым узлам интернет-коммуникаций, контролируемых политическими акторами с помощью гейткиперов. После этого происходит постоянное удержание внимания пользователей, а также захват и присоединение их гейткипером к целевой аудитории политического актора.

Уже с 2013 г. стало известно, что, к примеру, 47% интернет-сообщений американских политиков включают один хештег, как минимум. Исследователи это объясняют использованием хештегов для фрейминга политического дискурса [23].

Так, если республиканцы делают ставку на хештеги, связанные по смыслу с вопросами экономики, рабочих и энергетики, то хештеги демократов имеют прямое отношение к проблемам женщин, латиноамериканцев и образовательной системы.

Хештеги как цифровой компонент политической повестки

Современные хештеги обладают примечательной многозадачностью. Во многом они являются «на-

следниками» классической пропаганды и политических лозунгов прошлых столетий, трансформи-

²² Кастельс М. Власть коммуникации. / пер. с англ. Н. М. Тылевич. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. С. 58.

²³ Hemphill L., Culotta A., Heston M. Framing in Social Media: How the US Congress Uses Twitter Hashtags to Frame Political Issues // SSRN Electronic Journal. 2013. January.

ровавшихся в условиях цифровизации общества в новый тип яркого, ёмкого и понятного месседжа. Политические хештеги в сетевых коммуникациях обладают:

- гипертекстуальностью (возможность перехода пользователя через перекрёстные гиперссылки с использованием ключевых слов);

- интерактивностью и сопутствующей мультимедийностью;

- «вирусным характером» (позволяет оперативно распространять нужное политическому актору сообщение);

- таргетированностью и психопрофильностью (от целевой направленности на запросы аудитории до ориентации на потребности отдельного индивида, интернет-пользователя);

- централизацией/децентрализацией дискурса (в зависимости от задач политического актора);

- кодированностью (особая смысловая нагрузка и подтекст могут провоцировать определённую интерпретацию политической, исторической, экономической информации у пользователей).

Однако если хештеги – это продукт эволюции традиционных лозунгов, то представляется важным вспомнить об их старой связи с фор-

мированием политической повестки.

В первую очередь интересно обратиться к адаптации концепта политической повестки дня к современным реалиям сетевого общества, проделанной М. Н. Грачевым.

Так, М. Маккомбс и Д. Шоу ещё в 70-х годах выдвинули тезис о политической повестке дня первого уровня, согласно которому политические акторы занимаются отбором и ранжированием выгодных или невыгодных им новостных тем (схожий тезис был ещё в работах К. Шмитта).

Позже была предложена идея повестки дня второго уровня (атрибутивной), которая больше виделась как концентрация внимания аудитории к определённому месседжу [24]. По мнению Грачева, второй уровень повестки дня больше связан с конструированием фреймов, а не с последующим процессом фрейминга*. Поэтому он предлагает тезис повестки дня третьего уровня, означающую процедуру соотношения атрибутивной повестки (второго уровня) с давно закреплёнными в сознании граждан фреймами [25].

Идея Грачева о третьем уровне политической повестки дня в опре-

²⁴ McCombs M. E., Llamas J. P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate images in Spanish elections: Second-level agenda-setting effects // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 1997. Vol. 74. № 4.

²⁵ Грачев М. Н. О новой интерпретации соотношения концепций «установления повестки дня» и фрейминга // *Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов*, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунюва, Л. Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 146.

* Фреймы в социальных науках подразумевают обобщённые, понятные, но в то же время устойчивые когнитивные структуры, в рамках которых индивиды осмысливают себя в той или иной ситуации. Политические акторы используют фреймы для собственных целей, пытаясь воздействовать на массовое сознание, тогда как конкретная практика применения готовых фреймов больше связана с процессом фрейминга.

делённом отношении перекликается с потоковой теорией Дж. Кингдона [26], который предположил, что сообщество может стать частью политической повестки в случае совпадения трёх условий:

- *problem stream* (ассоциации с общественными проблемами, решением которых должно заниматься государство);

- *policy stream* (выявлением подобных проблем со стороны экспертного, политологического сообщества, участвующего в разработке политических решений в качестве ответов на эти проблемы);

- *political stream* (различные факторы – от состояния государственных кадров до информационных кампаний и трансформации массового сознания).

Тезис политической повестки дня третьего уровня оптимально объясняет современный мир сетевых сообществ, «строительными кирпичиками» которых как раз и выступают хештеги.

Как же работает третий уровень политической повестки?

Можно предположить, что сообщества сетевых сетей (*Facebook*, *ВКонтакте*, *Instagram*, *Twitter*) стали своеобразными экспериментальными площадками, где политические акторы соотносят новые сконструированные фреймы с уже существующими популярными фреймами, активно циркулирующими в массовом сознании в виде удобных для заимствования шаблонов – политических паттернов. Здесь работает

старая политическая максима – людьми можно управлять, если им презентовать ту идею, которая отражает их ценностные установки. Ключевую роль в этой адаптации фреймов политических акторов с популярными гражданскими фреймами играют так называемые политические коды.

Н. Луман предлагает категорию политических кодов, подразумевая бинарность намерения политического субъекта подчинять, управлять и встречное нежелание политического объекта подчиняться.

По Луману, политический код должен обладать признаком доступности для коммуникационных процессов [27]. Провластные (лояльные к режиму), лимитрофные (умеренно-оппозиционные) и радикальные сообщества социальных сетей в модели аутопойесиса Лумана адекватно соотносятся с самореферентными системами, которые приобретают информацию и опыт друг о друге во время совместной коммуникации [28].

Принципиально важная миссия здесь ложится на так называемые сетевые лимитрофы – популярные сообщества социальных сетей, старающихся абстрагироваться от провластных и радикальных групп. Политическими кодами как раз и становятся хештеги, участвующие в функционировании сетевых сообществ как самореферентных систем. Хештеги спланируют, сохраняют, развивают, увеличивают сетевые сообщества, придавая им ценностно-символическую нагрузку, привлекающую пользователей.

²⁶ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1995.

²⁷ Луман Н. *Власть* / пер. с нем. М.: Праксис, 2001.

²⁸ Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории* / пер. с нем. СПб.: Наука, 2007.

Категорию сетевых лимитрофов логично вывести на основании хронополитических разработок В.Л. Цымбурского [29]. Именно сетевые лимитрофы, с одной стороны, сглаживают обострение противоречий между провластными и радикальными сообществами, предотвращая их резкий переход к варианту конфронтации по шмиттовской формуле «друг – враг», а с другой – сетевые лимитрофы дают возможность режиму апеллировать к объективности, прозрачности и демократичности существующей политической системы, где отсутствует грубая цензура.

Исходя из теоретического анализа, можно предположить, что эффективная сетевая легитимация политического режима будет зависеть от трёх факторов формирования сетевого ландшафта:

- создания провластных, лояльных режиму сетевых сообществ;

- сохранения буферного компонента киберпространства в виде «сетевых лимитрофов», где в том числе тоже может существовать политический дискурс;

- мониторинга и цензуры радикальных сетевых групп. Кстати, такой подход позволяет анализировать состояния политических режимов по критерию их стабильности. В этом случае уместна классификация политических режимов А.И. Соловьёва, выделявшего среди них стабильные, среднестабильные и нестабильные разновидности.

Т. Смолл моментом появления политических хештегов считает иранские президентские выборы

2009 г. Тогда хештег *#iranelection* был использован активистами демократических групп. Тем не менее подобные приёмы были применены не только для позиционирования своего месседжа, но и с целью организации массовых протестов и делегитимации политического режима.

Осознавая риски подобного рода, современные политические режимы выбирают между двумя стратегиями сетевой политики:

- во-первых, есть реактивный вариант сетевой политики, когда режим вводит цензуру и контролирует через соответствующие структуры интернет-трафик;

- во-вторых, иногда режимом выбирается активный тип сетевой политики, подразумевающий не только оперативное реагирование на угрозу легитимности власти из киберпространства, но и последовательное выстраивание собственного положительного образа в Сети.

С. Джефферес из Школы изучения правительства и общества Бирмингемского университета как раз анализирует такого рода *Case Study*.

Так, в 2012 г. Хоум-офису, британскому правительственному департаменту Великобритании, ответственному за сохранение порядка в стране, миграционную политику и безопасность общества, власти поручили провести выборы комиссаров полиции (РСС) в 42 местном округе Англии и Уэльса. По причине того, что правительство не выделяло отдельного финансирования для кандидатов, последние стали использовать социальные сети (*Facebook*), микроблоги (*Twitter*) и видеохостинги (*YouTube*) для своей политической пропаганды. Это был эксперимент, однако именно во время него появился исторический прецедент официаль-

²⁹ Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. С. 45–47.

ной попытки управления политической повесткой дня через хештеги со стороны демократического режима.

Хоум-офис применил специальный хештег *#MyPCC*, призывая избирателей использовать именно его во время дискуссий в социальных сетях. Реакция избирателей проявилась незамедлительно. Британцы стали использовать другой политический хештег *#PCC*. В итоге во время предвыборной кампании соотношение использования хештегов *#MyPCC* и *#PCC* было 1 : 15.

Возможно, что подобная реакция возникла из-за подозрений избирателей по поводу применения техник манипуляций массовым сознанием со стороны Хоум-офиса [30].

Анализ, проведённый Джеффересом, показал, что гражданский хештег *#PCC* применялся активистами в случае нехватки информации о самих выборах, обсуждения вопросов гражданского долга, уровня организации, стоимости выборов, профессионализма кандидатов.

Часто политические хештеги используются политическими акторами для делегитимации режима. Это хорошо прослеживается на примере *Case Study* Соединённых Штатов.

Во время августовских волнений 2017 г., происходивших в вирджинском Шарлотсвилле из-за конфликтов между ультраправыми силами (неоконфедератистами, супремасистами, кулукслановцами, неонацистами) и их врагами (левыми, афроамериканцами и антирасистами) из-за решения местных политиков о демонтаже памятника генералу Роберту Ли, применялся антирасистский хештег *#PunchANazi* [31].

Противники неорасистов и неоконфедеративов довольно агрессивно стигматизировали этим

хештегом своих оппонентов в социальных сетях, связывая свои посты и комментарии в единый политический поток благодаря нейтральному хештегу *#Charlottesville* с целью охвата широкой аудитории. Но затем антирасисты стали совмещать нейтральные хештеги с политическими, связывая деятельность ультраправых со сторонниками американского президента Д. Трампа (*#ImpeachTrump*, *#NotMyPresident*, *#TrumpIsNazi*, *#NoTrump*).

Подобная технология может быть классифицирована как цифровая стигматизация – умышленное наклеивание ярлыков (стигматов) на политических противников посредством социальных медиа (о чем, к примеру, пишет в своих работах С. В. Володенков). Особенно цифровая стигматизация отчётливо просматривается на примере совмещения нейтральных и политических антирасистских хештегов с хештегами сторонников Трампа.

К примеру, хештегом *#MAGA* (данная аббревиатура является популярным лозунгом протрамповского движения *Make America Great Again*). В *Instagram* встречается довольно агрессивная стигматизация американского режима через его привязку к мемам и хештегам по теме Гитлера (*#whitesupremacy*, *#nazisinthewhitehouse*).

Данные хештеги используются в мемах и мессенджерах вместе с другими хештегами для демонизации сторонников Трампа (*#AntiTrump*, *#ResistTrump*, *#NoTrumpNoKKKNoFascistUSA*).

Кейс такой цифровой стигматизации логично трактовать переходом ко вторичной девиантности от пер-

³⁰ Jeffares St. *Interpreting Hashtag Politics. Policy Ideas in an Era of Social Media*. N.Y.: Palgrave Macmillan UK, 2014.

³¹ Futrelle D. *Nazi trolls launch fake #PunchANazi campaign to smear AntiFa as domestic abusers* // URL: <http://www.wehuntedthemoth.com/2017/08/24/nazi-trolls-launch-fake-punchanazi-campaign-to-smear-antifa-as-domestic-abusers/comment-page-1/#comments>

вичной согласно схеме Е. Лемерта [32]: члены либеральных и антирасистских сетевых сообществ умышленно старались привлечь внимание

граждан к сетевым сообществам Трампа для формирования негативной общественной оценки их деятельности.

Таким образом, хештеги становятся органичным компонентом современного политического процесса. Их простой и в то же время практически ориентированный функционал позволяет политическому актору подключаться к управлению коммуникационными потоками в зависимости от интересов и целей.

Но являются ли цифровые массмедиа, где получают всё большее распространение хештеги, неким политически нейтральным медиумом?

Чтобы объективно ответить на этот вопрос, нужно понимать, что крупные сетевые площадки, где существует политизированный дискурс (сообщества социальных сетей, многопользовательские компьютерные игры, видеохостинги, микроблоги, форумы), пока получают большую долю политической информации от традиционных массмедиа, например телевидения. С другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что сетевой ландшафт коммуникаций формируется не некими нейтральными в политическом отношении силами, а крупными медийными игроками, связанными с властными элитами.

Как правило, телевидение, телекоммуникационные и мобильные сети находятся в собственности медиамагнатов, которые для того, чтобы элементарно не терять прибыль, вынуждены находить с существующим политическим режимом в стране определённые точки соприкосновения. Они формируют сетевой ландшафт государства, создавая дизайн гражданских арен участия. Гейткиперы как новая сетевая элита дают распространяться новости либо подвергают её остракизму, позволяют пользователям её обсуждать или переключают их внимание на другие события, тогда как политические хештеги превращаются в руках гейткиперов в инструмент легитимации политического режима. Создавая с помощью гейткиперов целую плеяду сетевых дискуссионных площадок, власть отвлекает граждан от опасных для легитимности режима тем и предлагает населению обсуждать только тот контент, который ей выгоден в данное время. Если власть не занимается данными процедурами, то хештеги, скорее всего, будут использоваться в качестве инструмента воздействия на массовое сознание иными интересантами, в том числе и антиправительственными.

Показателен в этом отношении пример хештега #вежливыелюди. Благодаря гипертекстуальности хештег позволил провластным, патриотическим сетевым сообществам использовать запоминающийся, символически насыщенный месседж в виде перекрёстной ссылки на разных сетевых аренах участия – от видеохостингов до микроблогов. Первоначальное вирусное распространение хештега, характеризующее

³² Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. N.Y.; Toronto; L.: McGraw-Hill, 1951. P. 75–76.

интерактивностью и мультимедийностью, привело ко вторичному важному эффекту – централизации дискурсов лояльных режиму пользователей вокруг темы Крыма.

Централизация коммуникационных потоков хорошо видна на примере кодирования данным хештегом мемов, комментариев и различных постов. Провластные гейткиперы идеально сочетали новый сконструированный фрейм с давно существующим фреймом среди российских интернет-пользователей в хештеге #вежливыелюди, что и дало эффективный для власти информационный результат применения политической повестки дня третьего уровня.

Тем не менее политическому режиму не всегда удаётся перепрограммировать сетевой ландшафт под собственные цели и задачи.

Наоборот, оппозиция также заинтересована в использовании киберпространства для охвата своими идеями широких масс населения.

Например, в 2003 г. в Саудовской Аравии с помощью хештега #Women2Drive критики властей пытались организовать массовые акции в пользу пересмотра социально-политического статуса женщины.

Хештеги довольно быстро стали рабочим компонентом подготовки и раскрутки новых типов государственных переворотов – «цветных революций».

Те режимы, которые оперативно осознали все риски и угрозы подобного хештегирования, устояли, тогда как режимы, уделявшие недостаточное внимание такого рода политическим процессам, в итоге пали.

Ещё одним вариантом реакции режима на активизацию политических хештегов в сетевых коммуникациях может являться адекватное их приспособление под задачи власти.

Так, хештеги #IAmCharlie и #JeSuisCharlie весьма быстро попали в официальный дискурс европейских политиков. Но в некоторых случаях политическому режиму не удаётся использовать хештеги по причине резкого отторжения со стороны граждан, подозревающих власти в манипуляциях. Примером такого провала выступает праксис хештега #MyPCC, разработанного британским Хоум-офисом.

Предугадать всю динамику сетевых коммуникаций власти бывает довольно сложно. И всё же на основании краткого анализа вышеприведённых кейсов складывается ощущение, что эффективная сетевая легитимация политического режима должна учитывать трёхкомпонентную формулу, включающую: конструирование провластных сообществ, сохранение сетевых лимитрофов, мониторинг и цензуру радикальных сетевых групп.

Но что же остаётся делать гражданину в этой ситуации информационных войн?

В первую очередь слепо не доверять таким доступным источникам информации, как сетевые коммуникации. Элементарно больше знакомиться с различными информационными источниками по схожим проблемам, желательно не связанным между собой в финансовом и политическом отношении. Понятно, что современный гражданин погружён в океан информационного шума, где в качестве ярких «маяков» ему встречаются блогеры, видеоблогеры, комментаторы, ведущие телепрограмм и прочие ньюсмейкеры, предлагающие готовую интерпретацию любой информации в доступном

и удобном пользователю виде. Однако при этом важно помнить, что любая интерпретация информации может иметь свой заказ и конкретные цели. Следовательно, для гражданина не лишним будет знать, что перед ним за источник информации и кем он финансируется.

Библиография • References

- Акопов Г. Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основании инновационных политических интернет-коммуникаций: монография. М.: КНОРУС, 2014. – 240 с.
- [Akopov G. L. Internet i politika. Modernizatsiya politicheskoy sistemy na osnovanii innovatsionnykh politicheskikh internet-kommunikatsiy: monografiya. M.: KNORUS, 2014. – 240 s.]
- Алексеев Р. А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологий Big Data и блокчейн // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 40–52 // URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28087/view>
- [Alekseev R. A. Problemy stanovleniya rossiyskoy demokratii i rol' v etom protsesse izbiratel'noy sistemy, tekhnologiy Big Data i blokcheyn // Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2019. T. 3. № 1. S. 40–52 // URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28087/view>]
- Вертешин А. И. Медиалегитимация политической власти в современной России. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2008. – 260 с.
- [Verteshin A. I. Medialegitimatsiya politicheskoy vlasti v sovremennoy Rossii. Arkhangel'sk: Pomor. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2008. – 260 s.]
- Володенков С. В. Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 7–13 // URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28084/view>
- [Volodenkov S. V. Big Data kak instrument vozdeystviya na sovremennyy politicheskiy protsess: osobennosti, potentsial i aktory // Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2019. T. 3. № 1. S. 7–13 // URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28084/view>]
- Грачев М. Н. Политика: коммуникационное измерение: монография. Тула: Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2011. – 172 с.
- [Grachev M. N. Politika: kommunikacionnoe izmerenie: monografiya. Tula: Izdatel'stvo TGPU. im. L. N. Tolstogo, 2011. – 172 s.]
- Грачев М. Н. О новой интерпретации соотношения концепций «установления повестки дня» и фрейминга // Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2018.
- [Grachev M. N. O novoy interpretatsii sootnosheniya kontseptsiiy «ustanovleniya povestki dnya» i freyminga // Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy porjadok. Materialy VIII Vserossiyskogo kongressa politologov, Moskva, 6–8 dekabrya 2018 g. / pod obshch. red. O. V. Gaman-Golutvinoy, L. V. Smorgunova, L. N. Timofeevoy. M.: Aspekt Press, 2018]
- Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 147–150.
- [Dogan M. Legitimnost' rezhimov i krizis doveriya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. № 6. S. 147–150]

- Завершинский К. Ф.* Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113–131.
 [Zavershinskiy K. F. Legitimnost': genezis, stanovlenie i razvitie kontsepta // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2001. № 2. S. 113–131]
- Иванова Ю. В., Соколов П. В.* Кроме Макиавелли: Проблема метода в политических науках Нового времени. М.: Квадрига, 2014. – 320 с.
 [Ivanova Yu. V., Sokolov P. V. Krome Makiavelli: Problema metoda v politicheskikh naukakh Novogo vremeni. M.: Kvadriga, 2014. – 320 s.]
- Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. – 591 с.
 [Kastel's M. Vlast' kommunikacii / per. s angl. M.: Izd. dom VSHE, 2017. – 591 s.]
- Кокарев К. П.* Легитимность институционального порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / ред. колл. С. В. Патрушев, С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М.: РАПН, РОССПЭН, 2011.
 [Kokarev K. P. Legitimnost' institutsional'nogo poryadka // Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoy Rossi: vosproizvodstvo i transformatsiya institutsional'nogo poryadka / red. koll. S. V. Patrushev, S. G. Ayvazova, P. V. Panov. M.: RAPN, ROSSPEN, 2011]
- Курьев К. П., Цаканян В. Т.* Цифровая зависимость НАТО // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 45–53.
 [Kurylev K. P., Tsakanyan V. T. Tsifrovaya zavisimost' NATO // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2018. № 1. S. 45–53]
- Лебон Г.* Психология народов и масс / пер. с фр. М.: АСТ, 2018. – 384 с.
 [Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. /Per. s fr. M.: AST, 2018. – 384 s.]
- Луман Н.* Власть / пер. с нем. М.: Праксис, 2001. – 256 с.
 [Luman N. Vlast' / per. s nem. M.: Praksis, 2001. – 256 s.]
- Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
 [Luman N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchey teorii / per. s nem. SPb.: Nauka, 2007. – 641 s.]
- Макаренко В. П.* Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского универ, 1988. – 301 с.
 [Makarenko V. P. Vera, vlast' i byurokratiya (kritika sotsiologii M. Vebera). Rostov-na-Donu: Izd. Rostovskogo univer, 1988. – 301 s.]
- Митрополит Иларион.* Слово о Законе и Благодати / сост., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации; Родная страна. 2016. – 176 с.
 [Mitropolit Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati / sost., per. V. Ya. Deryagina. Rekonstr. drevnerus. teksta L. P. Zhukovskoy. Izd. 2-e. M.: Institut russkoy tsivilizatsii; Rodnaya strana. 2016. – 176 s.]
- Соловей В. Д.* Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 122–132.
 [Solovey V. D. Tsifrovaya mifologiya i izbiratel'naya kampaniya Donal'da Trampa // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 5. S. 122–132]
- Соловьёв А. И.* Политический облик современности: очевидность явления // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 66–81.
 [Solovjov A. I. Politicheskiy oblik sovremennosti: ochevidnost' yavleniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 5. S. 66–81]

- Соловьёв А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 124–132.
- [Solojov A. I. Politicheskij diskurs mediakratiy: problemy informatsionnoy epokhi // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2004. № 2. S. 124–132]
- Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. – 372 с.
- [Tsymburskiy V. L. Kon'yunktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya. M.: Evropa, 2011. – 372 s.]
- Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбылева, Ю. Ю. Коринеца. СПб.: Наука, 2016. – 568 с.
- [Shmitt K. Ponyatie politicheskogo / per. s nem. A. F. Filippova, A. P. Shurbyleva, Yu. Yu. Korinetsa. SPb.: Nauka, 2016. – 568 s.]
- Botero G. Della ragione di stato. Venezia, Gioliti, 1589. – 400 p.
- Futrelle D. Nazi trolls launch fake #PunchANazi campaign to smear AntiFa as domestic abusers // URL: <http://www.wehuntedthemammoth.com/2017/08/24/nazi-trolls-launch-fake-punchanazi-campaign-to-smear-antifa-as-domestic-abusers/comment-page-1/#comments>.
- Hemphill L., Culotta A., Heston M. Framing in Social Media: How the US Congress Uses Twitter Hashtags to Frame Political Issues // SSRN Electronic Journal. 2013. January. P. 1–39.
- Jeffares St. Interpreting Hashtag Politics. Policy Ideas in an Era of Social Media. N.Y.: Palgrave Macmillan UK, 2014. – 184 p.
- Kingdon J. W. Agendas, Alternatives and Public Policies. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1995. – 254 p.
- Klapper J. T. The Effects of Mass Communications. N.Y.: Free Press, 1960. – 302 p.
- Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. N.Y., Toronto, L: McGraw-Hill, 1951. – 459 p.
- Lipset S. Same social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 1.
- McCombs M. E., Llamas J. P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate images in Spanish elections: Second-level agenda-setting effects // Journalism and Mass Communication Quarterly. 1997. Vol. 74. № 4. P. 703–717.
- Small T. A. What the hashtag? A content analysis of Canadian politics on Twitter // Information, Communication & Society. 2011. Vol. 14. Iss. 6. P. 872–895.
- Weber M. Economy and Society: An Outline of an Interpretive Sociology. [Translated by G. Roth and C. Wittich]. Berkeley: University of California Press, 1978. – 1840 p.

Статья поступила в редакцию 3 мая 2019 г.

Интеграция мусульман в политическую жизнь Германии*

Джафар ВАЛИЕВ

Вольфганг Шойбле, федеральный министр внутренних дел в составе федерального правительства Германии (2005–2009 гг.), сформированного в период первого срока полномочий федерального канцлера Германии А. Меркель, заявил: «Ислам является неотъемлемой частью Европы, в частности Германии, он – элемент нашего настоящего и будущего. Мусульмане – желанные жители Германии. Они должны развивать способности, таланты и вместе с другими двигать нашу страну вперёд» [1, S. 286].

Такое явное проявление культуры гостеприимства в стране признанной иммиграции до министра Шойбле не выражал ещё ни один представитель высшего политического руководства Германии. В этой атмосфере многообещающих перспектив стартовала Германская исламская конференция (ГИК) первого созыва.

В июне 2006 г. по инициативе федерального канцлера Германии был проведён Национальный интеграционный саммит. Самим фактом разделения этих двух мероприятий – Интеграционного саммита и Германской исламской конференции, посвящённых теме интеграции, правительство Германии обозначило видимую для гражданского общества линию между двумя интеграционными концептами.

ВАЛИЕВ Джафар Шапарудинович – аспирант департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: dietervaliev.dfk24@web.de

Ключевые слова: Германия, миграция, мусульманское меньшинство, Германская исламская конференция.

¹ Ceylan R. Deutsche Islamkonferenz.–Deutschland Einwanderungsland // Begriffe – Fakten – Kontroversen / Hrsg. von K.H. Meier-Braun, R. Weber. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2016.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в 2019 г.

Если содержание первого концепта составляли общие темы миграции и интеграции, то содержание другого было направлено на целевую аудиторию определённой части миграционного сообщества – мусульман, представляющих третью по численности гетерогенную религиозную группу страны [2, с. 844].

Германская исламская конференция – это экспериментальный проект, цель которого сводится к налаживанию долгосрочного диалога и созданию условий для успешной интеграции мусульман. Изначально предполагалось, что этот процесс должен охватывать всю мусульманскую умму* через её делегированных представителей. За прошедшие 12 лет медиального присутствия ГИК в общественной жизни Германии немецкому правительству так и не удалось реализовать эту принципиально важную задачу.

Хотя идея созыва Германской исламской конференции была инициирована высшим руководством ФРГ, но до широкой общественности так и не дошла. Начиная со дня открытия, она и по сей день выдерживает форму элитарного клуба, структура и деятельность которого из-за несокрушимости идеологических и аппаратных догм её кураторов из правительства ФРГ, так и не стала ясной и прозрачной для четырёх миллионов мусульман Германии.

Результаты проведённых социальных исследований показывают, что лишь небольшая часть опрошенных мусульман хорошо осведомлена о деятельности ГИК.

Р. Джейлан, профессор Института исламской теологии Университета Оснабрюка называет в этой связи цифру 11% [1, S. 289]. По его мнению, чтобы изменить ситуацию, необходимо в будущем использовать все возможные каналы коммуникации и информации, чтобы добиться вовлечения всего «мусульманского базиса» в её деятельность.

Реальность же такова, что большая часть мусульман Германии не имеет сегодня возможности влиять на принятие политических решений, в том числе и по миграционной тематике, и созданная правительством Германии конструкция ГИК существующий баланс сил не изменила.

Религия как ресурс успешной интеграции

Разработанная в 60-е годы американскими социологами Б. Глейзером и А. Страуссом так называемая обоснованная теория [3] на базе

противоречий количественных и качественных методов анализа является на сегодняшний день ведущим инструментом качественных проце-

² Валиев Д. Ш. Мусульманские меньшинства в Германии: история трудовой миграции и состояние общественного диалога // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 10.

³ Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и посл. Т. Васильевой. М.: Эдиторал УРСС, 2011.

* Под мусульманской уммой в данном контексте следует понимать всю совокупность мусульманских общин Германии.

дур социальных исследований за рубежом. Пользуясь большой популярностью в деятельности европейской и американской практики, она не получила заслуженной известности в российской науке [4]. Теория представляет собой систематическую методологию, которая исходит из положительной диспозиции исследователя, не обременённого практическим опытом. Открытый ко всему новому, исследователь, по замыслу авторов этой теории, идёт в те группы и «жизненные миры», которые обеспечивают ему максимальный доступ к знаниям.

Особенность данного метода состоит в том, что теории не выбираются заранее для проверки, а являются продуктом анализа эмпирического материала, полученного в исследовании. Согласно парадигме её представителей, результатом анализа эмпирического материала должна стать новая теория или гипотеза, укоренённая в данных анализа. Методология обоснованной теории подходит начинающим исследователям и предусматривает последовательное проведение таких процедур, как сбор, анализ, фиксация данных и их последующее кодирование, выявление совпадений, определение категорий и обоснование выводов.

В представленном исследовании для получения первичного материала был запланирован и проведён ряд интервью с мигрантами мусульманского вероисповедания. Согласно плану участниками опроса должны были стать представители культурно-этнических организа-

ций и религиозных общин, в обязанности которых входило осуществление внешнего политического представительства этих организаций и которые, благодаря хорошему знанию языка и культуры принимающего общества, могли быть отнесены к политической элите в структуре, представляемых ими организаций и общественных институтов. При этом принималась во внимание не степень их религиозности, а принадлежность к определённой культурной группе, а также практические компетенции в области миграционной тематики и способности передать многомерность этих общин, члены которых, хотя и принадлежат к мусульманскому сообществу, но относятся к её определённому этническому срезу. Такой подход позволил избежать научных обобщений, доминирующих в СМИ, политике и гражданском обществе Германии, где часто между понятиями «мигрант», «мусульманин» и «турок» ставится знак равенства.

Особенность данного исследования заключалась в «дополнительной» роли участников опроса, которые, с одной стороны, выступали экспертами в вопросах миграции и интеграции, а с другой – сами являлись объектом интеграционных дискуссий, активно ведущихся в принимающем обществе. В общей сложности в исследовании было проведено десять интервью с мигрантами мусульманской принадлежности, из которых два, с согласия их участников, прошли в режиме группового интервью, остальные

⁴ Забаев И. В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // Социология. 2011. № 32. С. 128.

восемь – в режиме индивидуального. Согласно основным положениям обоснованной теории все интервью были согласованы с участниками эксперимента и проведены в короткий срок без больших временных перерывов между встречами в январе 2019 г.

При отборе кандидатов учитывалась предварительно собранная информация об их политической активности и социальной значимости в миграционной среде. Из-за этого на предварительном этапе исследования пришлось отказаться от количественной формы его проведения, поскольку такой подход не позволял верифицировать собранные в исследовании данные. В этой связи характер проведённой выборки изначально не предполагал распространение итогов исследования на всю генеральную совокупность целевой группы исследования. Десять кандидатов, приглашённых на интервью и давших предварительное согласие на участие в исследовании, были из мусульманских общин разных стран, а также представляли различные течения в исламе (табл. 1).

Во время опроса предполагалось выявить наличие политических предпочтений, определить и влияние социального ресурса на политическую интеграцию мигрантов мусульманского вероисповедания, а также получить ответы на два основных вопроса исследования:

- при каких условиях возможна успешная политическая интеграция мигрантов мусульманского происхождения и как на интеграцию влияет мусульманская диспозиция;

- проведение каких политических, социально-педагогических

и научных мероприятий может содействовать совершенствованию успешной интеграции мусульман в политическую жизнь Германии.

Удачному опросу должен был способствовать заранее подготовленный вспомогательный инструментарий в форме полустандартизированного руководства взятия интервью, когда предполагалось получить ответы на заранее сформулированные вопросы. Собранный материал был обобщён и систематизирован в блоки для их последующего кодирования и анализа.

Место и время проведения интервью согласовывалось с участниками с учётом их пожеланий. Все 10 интервью проводились в одинаковых для всех условиях: на немецком языке, без посторонней помощи и предварительного ознакомления с вопросами анкеты. Продолжительность интервью объясняется возрастом участников, уровнем владения немецким и навыками устного изложения тематических рассуждений. Для облегчения участия в интервью некоторые вопросы сопровождались вариантами ответов. Если после заданного вопроса не удавалось сразу получить на него ответ, то он видоизменялся, но его содержание не менялось. Если же участник повторно уклонялся от ответа по различным причинам, опрос следовал далее.

Итак, каковы ответы на вопросы анкеты.

1. В какой степени деятельность действующих организаций и общественных институтов в большей степени отражает интересы мусульман на муниципальном, земельном и федеральном уровнях (по шкале от 1 до 10).

Таблица 1

Состав участников исследования

Год рождения	Страна происхождения	Миграционный статус на момент въезда	Год въезда	Гражданство ФРГ/иное	Пол	Религиозная группа
1991	Сирия	беженец	2014	Сирия	ж	суннит
1982	Турция	воссоединение	2001	ФРГ	м	суннит
1949	Турция	студент	1972	ФРГ/Турция	м	алевит
1998	Сирия	беженец	2015	Сирия	м	суннит
1954	Ливан	студент	1978	ФРГ/Ливан	м	шиит
1997	Ливан	воссоединение	2004	ФРГ/Ливан	м	шиит
1973	Турция	родился в ФРГ	1973	ФРГ	ж	алевит
1994	Пакистан	родился в ФРГ	1994	ФРГ	м	ахмадит
1994	Россия	беженец	2012	Россия	м	суннит
1957	Тунис	студент	1975	ФРГ/Тунис	м	ахмадит

90% опрошенных дали самую низкую оценку деятельности Германской исламской конфедерации.

Один респондент (10%) затруднился дать оценку, поскольку не знаком с результатами её работы.

Самый высокий уровень доверия респондентов был выражен муниципальным Советам по делам мигрантов локального звена (табл. 2).

2. Другой блок вопросов анкеты был направлен на определение политических предпочтений респондентов.

20% из них заявили, что не имеют выраженных политических предпочтений.

70% – что являются действующими членами политических партий Германии, из них 50% указали членство в Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Программа этой политической партии традиционно считается программой рабочего класса страны; к нему принадлежат представители первого поколения рабочей миграции.

20% респондентов указали членство в политической партии «Союз 90/Зелёные».

30% респондентов в политических партиях не состоят.

Представители других партий в исследовании представлены не были.

На вопрос о мотивации членства в политической партии опрошенные указали, что занимались или активно интересовались политической деятельностью ещё в стране своего происхождения, в частности, вопросами защиты гражданских прав, равенства, мирного сосуществования, а также поддержки демократии, и считают, что им близки программные положения выбранной ими партии и соответствуют их жизненным позициям.

При этом 80% респондентов выразили свои политические позиции как левые или левоцентристские.

30% респондентов сказали, что рассматривают политическую активность как возможность

Таблица 2

**Рейтинг оценки деятельности организаций
и общественных институтов**

Название организации/структуры	Рейтинг оценки деятельности, %
Муниципальный миграционный совет	7,90
Региональная этническая община	7,44
Федеральная этническая община	7,43
Муниципальная администрация	6,00
Земельная администрация	5,89
Германская исламская конференция	5,11

представлять интересы миграционного (мусульманского) меньшинства.

Ещё 30% указали, что целью их политической активности является построение диалога с принимающим обществом.

В то же время, описывая свою деятельность в политических партиях, часть респондентов из числа представителей СДПГ выражала разочарование деятельностью партии в части реализации задач миграционной и мусульманской тематики. В этой связи усматривается очевидное смещение вектора политических предпочтений мусульман в сторону поддержки деятельности политической партии «Союз 90/Зелёные». Надо отметить, что в отдельных федеральных землях существуют представительства мусульманских молодёжных отделений консервативных политических партий, таких как, например, партия Христианский демократический союз (ХДС). Од-

нако такие ячейки носят локальный характер, поскольку возникали изначально в местах компактного проживания представителей первого поколения рабочей миграции.

Третья по значению партия современного политического ландшафта Германии правопопулистского толка – «Альтернатива для Германии» (АдГ) – вызывает у 70% респондентов беспокойство. Они испытывают угрозу со стороны программных политических заявлений её представителей по отношению к проживающим в стране мусульманам [5].

3. Вопрос отношения к мусульманам в гражданском обществе Германии прошёл основной нитью через всю анкету, поскольку в зависимости от накопленного опыта, позитивного или негативного, религиозная диспозиция может стать либо тормозом, либо катализатором успешной интеграции [6].

⁵ Журбина Н.Е. Проблемы интеграции мигрантов в ЕС // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 3А. С. 27.

⁶ Uslucan H. Religion und Migration: Vom Nutzen und Nachteil. Einwanderungsgesellschaft Deutschland: Entwicklung und Stand der Integration / Hrsg. von H.U. Brinkmann, M. Sauer. Wiesbaden: Springer VS, 2016. S. 204.

Длительное время в Федеративной Республике Германия доминировала миграционная доктрина, согласно которой принадлежность к мусульманской религии становилась показателем состояния маргинальности её носителя и отражала статус ограниченного присутствия в христианско-секулярном монокультурном обществе.

Германская политика и наука в это время выступали ревностными хранителями этих неписаных общественных норм и подходов, которые укоренились в гражданском обществе.

80% респондентов заявили, что становились объектом дискриминации на работе, в школе, на улице, в частной жизни, а также при контакте с представителями органов государственной власти.

70% респондентов считают, что в отношении турецкой общины Германии муниципальные и земельные администрации предоставляют чрезмерные и необоснованные адресные привилегии.

30% респондентов заявили, что в сравнении с другими группами необоснованными привилегиями пользуется в целом суннитская община Германии.

80% респондентов отметили, что ощущают признание их интеграционных успехов в принимающем обществе.

70% поддерживают интеграционные усилия со стороны немецких властей.

20% респондентов указали, что в их жизни религия не играет особой роли, тогда как 80% придают роли религии в их жизни большое значение.

При интеграции религия, по мнению респондентов, выступает жизненной философией, содействует возникновению и развитию социальных контактов, укреплению культурной идентичности, гармонизации ценностей мигранта с нормами морали принимающего общества.

90% респондентов отнесли себя к верующим мусульманами, 1 респондент (10%) заявил, что считает себя секулярным мусульманином.

4. На заключительный вопрос первого блока анкеты о том, какие первоочередные политические мероприятия могли бы содействовать политической интеграции, респонденты заявили, что ожидают:

- большого признания со стороны принимающего общества;

- объявления религиозных мусульманских праздников нерабочими днями;

- введения наряду с церковным мусульманского налога;

- снижения влияния на мусульманские организации в Германии правительств иностранных государств;

- введения профессионального обучения имамов на территории Германии и поддержку диалога с принимающим обществом с целью предупреждения исламофобии и возникновения параллельных сообществ.

В заключение стоит отметить, что 40% респондентов заявили, что Германия – их родина, а 60% считают родиной и Германию, и страну происхождения.

К началу 2000-х годов в Германии возник общественный запрос на мероприятия, проведение которых должно содействовать успешной интеграции мигрантов в принимающее общество.

Какая модель интеграции применима по отношению к мигрантам мусульманского вероисповедания?

Необходимо ли учитывать влияние религии на процесс интеграции?

Планы, кризисы и реальность Германской исламской конференции

Инициатива правительства Германии, связанная с созывом Германской исламской конференции, преследовала важную цель – вовлечение представителей мусульманской уммы, как из числа представителей институционально оформленных общин, так и из числа неорганизованных мусульман, в работу конференции, направленную на содействие успешной интеграции мусульман Германии*.

Главная задача ГИК, по замыслу её кураторов, заключалась в организации долгосрочного диалога между представителями государственных органов и мусульманской уммы, отражающих этническое и культурное многообразие ислама в Германии.

Однако установленный федеральным министерством алгоритм отбора участников ГИК запрограммировал напряжение, которое возникло как на этапе формирования рабочих структур конференции, так и в дальнейшем отразилось на качестве работы, что породило обоснованную критику со стороны мусульман как в Германии, так и за её пределами [7].

Работа ГИК первого созыва (2006–2009 гг.) велась по двум основным направлениям, для чего были созданы три рабочие группы и одна комиссия.

В группах обсуждались вопросы, решение которых имеет для мусульман Германии первостепенное значение. Ожидалось, что успешным итогом деятельности рабочих органов конференции станет разработка рекомендаций для их практической реализации.

С учётом актуальности и содержания обсуждаемых вопросов их тематическое распределение между рабочими группами ГИК установилось следующим образом.

Рабочая группа «*Общественный порядок и общие ценности*», в которой обсуждались вопросы совместного сосуществования в рамках конституционных норм, равноправия полов, духовно-нравственного воспитания в семье.

Важным итогом деятельности этой группы стала инициатива проведения научного исследования на тему: «Жизнь мусульман в Германии», в котором были собраны данные, позволяющие планировать проекты и мероприятия интеграционной направленности.

Рабочая группа «*Вопросы вероисповедания в понимании конституционно-правового регулирования*». В ней обсуждались темы, касающиеся введения в школьную программу занятий по религиоведению для формирования третьей «колонны» религиозного воспитания в школе, т. е. наряду с семьёй и общиной. Важным результатом деятельности этой группы стала подготовка базового концепта учебной дисциплины религиоведения «Ислам» для его дальнейшего публичного обсуждения [1, С. 287].

⁷ Busch R., Goltz G. Die Deutsche Islam Konferenz. Ein Übergangsformat für die Kommunikation zwischen Staat und Muslimen in Deutschland // Politik und Islam / Hrsg. von H. Meyer K. Schubert. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaftler, 2016. S. 29.

* В научной литературе Германии под терминами «неорганизованные» или «индивидуальные» мусульмане подразумеваются такие мусульмане, которые придерживаются характерного для верующих религиозно-мотивированного образа жизни и поведения, но воздерживаются от определения их принадлежности к какой-либо общине, мечети, национальной или этнической группе.

В рабочей группе «*Экономика и средства массовой информации как мост культур*» рассматривалась роль экономики и СМИ в вопросах признания интеграционных достижений мусульман. С одной стороны, оценивались индикаторы интеграции мусульман в таких областях, как образование и профессиональное обучение, в том числе и на рынке труда, а с другой – обсуждалась роль СМИ в процессе интеграции, в частности, было обращено внимание на стиль и способы подачи информации об исламе гражданскому обществу. Важным результатом работы этой группы стала подготовка рекомендаций по применению взвешенного и объективного подхода при подготовке и передаче информации о жизни и деятельности мусульман [1, S. 287].

Темы экстремизма, исламизма и радикальных течений ислама стали предметом дискуссии, прошедшей в рамках специально созданной для этой цели комиссии «*Безопасность и исламизм*». Работа комиссии свелась к обсуждению условий взаимодействия мусульманских общин с государственными правоохранительными структурами для эффективного противодействия противозаконной религиозно-мотивированной активности [1, S. 287].

В дальнейшем результаты деятельности рабочих групп и комиссии вместе с рекомендациями были переданы в Пленум конференции, в состав которого вошли 30 участников – по 15 представителей от мусульманских общин и государственных органов. В задачу Пленума как высшего органа конференции входило дальнейшее обсуждение итогов деятельности рабочих групп и формирование конкретных предложений с последующей их передачей соответствующим министерствам и ведомствам, которые должны были осуществить их практическую реализацию в соответствии со своей компетенцией [1, S. 287].

Итоги деятельности первой фазы Германской исламской конференции были подведены на четвёртом заключительном пленарном заседании (25 сентября 2009 г.). Практическая реализация проектов первой фазы началась во время второго созыва ГИК (2009–2013 гг.), которая открыла свою работу в 2010 г. под руководством Т. де Мизьера (ХДС), министра внутренних дел в составе обновлённого состава правительства второго избирательного срока канцлера Германии А. Меркель.

Вторая Германская исламская конференция обрела не только новое политическое руководство, но и новых участников благодаря практико-ориентированному направлению конференции. В обновлённый состав наряду с представителями муниципалитетов и федеральных земель вошли представители науки, политики, средств массовой информации, а также имамы мусульманских общин Германии.

Преобразования затронули всю внутреннюю структуру ГИК. В целях оптимизации и повышения эффективности взаимодействия рабочие группы были включены в состав оргкомитета. В его задачи входила подготовка пленарных заседаний, а также созыв групп, если возникала необходимость предварительного обсуждения отдельных тематических направлений.

Вторая фаза ГИК также началась с кризиса, поскольку активному участнику первого созыва – Совету мусульман Германии – Министерство внутренних дел ФРГ отказало в полномочном участии и предложило лишь пассивное членство. Позиция министерства была обоснова-

на тем, что ведущий член Совета мусульман Германии – организация М. Гёрюш, на момент созыва конференции являлась участником уголовного расследования, проводимого федеральным ведомством по защите конституции Германии, являющегося структурным подразделением МВД Германии [8].

Совет мусульман Германии отклонил предложение министерства о пассивном членстве и дистанцировался от участия в работе ГИК. Одновременно с этим от участия в её работе отказался и Центральный совет мусульман Германии, мотивируя своё решение солидарностью с Советом мусульман Германии, с одной стороны, и критикой по отношению к процедуре формирования состава Пленума конференции – с другой.

Два вакантных места участников второй Германской исламской конференции были переданы Центральному совету боснийцев в Германии и Центральному совету марокканцев в Германии. В дальнейшем к работе конференции присоединился ещё один участник – Турецкая община в Германии [1, S. 287].

Эти чувствительные для всех участников проблемы отразились на взаимоотношениях между мусульманскими общинами и кураторами ГИК из федерального правительства. Напряжение возникло и внутри состава конференции, поскольку действующим участникам со стороны мусульманской уммы Германии были адресованы претензии в отсутствии солидарности, еди-

ной позиции и неспособности к критической оценке действий федерального министерства.

Пленум второй Германской исламской конференции утвердил рабочую программу до 2012 г., сформированную на базе итогов работы предыдущего созыва, и приступил к её реализации.

В повестку работы второй конференции вошли следующие темы:

- рассмотрение правовых возможностей введения в школьную программу занятий по религиоведению «Ислам»;
- интегрирование научно-исследовательских и учебных программ по исламской теологии в систему высшей школы Германии;
- создание условий для дальнейшего развития межинституционального взаимодействия и поддержки интеграционных проектов;
- обсуждение конституционно-правовых возможностей признания мусульманской общины полномочным религиозным сообществом наравне с христианской и иудейской общинами Германии;
- признание гендерного равенства как общей нравственной ценности; создание условий равных возможностей, поддерживающих активное участия женщин в общественной жизни Германии;
- разработка мероприятий, направленных на профилактику экстремизма, исламизма и исламофобии, а также противодействие поляризации общества [1, S. 288].

В марте 2011 г. в Германии произошли политические события, которые отразились на структуре ГИК, когда на смену Т. де Мизьеру, назначенному руководителем Федерального министерства обороны Германии, пришёл Х.-П. Фридрих (ХСС),

⁸ *Beilschmidt T. Transnationale Bindungen im Wandel. DITB zwischen Herkunftsstaatorientierung, Kooperationserwartungen und lokaler Vernetzung in Deutschland // Staat und Islam. Interdisziplinäre Perspektiven / Hrsg. von U. Hunger, N. J. Schröder. Wiesbaden: Springer VS, 2016. S. 233.*

известный своими консервативными политическими взглядами.

Новоназначенному министру приписывают высказывание следующего содержания, с которым он обратился к общественности Германии накануне вступления в новую должность: «Я думаю, это естественно, когда живущие в Германии люди мусульманского вероисповедания являются неотъемлемой принадлежностью нашей страны. Однако факт того, что ислам также является частью Германии, не находит своего исторического подтверждения» [9].

Открывая очередное пленарное заседание и приветствуя участников второй фазы ГИК, министр повторил эту позицию. Его слова вызвали острую критику как со стороны оппозиционных партий, так и со стороны Центрального совета мусульман Германии, представители которого отметили, что подобные заявления могут ослабить стремление мусульман Германии к интеграции и нивелировать достигнутые интеграционные результаты.

Необходимо отметить, что это заявление министра было одним из многих, прозвучавших в рамках очередной волны дискуссий о религии.

Точку отсчёта первых дискуссий по этой тематике связывают с террористическими атаками в США 11 сентября 2001 г.

Начало второй фазы приурочено к публикации скандальной книги экономиста и политика Тило Саррацина «Германия самоликвидируется» (сентябрь 2010 г.), в которой автор выразил убеждения в ошибочности послевоенной программы «трудовой миграции», когда в Германию приехали и обосновались мигранты-мусульманы [10].

По мнению Саррацина, время показало, что мусульманы являются носителями чуждой для европейской цивилизации культуры и не способны к эволюционному развитию.

Содержание книги вызвало большой общественный резонанс, а активное обсуждение её тезисов побудило политиков различного уровня выступать с заявлениями. В этой связи позиция федерального министра явно диссонировала со словами действующего на тот момент федерального президента Германии К. Вульфа (2010–2012 гг.), который 3 октября 2010 г. обратился к общественности по случаю 20-й годовщины объединения Германии и произнёс слова о безусловной принадлежности ислама к Германии*.

⁹ Vitzthum T. Innenminister: «Islam gehört nicht zu Deutschland» // Welt, 2011 // URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article12691814/Innenminister-Islam-gehoert-nicht-zu-Deutschland.html>

¹⁰ El-Menouar J. Muslimische Religiosität: Probleme oder Ressource? // Muslime in Deutschland. Historische Bestandaufnahme, aktuelle Entwicklungen und zukünftige Forschungsfragen / Hrsg. von P. Antes, R. Ceylan. Wiesbaden: Springer VS, 2017. S. 238.

* В своей речи, посвящённой празднованию 20-й годовщины объединения Германии, К. Вульф (ХДС), отметил, что ислам и мусульманы Германии являются неотъемлемой и составной частью современной Германии, и призвал население ценить религиозно-культурное многообразие и укреплять общественное взаимодействие (Wulff-Rede im Wortlaut „Der Islam gehört zu Deutschland“ // Handelsblatt, 2010 // URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/wulff-rede-im-wortlaut-der-islam-gehoert-zu-deutschland/3553232.html?ticket=ST-8057765-uye65BBVG6ZUC6b2ihQL-ap5j>).

Министр Х.-П. Фридрих во время работы второй Германской исламской конференции выступил с инициативой о необходимости создания стратегического партнёрства по вопросам безопасности и противодействию исламу с участием представителей мусульманских общин и государственных органов. Само обстоятельство болезненной смены политического руководства в середине второй фазы ГИК, спорные вербальные сочленения понятий «ислам» и «исламуизм» в выступлениях министра Х.-П. Фридриха, а также другие инициативы нового министра отразились на качестве работы [1, S. 288].

Публичные высказывания министра Х.-П. Фридриха относительно принадлежности ислама к германской истории и угрозы, исходящие от радикального исламуизма, вызвали ответную реакцию со стороны представителей мусульманской уммы. Центральный совет мусульман Германии опубликовал обращение, в котором указал на то, что частная позиция министра носит очевидный популистский характер и навязывает обществу искажённый взгляд на ислам [1, S. 288].

На последующих заседаниях конференции были представлены результаты завершённых проектов и сформулированы предложения о проведении круглых столов по теме: «Мусульмане на рынке труда: поддержка многообразия и эффективное использование потенциала» [1, S. 288].

К достижениям второй ГИУ можно отнести то обстоятельство, что наряду с вопросами обеспечения общественной безопасности удалось провести обсуждение плана меро-

приятий по профилактике и противодействию растущей в Германии исламофобии.

Следует отметить, что достигнутый на конференции первого созыва уровень доверия между представителями мусульманских общин и федерального правительства был подорван деструктивной позицией министра Х.-П. Фридриха.

В сентябре 2013 г. в Германии прошли очередные выборы в бундестаг, и состав федерального правительства Германии был снова обновлён.

В новом кабинете министров Х.-П. Фридрих занял должность руководителя Федерального министерства сельского хозяйства и продовольствия. В Федеральное министерство внутренних дел вернулся Т. де Мизьер, который в 2014 г. открыл третью фазу ГИК и поддержал направление её работы.

В повестку дня третьей конференции был включён вопрос о необходимости создания служб социальной и духовной поддержки мусульман. Критерии отбора делегатов были в очередной раз пересмотрены, и в новый состав Пленума вошли только представители мусульманских общин. Связано это было с необходимостью согласования единых для всех мусульманских общин условий поддержки проектов культурной и религиозно ориентированной направленности [1, S. 288].

К достижениям этого этапа Исламской конференции следует отнести проведение научного исследования по структурному и концептуальному анализу содержания услуг социальной поддержки, оказываемых мусульманскими общинами. Эта тема за короткий период време-

ни получила развитие, и начиная с зимнего семестра 2016–2017 гг. в отдельных образовательных учреждениях высшей школы страны была введена учебная программа «Мусульманская социальная работа» [1, S. 288].

Оценивая масштаб работы, выполненной за период работы ГИК, и учитывая характер и содержание обоснованной критики, следует отметить очевидный прогресс по следующим направлениям, касающимся структурной интеграции мусульман в Германии:

- признание существования четырёхмиллионной уммы Германии как посыл политического содержания принимающему обществу [2, S. 842];

- идентификация важных направлений деятельности мусульманских общин в вопросах признания и уравнивания в правах с другими религиозными общинами Германии;

- ознакомление общественности с многообразием мусульманской уммы Германии; освещение деятельности как мусульманских общин, так и неорганизованных мусульман; представление плюрализма мусульманской уммы и различных течений в исламе;

- создание устойчивой платформы для равноправной коммуникации между представителями государственных органов и мусульманских общин;

- инициатива проведения научно-исследовательских проектов, направленных на сбор информации о жизни мусульман, исследование деятельности мусульманских общин

и служителей религиозного культа, анализ видов и содержания услуг социальной помощи в мусульманских общинах [11];

- приобретение полезного опыта коммуникации на высшем политическом уровне;

- мобилизация усилий, направленных на укрепление доверия и согласование общих условий взаимодействия как внутри мусульманской уммы, так и за её пределами [1, S. 289].

Следует отметить, что попытки интеграции в школьную программу занятий по религиоведению «Ислам» в различных федеральных землях Германии предпринимались и ранее. Дискуссии по этой теме, подкреплённые в рамках ГИК практически примерами, подтвердили необходимость обсуждения и продвижения этой значимой для мусульманской уммы темы.

Ещё одним достижением ГИК стала формализация рекомендаций по проведению мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональной подготовки имамов мусульманских общин за счёт включения в программу высшей школы Германии учебной дисциплины «Исламская теология». Эти рекомендации были переданы в Совет по науке – высший консультативный орган при правительстве Германии, который, в свою очередь, в 2010 г. рекомендовал правительству Германии провести работу, направленную на создание центров исламских исследований [1, S. 289].

Эти рекомендации были приняты и поддержаны Федеральным мини-

¹¹ Валиев Дж. Ш. Мусульманские общины XX века в Германии: история становления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 5. С. 630.

стерством образования и науки Германии, а также министерствами земель. В результате проделанной работы и с мобилизацией необходимых финансовых, научных и кадровых ресурсов в отдельных высших учебных заведениях были созданы необходимые условия для образования и функционирования научно-исследовательских кластеров по миграционной и интеграционной тематике, среди которых выделяют Мюнстер – Оснабрюк, Франкфурт – Гисен, Эрланген – Нюрнберг и Тюбинген [1, S. 289].

Сегодня можно с достаточной долей оптимизма ожидать, что в ближайшее время будет реализована очередная инициатива ГИК, касающаяся организации и проведения научно-исследовательского проекта «Мусульманская служба социальной и медицинской поддержки». Этот пример, наряду с другими, является ярким подтверждением роли конфе-

ренции, выступающей генератором различных инновационных проектов, реализация которых имеет большое значение для развития успешной интеграции мусульман в Германии.

При создании Германской исламской конференции Федеральное министерство внутренних дел подчёркивало, что рассматривает её в качестве структуры переходного периода, в задачу которой входит представление общественности Германии всего ландшафтного многообразия мусульманской уммы [12, S. 133].

Подобные Германской исламской конференции временные конструкции будут существовать на муниципальном, земельном и федеральном уровне до тех пор, пока мусульманская община, наравне с другими традиционными религиозными общинами Германии, не будет признана субъектом публичного права.

Итак, провозглашённая цель создания ГИК – широкоформатный диалог представителей мусульманской уммы и гражданского общества для обеспечения интеграции мигрантов-мусульман в принимающее общество – была лишь частично реализована. Причины такого результата заключаются в следующем:

- кураторы ГИК из федерального правительства многократно сменялись, и каждый из них привносил собственную доктрину;
- постоянно изменялся и состав участников конференции, алгоритм отбора которых был непрозрачен;
- консолидация между участниками конференции отсутствовала, как отсутствовал и механизм доведения результатов работы конференции до широкой общественности.

Очевидно, что представители федерального правительства ФРГ в ГИК были опытными политическими функционерами с большим стажем публичной деятельности и широкой внутрипартийной поддержкой. Свидетельству-

¹² Speer S. W. Deutsche Religionspolitik im Kontext des Islam. Ursachen und Auswirkungen der Re-Formation von Religionspolitik als Integrationspolitik // *Muslime in Deutschland. Historische Bestandaufnahme, aktuelle Entwicklungen und zukünftige Forschungsfragen* / Hrsg. von P. Antes, R. Ceylan. Wiesbaden: Springer VS, 2017.

ет ли это обстоятельство одновременно и о том, что они были значимыми экспертами в вопросах миграции и интеграции?

Учитывая то обстоятельство, что наличие специальных учебных программ в высшей школе страны наряду с научно-исследовательскими направлениями по миграционной тематике – результат практической работы конференции, необходимо признать, что Германия находится только в начале пути, итогом которого должен стать успешный диалог с мусульманской уммой, выдвигающей политически мотивированные требования, чтобы избежать тех коммуникационных кризисов, которые были в ГИК на всех этапах её деятельности.

Предложенная федеральным правительством Германии модель ГИК не является идеальной. Она скорее экспериментальная. Это первый федеральный опыт применения сдержек, противовесов и поиска компромиссов в коммуникации с мусульманской уммой Германии, которой впервые в истории страны для озвучивания её требований была предоставлена такая высокая политическая трибуна. В то же время этот федеральный опыт с особой очевидностью показывает все недостатки, которые присутствуют в интеграционной парадигме федеральных земель, реализуемой региональными правительствами и политическими активами.

Результаты проведённого исследования позволяют сформировать представление о сложности и многомерности процессов миграции и интеграции в многоконфессиональном обществе Германии. Зарубежный опыт междисциплинарного анализа нивелирования миграционных рисков и угроз на примере Германской исламской конференции представляет для российской науки особый интерес и может быть адаптирован в российскую политическую практику при определении алгоритма взаимодействия мигрантских сообществ и гражданского общества, укрепления гражданской идентичности, а также координации миграционных и интеграционных процессов со стороны государства.

Библиография • References

- Валиев Д. Ш. Мусульманские меньшинства в Германии: история трудовой миграции и состояние общественного диалога // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 10. С. 841–847.
- [Valiev D. SH. Musul'manskie men'shinstva v Germanii: istoriya trudovoj migracii i sostoyanie obshchestvennogo dialoga // Voprosy politologii. 2018. T. 8. № 10. S. 841–847]
- Валиев Дж. Ш. Мусульманские общины XX века в Германии: история становления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 5. С. 624–630.
- [Valiev Dzh. SH. Musul'manskie obshchiny XX veka v Germanii: istoriya stanovleniya // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2018. T. 8. № 5. S. 624–630]
- Журбина Н. Е. Проблемы интеграции мигрантов в ЕС // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 3А. С. 25–33.
- [ZHurbina N. E. Problemy integracii migrantov v ES // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2018. T. 7. № 3A. S. 25–33]

- Забаяев И. В.* Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // Социология. 2011. № 32. С. 124–142.
- [*Zabaev I. V.* Logika analiza dannyh v obosnovannoj teorii (grounded theory): versiya B. Glezera // Sociologiya. 2011. № 32. S. 124–142]
- Страусс А., Корбин Д.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и посл. Т. Васильевой. М.: Эдиторал УРСС, 2011. – 258 с.
- [*Strauss A., Korbin D.* Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki / per. s angl. i posl. T. Vasil'evoy. M.: Editorial URSS, 2011. – 258 s.]
- Beilschmidt T.* Transnationale Bindungen im Wandel. DİTİB zwischen Herkunftsstaatorientierung, Kooperationserwartungen und lokaler Vernetzung in Deutschland // Staat und Islam. Interdisziplinäre Perspektiven / Hrsg. von U. Hunger, N.J. Schröder. Wiesbaden: Springer VS, 2016. S. 223–243.
- Busch R., Goltz G.* Die Deutsche Islam Konferenz. Ein Übergangsformat für die Kommunikation zwischen Staat und Muslimen in Deutschland // Politik und Islam / Hrsg. von H. Meyer K. Schubert. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaftler, 2016. S. 29–46.
- Ceylan R.* Deutsche Islamkonferenz.– Deutschland Einwanderungsland // Begriffe – Fakten – Kontroversen / Hrsg. von K. H. Meier-Braun, R. Weber. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2016. S. 286–289.
- El-Menouar J.* Muslimische Religiosität: Probleme oder Ressource? // Muslime in Deutschland. Historische Bestandaufnahme, aktuelle Entwicklungen und zukünftige Forschungsfragen / Hrsg. von P. Antes, R. Ceylan. Wiesbaden: Springer VS, 2017. S. 225–264.
- Speer S. W.* Deutsche Religionspolitik im Kontext des Islam. Ursachen und Auswirkungen der Re-Formation von Religionspolitik als Integrationspolitik // Muslime in Deutschland. Historische Bestandaufnahme, aktuelle Entwicklungen und zukünftige Forschungsfragen / Hrsg. von P. Antes, R. Ceylan. Wiesbaden: Springer VS, 2017. S. 115–147.
- Uslucan H.* Religion und Migration: Vom Nutzen und Nachteil. Einwanderungsgesellschaft Deutschland: Entwicklung und Stand der Integration / Hrsg. von H. U. Brinkmann, M. Sauer. Wiesbaden: Springer VS, 2016. S. 201–226.
- Vitzthum T.* Innenminister: „Islam gehört nicht zu Deutschland“ // Welt, 2011 // URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article12691814/Innenminister-Islam-gehört-nicht-zu-Deutschland.html>
- Wulff-Rede im Wortlaut „Der Islam gehört zu Deutschland“* // Handelsblatt, 2010 // URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/wulff-rede-im-wortlaut-der-islam-gehört-zu-deutschland/3553232.html?ticket=ST-8057765-uy65BBVG6ZUC6b2ihQL-ap5>

Статья поступила в редакцию 3 июня 2019 г.

Выбор Армении: почему ЕАЭС, а не Евросоюз?

Марк ЯДРИХИНСКИЙ

Внешняя политика президентов Армении до «бархатной революции»

После обретения Арменией независимости (1991 г.) первый президент Армении Л. Тер-Петросян стремился проводить прагматичную, разноректорную внешнюю политику, отведя своей стране роль моста между Востоком и Западом. С этой целью он предпочитал не акцентировать внимание на негативных аспектах исторической памяти, которые могли бы омрачить двусторонние отношения как с Азербайджаном, так и с Турцией и не позволить извлечь политические и экономические выгоды на новом этапе исторического развития. Соответ-

ственно, Тер-Петросян стал позиционировать эти страны как естественных союзников Армении [1, р. 147–148].

В период своего президентства Р. О. Кочарян подверг ревизии этот политический курс, вернув в политику, в той или иной степени, наследие коллективной памяти, каким бы горьким оно ни было. По его мнению, Армения не должна отказываться от признания геноцида со стороны османской Турции даже ради сближения двух стран.

Однако фактически в своей внешней политике Кочарян, опира-

ЯДРИХИНСКИЙ Марк Дмитриевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ). E-mail: MarkYadrichinskiy@yandex.ru

Ключевые слова: Армения, Россия, Азербайджан, ЕАЭС, ЕС, карабахский конфликт.

¹ Terzyan A. The evolution of Armenia's foreign policy identity: the conception of identity driven paths. Friends and foes in Armenian foreign policy discourse // Values and identity as sources of foreign policy in Armenia and Georgia. Publisher: Universal, 2016.

ясь на предложенную концепцию «взаимодополняемости», придерживался всё той же многовекторности, направленной на разумное балансирование между интересами крупных держав. Вместе с тем, в отличие от своего предшественника, он выступал за более прозападную внешнеполитическую повестку дня, предполагающую как политическое, так и военное сближение с Западом. Именно при президенте Кочаряне правящая элита стала рассматривать изменение ориентации внешней политики страны на Европейский союз как свой цивилизационный выбор. Промежуточным итогом этой политики стало вступление Армении в Совет Европы (2001 г.). В 2004 г. страна стала участником Европейской политики соседства, нацеленной на ещё большее сближение стран Евросоюза с рядом постсоветских республик, в том числе в политико-правовой сфере. Развитие и укрепление отношений Армении с европейскими структурами было определено в качестве внешнеполитического приоритета в Стратегии национальной безопасности 2007 г. [1, р. 150–152].

Тем не менее Кочарян не оспаривал важность армяно-российских отношений, продолжая рассматривать Россию как стратегического партнёра Армении. Этому способствовало то, что и Российская Федерация в начале 2000-х годов, казалось, тоже придерживалась курса на сближение с евроструктурами.

Евроинтеграционная политика Армении была продолжена и при президенте С. Саргсяне, вступившем в должность в 2008 г. [1, р. 156]. Свидетельством стало активное участие страны в очередном проекте ЕС «Восточное партнёрство», созданном для втягивания ряда постсоветских республик в европейскую орбиту. Армянский президент оценил этот проект как возможность получить от ЕС существенные политические и финансово-экономические дивиденды. Что касается России, то С. Саргсян рассматривал стратегическое партнёрство с ней как важный фактор поддержания стабильности и безопасности на Южном Кавказе [1, р. 158]. Особую роль при этом играло стремление сохранить статус-кво в Нагорном Карабахе.

Отношения Армении и Европейского союза

Официальные представители Евросоюза объявили (24 июля 2013 г.) о готовности (наряду с Грузией и Молдавией) парафировать соглашения об ассоциации вместе с *DCFTA* (глубокое и всеобъемлющее соглашение о свободной торговле) во время Вильнюсского саммита «Восточного партнёрства», запланированного на 29 ноября 2013 г.

Однако неожиданно, после закрытых переговоров между В. Путиным и С. Саргсяном, состоявшихся 3 сентября 2013 г., российский президент объявил о намерении Армении вступить в Таможенный союз (ТС). Вскоре армянский президент подтвердил его слова.

Однако это не привело к свёртыванию отношений Армении с ЕС,

которые в настоящее время регулируются Соглашением о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между ЕС и Арменией (СЕРА), подписанном 24 ноября 2017 г. [2]. СЕРА призвано обеспечивать укрепление сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес, в частности в политической и экономической.

В рамках СЕРА Армения и ЕС сотрудничают в области безопасности и правосудия в целях укрепления верховенства права и уважения прав человека и основных свобод. Для осуществления данной программы стране предоставляется финансовая помощь: её объём составляет до 160 млн евро в период 2017–2020 гг.

Торгово-экономическое сотрудничество с Евросоюзом играет важную роль в армянской экономике. Торговля со странами – членами ЕС составляет около 23,6% от общего товарооборота Армении, включая 26,7% армянского экспорта и 22% импорта [3]. Импорт ЕС из Армении состоит из металлов, сырья, напитков и табака. Экспорт же включает машины и транспортное оборудование, промышленные товары, химикаты.

Армения использует квоты ЕС для преференциальной торговли (GSP+).

Общая стоимость преференциального импорта в рамках общей схемы преференций (GSP+) увеличилась с 42 млн евро в 2014 г. до 108 млн евро в 2016 г. Армянский экспорт в ЕС в рамках GSP+ главным образом состоит из алюминиевой продукции (49%), чугуна и стали (46%) [3].

Однако даже при наличии системы преференций Армения всё равно имеет стабильный дефицит торговли с Евросоюзом в размере 300–400 млн евро в среднем в год.

Несмотря на многочисленные заключённые соглашения, торгово-экономическое сотрудничество достаточно долго демонстрировало стагнацию: внешнеторговый оборот в 2007–2016 гг. колебался порядка 1 млрд евро [3]. Тем не менее в последние годы наблюдается положительная динамика товарооборота.

Так, в 2017 г. был зафиксирован 14%-ный рост экспорта Армении в ЕС и 19%-ный импорта из ЕС, в 2018 г. рост взаимной торговли также продолжился.

Новое правительство Пашиняна приняло программу развития экономики и гражданского общества, главными компонентами которой были объявлены:

- укрепление демократических институтов;
- эффективное руководство;
- независимость судебной власти;
- борьба с коррупцией;
- ликвидация олигархической системы;
- реформа избирательной системы [4].

Армянский президент считает, что основную помощь в осуществлении демократических реформ ока-

² Delegation of the European Union to Armenia. Armenia and the EU //URL: https://eeas.europa.eu/delegations/armenia_en/896/Armenia%20and%20the%20EU

³ EU-Armenia bilateral trade relations // URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/armenia/>

⁴ Op-ed: EU-Armenia relations after Velvet Revolution – why no breakthrough has occurred // URL: <https://jam-news.net/op-ed-eu-armenia-relations-after-velvet-revolution-why-no-breakthrough-has-occurred/>

жет ЕС в рамках *СЕРА* и программы «Восточное партнёрств» «20 результатов к 2020 году».

Все эти программы официально направлены на:

- развитие институциональных основ развитой рыночной экономики;

- повышение эффективности государственного управления;

- укрепление связей между людьми и обществами Армении и ЕС;

- развитие гражданского общества [5].

Проблема в том, что финансовый инструментарий этих программ весьма ограничен:

- в рамках *СЕРА* до 2020 г. планируется израсходовать 160 млн евро;

- в рамках развития инфраструктуры у ЕС в стране на данный момент реализуется 129 проектов общей стоимостью 269 млн евро, направленных в основном на сельское хозяйство и энергетику [6].

В целом это не те средства, которые позволили бы воплотить проекты Пашиняна. Новое правительство уже обращалось к ЕС с просьбой расширить программы сотрудничества, на что в ответ было сказано, что увеличения поддержки не будет, так как армянский президент заявил, что резких изменений во внешней политике страны не будет, а поэтому Евросоюз не будет менять свою политику в отношении Армении [4].

Таким образом, несмотря на рост надежд после «революции» и демонстративные попытки нового армянского руководства более сблизиться с Европой, сам ЕС отнюдь не стремится расширять сотрудничество и предпочитает придерживаться плана действий, согласованного ещё при президенте Саргсяне. Да и сам Пашинян вынужден больше ориентироваться на Россию, вопреки своей ранней риторике.

Армения в ЕАЭС: проблемы и перспективы

На встрече 3 сентября 2013 г. президент России В. В. Путин озвучил статистические данные, которые показали всю важность России для Армении и её экономики [7]. Он, в частности, отметил, что:

- Российская Федерация является ведущим торговым партнёром с то-

варооборотом 1,2 млрд долл. в 2012 г.;

- российские инвестиции составили более 3 млрд долл.;

- в стране работает около 1300 российских компаний, а ряд армянских стратегических активов принадлежит и управляется российскими компаниями.

⁵ Delegation of the European Union to Armenia. Armenia and the EU // URL: https://eeas.europa.eu/delegations/armenia_en/896/Armenia%20and%20the%20EU

⁶ Armenia's 'Velvet Revolution': A contribution to the Eastern Partnership // URL: <https://euobserver.com/opinion/144871>

⁷ Заявления для прессы по итогам российско-армянских переговоров // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19142>

В исследовании, проведённом Евразийским банком развития в 2013 г. [8], оценивалось влияние интеграции в рамках ЕАЭС на экономику в целом, а также на энергетику и транспорт Армении. Кроме того, в прогнозе указывался дополнительный рост ВВП примерно на 4% в течение двух лет, связанный со снижением цен на поставки газа и нефти. Среди основных преимуществ членства Армении в ЕАЭС также подчёркивалась важность интеграции с единым рынком труда и капитала ТС, что обеспечит дальнейшее ежегодное увеличение денежных переводов в Армению примерно на 40 млн долл. (на 3%).

Таким образом, армянское правительство в своём лавировании между ЕС и ЕАЭС тайно склоняется к ЕАЭС, который предложил полноценное членство и конкретные экономические преференции в течение короткого срока, т. е. более выгодные условия с точки зрения армянского политического руководства. Однако вступление совпало со спадом экономики в России. Кроме того, на экономику Армении оказало влияние повышение тарифов. При этом ЕАЭС проводит гораздо более протекционистскую торговую политику, чем большинство постсоветских государств, при этом уровни тарифов России берутся за основу для тарифов ЕАЭС. Так, например, средневзвешенный импортный таможенный тариф Таможенного союза Евразийского экономического сообщества на 2014 г. составил 6,9%, тогда как в том же году армянский тариф был лишь 2,7%.

На практике повышение таможенных пошлин означает, что импорт из третьих стран становится дороже, т. е. цены на продовольствие и другие товары, импортируемые в Армению, например из ЕС и Китая, для населения будут повышаться. Правда, при подготовке к вступлению в Таможенный союз страна провела переговоры о снижении пошлин примерно на 900 товарных групп, что значительно облегчило переход на новую тарифную ставку. Пошлины на поставки природного газа, нефтепродуктов и необработанных алмазов из России были аннулированы, сэкономив Армению около 200 млн долл. в год.

Вступление в ЕАЭС также совпало с падением цен на углеводороды, западными санкциями и обесцениванием российского рубля, что привело к ухудшению экономической активности в России – главном пункте назначения армянских трудовых мигрантов и крупнейшем рынке экспорта армянской сельскохозяйственной продукции и продукции обрабатывающей промышленности. Это негативно повлияло на экономику Армении из-за снижения российского спроса на её товары и значительного сокращения денежных переводов и прямые иностранные инвестиции (ПИИ) из России. Как следствие, рост армянской экономики в результате вступления в ЕАЭС оказался значительно меньше оптимистических ожиданий 2013 г.

Объёмы экспорта Армении в Россию в 2015 г. сократились на 27% по сравнению с 2014 г., соста-

⁸ Евразийский банк развития. Армения и ТС: оценка экономического эффекта интеграции // URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/armeniya-i-ts-otsenka-ekonomicheskogo-effekta-integratsii/>

вив 244 млн долл. В том же году импорт Армении из России сократился до 942 млн долл.

В то же время в 2015 г. экспорт Армении в страны ЕС увеличился на 12,7% по сравнению с предыдущим годом, составив 352 млн долл.

Но уже в 2016 г. начался рост торгово-экономических связей Армении и России: так, экспорт в Россию по итогам 2016 г. увеличился на 51%, составив 371 млн долл. При этом в остальные страны ЕАЭС было экспортировано товаров всего на 21 млн долл. [9].

Армения экспортирует в Россию текстиль, одежду, продукты питания, напитки (вино, минеральную воду), коньяк, сигареты и др.

В связи с восстановлением российской экономики в 2017 и 2018 гг. продолжилось укрепление экономических связей Российской Федерации и Армянской Республики, рост взаимного товарооборота и инвестиций, что вселяет надежду в успешность интеграции в рамках ЕАЭС.

Причины связанности Армении с ЕАЭС

Исходя из экономического и политологического анализа, можно определить основные причины выбора Арменией ЕАЭС, а не Евросоюза.

1. Вопрос безопасности. Проблема Карабаха.

Одной из важных целей внешней политики и политики безопасности Армении остаётся урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе. Вспыхнувший в 1988 г. спор по Карабаху привёл к войне. Несмотря на усилия в рамках Минской группы ОБСЕ, лидеры воевавших стран не смогли договориться об основных принципах урегулирования конфликта. Соглашение о прекращении огня (заключено властями Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха в мае 1994 г. при посредничестве России) остановило боевые действия более чем на десятилетие. Однако в 2008 г. произошла эскалация конфликта. Боевые действия шли и в 2016 г. Одной из проблем, свя-

занных с конфликтом, является и закрытие границ с Арменией со стороны Азербайджана и Турции по итогам войны, что приводит к большим экономическим убыткам.

Конфликт в Нагорном Карабахе и закрытые границы, таким образом, делают необходимыми для Армении прочные отношения с Россией, в частности, в сфере безопасности. Являясь стратегическим союзником Российской Федерации и членом ОДКБ, Армянское государство продолжает во многом полагаться на военную помощь Москвы.

Российские военные поставки в страну включают:

- высокоточные баллистические ракетные комплексы малой дальности (9К720 «Искандер», 9М79 «Точка»);
- системы залпового огня (9К58 «Смерч») и ПВО (С-300);
- баллистические, противотанковые и зенитные ракеты;
- средства радиоэлектронной борьбы;
- бронетранспортёры.

⁹ Сайт Федеральной таможенной службы // URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095

Россия также обеспечивает модернизацию танков. Кроме того, страны работают над созданием единой системы противовоздушной обороны Кавказа и совместной военной группы.

Российско-армянское военное сотрудничество не ограничивается поставками оружия и техники: личный состав российских силовых структур присутствует на армянской территории.

Среди военных объектов России в Армении – 102-я российская военная база (около 5000 чел.) в Гюмри, срок аренды которой был продлён до 2044 г., и её военно-воздушная составляющая – 3624-я авиабаза (эскадрилья) в аэропорту Эребуни в Ереване.

Обе базы относятся к Южному военному округу Российской Федерации, играют важную роль в обеспечении безопасности на Кавказе и являются достаточно эффективным сдерживающим инструментом.

Отдел пограничного контроля Федеральной службы безопасности совместно с армянскими партнёрами осуществляет охрану границ Армении с Турцией и Ираном.

В приграничных районах Гюмри, Армавира, Арташата и Мегри размещены четыре отряда российских пограничников, а в аэропорту Звартноц в Ереване действует отдельное подразделение пограничников ФСБ. В целом погранвойска России насчитывают в Армении около 4500 чел.

2. Экономическая безопасность.

Не только вопросы государственной безопасности повлияли на решение Армении в пользу евразийской интеграции – экономическая зависимость от России тоже оказалась важным фактором для выбора в пользу ЕАЭС. Москва является ключевым внешнеторговым партнё-

ром Еревана, а также главным рынком для экспорта продукции армянского сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности.

Велика роль России и как инвестора: 57% всех ПИИ в Армению пришли из нашей страны.

Дюжина российских корпоративных гигантов являются 100%-ными акционерами армянских АО. Они активно работают в ключевых секторах экономики Армении, включая производство и транспортировку электроэнергии, транспорт, телекоммуникации, банковское дело, страхование и горнодобывающую промышленность [10].

3. Роль армянской диаспоры в России.

На решение Армении встать на сторону Таможенного союза заметно повлиял ещё один фактор, который часто недооценивается, – роль российских армян. Армяне в России достаточно успешны в экономическом и профессиональном планах. По данным официальной переписи населения 2010 г., армянское население Российской Федерации (по состоянию на 2010 г.) составляло 1,2 млн чел. Россия остаётся главной страной назначения для большинства трудовых мигрантов из Армении.

В 2017 г. семь бизнесменов армянского происхождения вошли в число 200 самых богатых людей России с общим объёмом чистых активов в 15 млрд долл.

Вот некоторые из крупнейших российских компаний, которые принадлежат российским пред-

¹⁰ Шанявский А. И. Российский капитал в Армении в 2000–2012 гг. // Молодой учёный. 2016. № 3.

принимателям-армянам: «Ташир», «Росгосстрах», «Лудинг», «РЕСО», «Юниаструм банк», «Бамо» и др.

С. Карапетян, магнат недвижимости и глава «Ташир», активно инвестирует в экономику Армении; он также купил акции ЗАО «Электрические сети Армении» у «Интер РАО ЕЭС» в 2015 г.

Основатель компании «Бамо» М. Мурадян инвестировал в армянскую экономику 130 млн долл.

Другой влиятельный бизнесмен, Р. Варданян, играет заметную роль в деловых, благотворительных и образовательных проектах Армении.

Российские компании и армянские бизнесмены, проживающие в России, активно участвуют в армянской горнодобывающей отрасли. Российские армяне являются крупнейшими инвесторами со стороны мировой армянской диаспоры. Они обладают влиятельными деловыми и политическими связями как с российскими, так и с армянскими политиками.

Взаимоотношения между Россией и Арменией после «бархатной революции»

Так называемая «бархатная революция» в Армении началась с протестов 13 апреля 2018 г. против выдвижения экс-президента С. Саргсяна на пост премьер-министра после того, как он, будучи на президентском посту, в 2015 г. провёл в стране Конституционный референдум, по результатам которого смог передать власть премьер-министру в апреле 2018 г., утверждая, что не будет выдвигаться ни в президенты, ни в премьер-министры. Многие углядели в этом попытку узурпировать власть. «Революция» оказалась бескровной – С. Саргсян

и правительство ушли в отставку, премьер-министром стал оппозиционный лидер Н. Пашинян.

Протесты возглавили представители либеральной оппозиции: «Гражданский договор», «Светлая Армения», «Республика», объединившиеся в блок «Елк». Все эти партии отнеслись отрицательно к отказу тогдашнего руководства Армении от ассоциации с ЕС. Главный лидер оппозиции – Н. Пашинян, по образованию журналист, участвующий в армянской политике с 1998 г., ранее неоднократно высказывал своё отрицательное мнение о ЕАЭС [11].

Говорит ли это о том, что Армения для России будет потеряна? Судя по всему, нет. И тому есть много причин.

Карабахская проблема. И Армения, и Азербайджан считают Карабах своей территорией. Проблема в том, что мирное урегулирование этой проблемы оказалось неэффективным: хотя боевые действия (кроме периодических вспышек) остановились, но вопрос о принадлежности данной территории так и не решён. При этом азербайджанские позиции здесь гораздо сильнее, так как, *во-первых*, экономически Азербайджан превосходит Армению в 4 раза (45 млрд долл. ВВП против 11 млрд, а в военном плане ещё больше), а *во-вторых*, на стороне Азербайджана мировое сообщество: ООН официально признаёт Карабах азербайджанской территорией, временно оккупиро-

¹¹ Nikol Pashinyan // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nikol_Pashinyan

рованной Арменией. И Евросоюз такое мнение не может не учитывать. На самом деле Азербайджан для ЕС гораздо важнее Армении.

Например, их внешнеторговый оборот составляет 9,6 млрд долл. [12], тогда как с Арменией он составляет лишь около миллиарда.

Азербайджан играет заметную роль в диверсификации поставок энергоносителей для ЕС – он покрывает 5% потребностей ЕС в газе [13]. На первый взгляд может показаться немного, особенно в сравнении с долей России, но от той же Армении Европе экономической пользы практически нет.

Однако более важна роль Азербайджана как транзитёра нефти и газа из других стран в Европу. ЕС сейчас ведёт проект «Южный газовый регион» по транспортировке нефти и газа из Каспийского региона, Центральной Азии и Ближнего Востока на европейские рынки. Роль Азербайджана как поставщика и транзитёра в этом проекте очень велика [13].

Евросоюз никогда не пожертвует своей энергетической безопасностью ради удовлетворения амбиций Армении в Карабахе. Тем более на стороне Баку Турция, которая является ключевым игроком проекта «Южный газовый регион». Так что Евросоюз реально может помочь решить карабахский вопрос только одним способом – вернуть его под юрисдикцию Азербайджана, на что ни армянское правительство, ни армянское общество не готово.

Не собирается отдавать Карабах и Пашинян: в январе 2019 г. он заявил, что в рамках урегулирования карабахского конфликта не собирается обсуждать азербайджанское предложение «земля в обмен на мир» [11].

Таким образом, объективно лишь сотрудничество с Россией способно обеспечить пребывание Нагорного Карабаха в составе Армении, и армянский президент это понимает. В апреле 2018 г. он заявил, что не выйдет из Организации Договора о коллективной безопасности, и уточнил, что у него нет проблем с российскими базами в Армении, сославшись на плохие отношения с Турцией. В декабре 2018 г. он сказал, что его страна не стремится к членству в НАТО, но будет продолжать сохранять отношения с ней. Свидетельством того, что Пашинян на деле не собирается рвать отношения с Россией, является последний военный контракт, который можно назвать прорывным: Россия продала новейшие многофункциональные истребители Су-30СМ, причём по внутрироссийским ценам [14]. Впервые Армения получила новейшее вооружение, состоящее на вооружении в российской армии, а не бывшую в употреблении технику.

Экономика. Итак, Россия занимает особое положение в армянской экономике, являясь ключевым торговым партнёром с долей 24% в армянском экспорте и 28% в армянском импорте по состоянию на 2017 г. Она также и главный инвестор Армении с общим объёмом накопленных инвестиций

¹² Отношения ЕС – Азербайджан. Справочный материал // URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/26622/Отношения%20ЕС%20-%20Азербайджан.%20Справочный%20материал

¹³ Отношения ЕС – Азербайджан в фактах и цифрах // URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap_summit_factsheet_azerbaijan_ru_print.pdf

¹⁴ Россия продала Армении истребители как себе // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3868951>

более чем в 3 млрд долл., составляя 44% всех иностранных инвестиций (среды ПИИ – 57,2%).

Российские капиталовложения направляются в традиционные секторы армянской экономики: инфраструктурные сети, цветную металлургию, топливный комплекс, а также связь и ИТ, транспорт. Причём значительная часть российских инвесторов являются армянами по национальности – им явно не понравится возможность потерять свои вложения в случае ассоциации с ЕС.

Наконец, что, пожалуй, наиболее важно, – это переводы армянских гастарбайтеров из России, которые обеспечивают до 16% ВВП страны [15]. Пашинян в курсе, какой мощный рычаг давления имеется у России именно через армянскую диаспору, и никто не рискнёт потерять 16% ВВП.

По сути, своими заявлениями армянский президент подтвердил, что покидать ЕАЭС не собирается. Хотя он и считает вступление Армении в Евразийский союз «ошибкой», но теперь выход из этой организации будет ошибкой ещё большей и надо просто совершенствовать интегративный механизм в объединении [16].

Но вместе с тем Пашинян пытается выторговать у России более выгодные условия участия своей страны в ЕАЭС, не гнушаясь атаковать российскую собственность в стране.

Так, Ереван возбудил против «Газпром Армения» уголовное дело из-за неуплаты налогов.

Комитет государственных доходов провёл обыски в ЮКЖД, дочерней компании РЖД, заподозрив её в налоговых нарушениях.

Также Пашинян вёл споры с Путиным по поводу формирования общего рынка энергоресурсов в рамках ЕАЭС – якобы ценообразование в этом рынке «дискриминационно». Тем не менее в этом раунде армянский президент проиграл – цена на газ для армянских потребителей увеличилась на 15 долл. – до 165 долл. за тысячу куб. м.

Насколько готов зайти в своём давлении Пашинян – вопрос большой, но вряд ли слишком далеко: в паре Россия – Армения первая куда сильнее и имеет больше рычагов влияния.

Библиография • References

Армения насчитала 60 барьеров, препятствующих интеграции Евразийского союза // URL: https://news.rambler.ru/caucasus/41666290/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

[Armeniya naschitala 60 bar'yerov, prepyatstvuyushchikh integratsii Evraziyskogo soyuza // URL: https://news.rambler.ru/caucasus/41666290/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink]

¹⁵ Armenia: Country Partnership Strategy (2014–2018). Economic Analysis (Summary) // URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cps-arm-2014-2018-ea.pdf>

¹⁶ Армения насчитала 60 барьеров, препятствующих интеграции Евразийского союза // URL: https://news.rambler.ru/caucasus/41666290/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

- Евразийский банк развития. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017 // URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-v-stranakh-sng-2017/>
- [Evraziyskiy bank razvitiya. Monitoring vzaimnykh investitsiy v stranakh SNG – 2017 // URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-v-stranakh-sng-2017/>]
- Заявления для прессы по итогам российско-армянских переговоров // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19142>
- [Zayavleniya dlya pressy po itogam rossiysko-armyanskikh peregovorov // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19142>]
- Россия продала Армении истребители как себе // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3868951>
- [Rossiya prodala Armenii istrebiteli kak sebe // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3868951>]
- Сайт Федеральной таможенной службы // URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095
- [Sait Federalnoy tamozhennoy sluzby //URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095]
- Шанявский А. И. Российский капитал в Армении в 2000–2012 гг. // Молодой ученый. 2016. № 3. С. 737–743.
- [Shanyavskiy A. I. Rossiyskiy kapital v Armenii v 2000–2012 gg. // Molodoy ucheniy. 2016. № 3. S. 737–743]
- Armenia: Country Partnership Strategy (2014–2018). Economic Analysis (Summary) // URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cps-arm-2014–2018-ea.pdf>
- Armenia's 'Velvet Revolution': A contribution to the Eastern Partnership // URL: <https://euobserver.com/opinion/144871>
- Delegation of the European Union to Armenia. Armenia and the EU. // URL: https://eeas.europa.eu/delegations/armenia_en/896/Armenia%20and%20the%20EU
- EU – Armenia bilateral trade relations // URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/armenia/>
- Nikol Pashinyan // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nikol_Pashinyan
- Op-ed: EU-Armenia relations after Velvet Revolution – why no breakthrough has occurred // URL: <https://jam-news.net/op-ed-eu-armenia-relations-after-velvet-revolution-why-no-breakthrough-has-occurred/>
- Terzyan A. The evolution of Armenia's foreign policy identity: the conception of identity driven paths. Friends and foes in Armenian foreign policy discourse // Values and identity as sources of foreign policy in Armenia and Georgia. Publisher: Universal, 2016. P.145–183.

Статья поступила в редакцию 4 июня 2019 г.

Международные позиции испанских университетов*

К вопросу создания российско-испанского альянса

Валентина КОМЛЕВА
Ольга ЖУЛИКОВА

Альянс российско-испанских университетов – новая модель сотрудничества

В апреле 2019 г. в России был подписан Меморандум о создании российско-испанского альянса университетов, в который вошли РАНХиГС, Томский государственный университет, МИСиС и Всероссийская академия внешней торговли, а также четыре крупных университета Испании из Мадрида, Овьедо, Валенсии, Таррагоны.

Заместитель министра науки и высшего образования России М. Боровская отметила важность создания альянса и подчеркнула, что важно понимать, какие критерии будут положены в основу его работы

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, доцент, декан факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ РАНХиГС. *E-mail:* Vv.komleva@igsu.ru

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, заместитель декана факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ РАНХиГС. *E-mail:* ov.zhulikova@igsu.ru

Ключевые слова: рейтинги университетов, испанские университеты, альянс российско-испанских университетов, рейтинги QS HESSR, U21, ARWU, THE Teaching Europe 2018.

* Статья подготовлена в рамках НИР «Развитие российско-испанского образовательного сотрудничества в формате университетского альянса: современные подходы и инструменты» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

и чтобы и «академическое сообщество восприняло идею, которую мы хотим им предложить для реализации» [1].

Основная цель альянса – объединение вузов, которые смогут создать совместные образовательные, научные и другие виды междисциплинарных проектов. В ближайшее время альянс планирует работать над межправительственным соглашением о взаимном признании дипломов, реализовывать совместную подготовку не только студентов, но и госслужащих, а также исследовать актуальные для всего мира темы экологической и продовольственной безопасности.

Созданию альянса предшествовала шестилетняя работа российско-испанского центра и факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ РАНХиГС при Президента РФ по реализации программ академической мобильности и программ двух дипломов с испанскими университетами. Собственно РАНХиГС и выступил инициатором создания альянса. Работа проходила при поддержке посольства Испании в Москве.

Выбор Испании как европейского партнёра обусловлен качеством испанского высшего образования и задачами, которые стоят перед Испанией в международном образовательном пространстве, схожими с задачами России. В частности, для обеих стран важно вхождение в мировые рейтинги университетов, потому что влияние этих рейтингов на привлечение инвестиций, талантливых студентов и высококвалифицированных кадров достаточно велико.

Целью исследования международных позиций испанских университетов является выявление их сильных и слабых сторон, разработка предложений для сотрудничества России и Испании в рамках альянса [2]. Результаты обоих исследований (позиций российских университетов и позиций испанских университетов) доказали взаимную выгоду российско-испанского альянса и обозначили пути совместного решения вопросов международного продвижения.

Значение рейтингования университетов

Рейтинг в широком понимании можно рассматривать как качественно-количественный индикатор, который прямо или опосредованно выражает субъективную об-

щественно значимую оценку того или иного события, факта, явления, личности, политического или экономического института, товара или услуг, полученную с использованием

¹ Альянс России и Испании: инициативу РАНХиГС поддержали ещё 7 университетов двух стран // URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/alyans-rossii-i-ispanii-iniciativu-ranhigs-podderzhali-eshhe-7-universitetov-dvuh-stran>

² Комлева В. В. Международная конкуренция государственных политики в области высшего образования // Обозреватель-Observer. 2018. № 1.

определённой научно обоснованной методики при массовом или экспертном социологическом опросе. Из полученных таким образом рейтингов затем, при необходимости, составляются ранговые ряды или проводится ранжирование по какому-то одному общему для них признаку. Для университетов – это система показателей.

Ранжирование подразумевает непосредственное упорядочение объектов в соответствии с принятыми критериями. Метод ранжирования основан на простых, интуитивно доступных и для исследователей и для респондентов операциях. Поэтому он является одним из старейших и популярнейших методов измерения в социальных науках.

Рейтинговые оценки – более популярная альтернатива ранжированию по простым шкалам в виде линеек. Этот метод часто предпочтительнее по нескольким причинам: он создаёт иллюзию интервального уровня измерений; во многих случаях его легче применять, потому что он не требует использования специального инструментария; рейтинговые оценки более доступны для исследователей, потому что имитируют физическую парадигму операционализации теоретических понятий.

Индикаторы рейтинга позволяют ему выступать инструментом транспарентности, который предоставляет потенциальным пользователям информацию для принятия решений в соответствии с их конкретными интересами.

Например, для правительств и государственных учреждений рейтинги могут быть инструментом, способствующим международным контактам национальных университетов, свидетельствующим об их позиционировании и международном признании, инструментом привлекательности при привлечении иностранных студентов и инвестиций, связанных со знаниями. Конкуренция в сфере высшего образования способствует росту значимости международных рейтингов, где государства соревнуются за представление и места (ранги) своих вузов в них.

Первым рейтингом в сфере образования считается опубликованный в 1983 г. журналом *U. S. News & World Report* рейтинг «Лучшие колледжи Америки», который был ориентирован на помощь абитуриентам в выборе высшего учебного заведения [3]. На сегодняшний день сложилась практика, когда составлением рейтингов занимаются специализированные исследовательские организации и доводят их до самой широкой аудитории через СМИ.

С глобальными позициями и баллами испанских университетов во всех трёх рейтингах университеты классифицируются по их позиции в общих рейтингах, областях знаний и дисциплинах, рассматриваемых в каждом рейтинге [4].

Что касается оценки университетских систем в целом, то используются рейтинги:

- *QS HESSR (QS Higher Education System Strength Ranking 2018)*;
- по странам группы U21 (*U21 Ranking of National Higher Education System 2018*);

³ Пугач В.Н. Рейтинги вузов как один из способов оценки качества образования // Научное ведение. 2011 // КибепЛенинка // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingi-vuzov-kak-odin-iz-sposobov-otsenki-kachestva-obrazovaniya>

⁴ NOTA: Estadística sobre la acción educativa en el exterior. Curso 2018–2019 // URL: <http://www.educacionyfp.gob.es/dms/mecd/servicios-al-ciudadano-mecd/estadisticas/educacion/exterior/accion/2018-19/Nota.pdf>

– ARWU (Шанхайский рейтинг) 2018;

– «*THE Teaching Europe 2018*» (основывается на опросе более 30 тыс. студентов, измеряется качество учебных сред с показателями институционального компромисса, учебных ресурсов, результатов обучения и окружающей среды).

В 2018 г. все указанные рейтинги увеличили число включённых в них университетов (до 1000 в случае QS и ARWU и 1258 в случае THE).

Рейтинг по областям знаний и дисциплинам охватывает около 500 университетов, в то время как в рейтинге молодых университетов в возрасте до 50 лет QS включены 150 университетов Испании.

Области знаний, используемые рейтингами, не соответствуют точно пяти областям знаний испанской университетской системы:

– искусство и гуманитарные науки;

– науки о жизни и медицина;

– естественные науки;

– социальные и правовые науки;

– инженерия и технологии.

Например, такие отдельные дисциплины в рейтингах, как клиника, здоровье и науки о жизни, которые в испанской системе включаются в область медицинских наук.

С учётом этого интересно рассмотреть позиции испанских университетов по отдельным рейтингам и сравнить результаты нескольких рейтингов.

Позиции Испании в рейтинге QS HESSR

Рейтинг QS HESSR оценивает общие позиции и показатели университетов и факторы, связанные с доступом и финансированием. В табл. 1 представлен рейтинг QS HESSR 2018 г. [5].

В этом рейтинге, основанном на количественных показателях, Испания занимает 12-е место в мире и 5-е место в Европе после Великобритании, Германии, Франции, Голландии и Италии.

По сравнению с 2017 г. испанские университеты опустились на одну позицию.

В рейтинге QS в общем зачёте ни один испанский университет не имеет более 50 баллов.

По показателю академической репутации четыре вуза (Автономный университет Мадрида, Университет Барселоны, Автономный университет Барселоны и Университет Комплутенсе Мадрида) превышают 60 баллов [6].

По репутации среди работодателей шесть университетов (Автономный университет Мадрида, Университет Комплутенсе Мадрида, Университет Наварра, Университет Помпеу Фабра, Университет Карлоса III (Мадрид) и Университет Рамон Ллулл) превышают 50 баллов.

У международных преподавателей только Университет Рамон Ллулл превышает 50 баллов с 96,5 наивысшим баллом, полученным испанскими университетами, в то время как у иностранных студентов два вуза, Университет Алькалы (80,9) и Университет Наварра (60,1), превышают 50 баллов.

⁵ Informe PRISUE2018 // URL: http://sepie.es/doc/internacionalizacion/prisue_2018_oct.pdf

⁶ RANKING POR AREAS DE CONOCIMIENTO Y DISCIPLINAS QS 2019 // URL: http://sepie.es/doc/internacionalizacion/2019/Rankings_QS_por_conocimiento_y_disciplinas.pdf

Таблица 1

Рейтинг по университетским системам в рейтинге QS HESS (2018 г.)

Позиция	Страны	Общая оценка	Системность	Доступность	Ведущие учреждения	Экономический контекст
1	США	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
2	Великобритания	98,6	98,7	97,6	99,5	99,0
3	Австралия	93,8	91,6	99,3	97,6	85,0
4	Германия	93,4	94,3	97,1	91,1	91,5
5	Канада	90,4	86,8	96,7	96,1	80,2
6	Франция	86,8	86,8	82,5	94,4	86,2
7	Голландия	84,9	89,3	87,7	92,7	71,8
8	Китай	84,5	88,9	52,7	96,9	99,9
9	Южная Корея	83,5	82,6	72,2	95,4	79,4
10	Япония	82,1	86,7	61,2	96,5	82,8
11	Италия	77,8	74,8	93,3	69,3	64,7
12	Испания	75,7	74,0	81,1	72,7	73,0

Позиции Испании в рейтинге U21

Система рейтингования национальных систем высшего образования U21 (версии рейтинга международной сети университетов *Universitas 21*) представляет собой глобальное исследование, которое измеряет достижения стран в сфере высшего образования.

В табл. 2 представлен рейтинг университетских систем U21 [7], который оценивался по критериям, учитывающим:

- ресурсы (ежегодные расходы на одного студента, эквивалентные полной занятости, и расходы на НИОКР для высших учебных заведений в паритете покупательной способности);

- среду (доля женщин-студентов и преподавателей в высших учебных заведениях; качество данных и нормативная среда; удовлетворение потребностей, конкурентная экономика);

- международное сотрудничество (доля иностранных студентов в высших учебных заведениях; доля статей в международном сотрудничестве; число открытых документов на душу населения; внешние ссылки, полученные третьими лицами на душу населения; развитие передачи знаний по бизнесу; публикации в сотрудничестве университет – промышленность);

⁷ Informe PRISUE2018 // URL: http://sepie.es/doc/internacionalizacion/prisue_2018_oct.pdf

Таблица 2

**Рейтинг национальных систем высшего образования
в рейтинге U21 (2018 г.)**

Позиция	Страны	Общая оценка	Ресурсы	Среда	Международное сотрудничество	Результаты
1	США	100,0	93,5	100,0	75,9	100,0
2	Швейцария	88,0	100,0	84,1	100,0	64,4
3	Велико-британия	82,6	71,7	88,5	87,5	70,1
4	Швеция	82,4	99,3	82,7	80,4	62,1
5	Дания	81,7	97,1	79,0	81,5	62,9
6	Финляндия	79,7	89,8	90,5	80,1	56,9
7	Голландия	79,7	83,1	87,4	84,2	59,7
8	Канада	79,6	96,6	81,5	71,6	62,1
9	Сингапур	79,5	97,2	90,7	76,8	54,2
10	Австралия	78,6	74,7	94,3	70,7	74,7
11	Австрия	75,8	89,9	78,4	91,6	47,7
12	Норвегия	74,5	90,4	81,0	69,2	54,4
13	Бельгия	73,3	72,0	85,1	77,6	54,7
14	Новая Зеландия	71,1	63,6	93,9	80,9	47,6
15	Германия	69,2	66,7	76,7	71,4	55,0
16	Франция	68,5	69,0	78,3	65,4	54,4
17	Гонконг	67,8	74,9	88,7	61,5	46,5
18	Израиль	66,3	61,4	80,2	58,8	55,5
19	Ирландия	64,8	58,7	80,7	70,4	50,1
20	Япония	61,9	59,6	79,4	52,4	49,6
21	Тайвань	60,2	55,9	87,4	54,5	43,9
22	Южная Корея	58,0	65,8	65,5	44,8	48,1
23	Саудовская Аравия	57,0	89,6	64,8	51,3	30,9
24	Португалия	56,4	59,4	73,6	51,6	40,1
25	Испания	56,2	53,1	74,6	48,3	43,9

– результаты (общее число публикаций в абсолютном выражении и на душу населения; средний рейтинг публикаций; среднее число учреждений в Топ-500 и тройке в рейтинге ARWU;

процент студентов и населения с высшим образованием; число исследователей, работающих полный рабочий день на миллион жителей; уровень безработицы среди выпускников).

В рейтинге *U21* Испания занимает 25-е место, уступив два места по сравнению с 2017 г., за счёт критериев снижения показателей по между-

народному сотрудничеству и результатам, где оценки не достигают 50 баллов, и получает лучший результат в показателе «Среда» – 74,6 балла.

Позиции Испании в рейтинге ARWU

При составлении рейтинга *ARWU* (*Academic Ranking of World Universities*) используются показатели научной и академической деятельности, такие как:

- выпускники – лауреаты Нобелевской или Филдсовской премии;
- сотрудники – лауреаты Нобелевской или Филдсовской премии,
- часто цитируемые исследователи в 21 категории;
- статьи, опубликованные в журналах *Nature* или *Science*;
- индексы цитирования для естественных и гуманитарных наук Института научной информации (*Institute for Scientific Information, ISI*) *Science Citation Index* и *Social Sciences Citation Index*;
- индексы ведущих журналов *Arts and Humanities Citation Index*;
- совокупный результат предыдущих показателей по отношению к численности персонала вуза.

В статистике по странам рейтинга *ARWU* по количеству университетов в каждом сегменте рейтинга Испания выиграла 5 позиций,

перейдя на 21-е место (26-е в 2017 г.), получив Университет Барселоны в Топ-200. Испания имеет больше университетов в Топ-500 и на позициях 501–1000, чем другие страны (табл. 3). Это подтверждает хорошее среднее позиционирование испанских университетов, несмотря на отсутствие в высоких сегментах рейтинга. В табл. 3 представлена статистика по странам рейтинга *ARWU* и позиционирование испанской университетской системы в целом в данном рейтинге.

Исходя из критериев, используемых *ARWU*, только Университет Барселоны имеет более 50 баллов из 100 в индикаторе «индексированные статьи в *SCI* и *SSCI*». Ни один испанский университет не получает баллов по показателю «преподавательский состав с Нобелевскими премиями и идентичными заслугами», и только Университет Комплутенсе Мадрида получает баллы по показателю выпускников – лауреатов Нобелевской премии.

Сравнительные позиции испанских университетов в международных рейтингах

В 2018 г. восемь испанских университетов заняли позиции в Топ-100 рейтинга по областям знаний [8].

Среди них можно назвать следующие два университета в разделе «Инженерия и технологии» – Политехнический университет Каталонии (85-е ме-

⁸ Rankings 2018 // URL: http://sepie.es/doc/internacionalizacion/infografias_rankings.pdf

Таблица 3

Рейтинг по странам в рейтинге ARWU (2018 г.) [5]

Позиция	Страны	Топ-20	Топ-100	Топ-200	Топ-300	Топ-400	Топ-500	501–1000
1	США	16	46	69	95	117	139	78
2	Велико-британия	3	8	21	28	34	39	21
3	Швейцария	1	5	7	7	8	8	2
4	Австралия	–	6	9	15	21	23	8
5	Германия	–	4	14	20	28	36	14
6	Канада	–	4	9	12	18	18	9
7	Голландия	–	4	9	10	11	11	2
8	Китай	–	3	15	30	43	62	84
9	Франция	–	3	8	14	17	19	15
10	Япония	–	3	7	9	12	16	29
11	Швеция	–	3	5	8	9	11	2
12	Бельгия	–	2	4	6	7	7	1
13	Дания	–	2	3	4	5	5	1
14	Израиль	–	2	4	4	4	6	2
15	Сингапур	–	2	2	2	2	2	1
16	Норвегия	–	1	2	3	3	3	3
17	Фин- ляндия	–	1	1	1	3	4	5
18	Россия	–	1	1	1	2	4	8
19	Италия	–	–	1	8	10	15	32
20	Южная Корея	–	–	2	5	8	10	24
21	Испания	–	–	1	4	7	10	23

сто), Политехнический университет Мадрида (94-е место).

Два университета в разделе «Искусство и гуманитарные науки» – Университет Комплутенсе Мадрида (85-е место), Университет Барселоны (96-е место).

В разделе «Науки о жизни и медицина» Университет Барселоны занял 62-е место.

Два университета в разделе «Естественные науки» – Автономный университет Мадрида (78-е место) и Университет Барселоны (79-е место).

В разделе «Социальные и правовые науки» 97-е место занял Университет Помпеу Фабра.

В табл. 4 представлены 43 испанских университета, перечисленных в общих опубликованных рейтингах *QS*, *ARWU*, *THE* и *QS* молодых университетов в 2018 г., отсортированных по лучшей позиции, которую они занимают в одном из трёх общих рейтингов.

По сравнению с 2017 г. есть увеличение – добавилось 10 новых университетов: *León (ULE)*, *Pablo de Olavide (UPO)*, *Burgos (UBU)*, *Valladolid (UVA)*, *Málaga (UMA)*, *Cantabria (UC)*, *Abierta de Cataluña (UOC)*, *Las Palmas de Gran Canaria (ULPGC)*, *Deusto (UD)* и *Ramón Llull (URLL)*, которые появляются первый раз в одном из этих рейтингов.

22 из этих 43 университетов (это на три больше, чем в 2017 г.) перечислены сразу в трёх представленных рейтингах: *Pompeu Fabra (UPF)*, *Autónoma de Barcelona (UAB)*, *Autónoma de Madrid (UAM)*, *Barcelona (UB)*, *Complutense de Madrid (UCM)*, *Granada (UGR)*, *Navarra (UNAV)*, *Carlos III de Madrid (UC3M)*, *Politécnica de Cataluña (UPC)*, *Politécnica de Valencia (UPV)*, *País Vasco (UPV/EHU)*, *Santiago de Compostela (USC)*, *Valencia (UV)*, *Zaragoza (UNIZAR)*, *Politécnica de Madrid (UPM)*, *Alcalá (UAH)*, *Sevilla (US)*, *Oviedo (UNIOVI)*, *Vigo (UVI)*, *Salamanca (USAL)*, *Murcia (UMU)* и *Castilla La Mancha (UCLM)*. *La UNAV*, *UC3M* входят в 2018 г. в рейтинг *ARWU* и *U21*. В рейтинге *QS9* университетов, что на два больше, чем в 2017 г. Эти университеты появляются в двух рейтингах: *Rovira i Virgili (URV)*, *Islas Baleares (UIB)*, *Jaume I (UJI)*, *La Laguna (ULL)*, *Miguel Hernández (UMH)*, *Jaén (UJA)*, *Alicante (UA)*, *A Coruña (UDC)* и *Rey Juan Carlos (URJC)*.

В целом они повторяют первые позиции 2017 г. Восстановил свою позицию в Топ-200 *ARWU Barcelona (UB)*, которую он потерял в 2017 г. В молодых университетах в возрасте до 50 лет семь испанских университетов появляются в Топ-100 рейтинга *QS*, три из них в Топ-50: *UC3M*, *UPC* и *UPF*.

В 2018 г. по сравнению с 2017 г. ещё 10 испанских университетов вошли в три данных рейтинга *THE*, *QS* и *ARWU* (43 в 2018 г. против 33 в 2017 г.), улучшив положение в *THE* (*UPF* 135 в 2018 г. против 140 в 2017 г.) и *ARWU* (*UB* 151–200 в 2018 г. против 201–300 в 2017 г.), уступив *QS* (*UAM* 159 в 2018 г. против *UB* 156 в 2017 г.).

Среди молодых университетов Испании имеет семь университетов в Топ-100 (3 в Топ-50), несмотря на то что в 2018 г. Автономные университеты Мадрида и Барселоны (*UAM* и *UAB*) и Политехнический университет Валенсии (*UPV*), которые в 2017 г. возглавляли эти рейтинги, больше не появляются в этом рейтинге, чтобы встретить в 2018 г. 50-летие своего существования. Эта ситуация показывает силу молодых университетов, созданных в Испании за последние 50 лет с расширением числа университетов до нынешних 84, с консолидацией политехнических университетов Мадрида, Каталонии и Валенсии с интеграцией технических школ и появлением других молодых университетов, таких как *UC3M*, *UPF*, *UPV / EHU*, *URV*, *UAH*, *URLL*.

Интересно посмотреть на тенденцию позиции Испании в последние годы для рейтинга *ARWU*, *QSHES* и *U21* (рис.).

Позиция Испании в этих рейтингах варьировалась от 11 до 13-го места в *QSHES*, 21 и 25-го – в *ARWU* и 21 и 26-го – в *U21*.

Существует стагнация с ежегодными колебаниями, которые указывают на стабильную ситуацию, демонстрируя трудности продвижения в этих рейтингах и статистике по странам до тех пор, пока нет испанских университетов в Топ-100 любого из трёх рейтингов.

Как и в 2017 г., в рейтинге, специализирующемся на дисциплинах, где наиболее выделяются испанские университеты (21 университет в 25 дисциплинах) в Топ-50 рейтинга по дисциплинам *QS* и *ARWU-GRAS* (20 университетов в 24 дисциплинах в 2017 г.) и даже три университета в Топ-10 *ARWU-GRAS*. Так же как это

Таблица 4

**Позиция, занимаемая 43 испанскими университетами
в международных образовательных рейтингах [5]**

Университет	Рейтинг QS		Рейтинг ARWU-Shanghai	Рейтинг THE
	общий	«молодые» университеты (менее 50 лет)		
Universidad Pompeu Fabra	298	29	20–300	135
Universidad Autónoma de Barcelona	193	–	301–400	145
Universidad Autónoma de Madrid	159	–	301–400	351–400
Universidad de Barcelona	166	–	151–200	201–250
Universidad Complutense de Madrid	206	–	201–300	401–500
Universidad de Granada	495	–	201–300	601–800
Universidad de Navarra	242	–	901–1000	251–300
Universidad Carlos III de Madrid	253	22	901–1000	601–800
Universidad Politécnica de Cataluña	275	26	601–700	501–600
Universidad Politécnica de Valencia	310	–	401–500	601–800
Universidad del País Vasco	601–650	91–100	301–400	601–800
Universidad de Santiago de Compostela	581–590	–	401–500	601–800
Universidad de Valencia	561–570	–	401–500	401–500
Universidad Rovira i Virgili		–	701–800	401–500
Universidad de Zaragoza	412	–	501–600	601–800
Universidad Politécnica de Madrid	470	61–70	501–600	601–800
Universidad de Alcalá	481	61–70	801–900	601–800
Universidad de Sevilla	601–650	–	501–600	601–800
Universidad de Oviedo	801–1000	–	501–600	601–800
Universidad de Vigo	801–1000	–	501–600	601–800
Universidad de las Islas Baleares	–	–	501–600	501–600
Universidad Jaume I de Castellón	–	–	501–600	601–800
Universidad de La Laguna	–	–	601–700	501–600
Universidad Ramón Llull	541–550	81–90	–	–
Universidad de Salamanca	591–600	–	701–800	601–800
Universidad Miguel Hernández de Elche	–	–	601–700	601–800

Окончание табл. 4

Университет	Рейтинг QS		Рейтинг ARWU-Shanghai	Рейтинг THE
	Общий	«молодые» университеты (менее 50 лет)		
Universidad de Deusto	–	–	–	601–800
Universidad de Las Palmas de Gran Canaria	–	–	–	601–800
Universidad Abierta de Cataluña	–	–	–	601–800
Universidad de Murcia	801–1000	–	701–800	801–1000
Universidad de Jaén	–	–	701–800	801–1000
Universidad de Córdoba	–	–	701–800	–
Universidad de Castilla la-Mancha	801–1000	–	801–900	801–1000
Universidad de Alicante	–	–	801–900	801–1000
Universidad de Cantabria	–	–	801–900	–
Universidad de Málaga	–	–	801–900	–
Universidad de Valladolid	–	–	801–900	–
Universidad de A Coruña	801–1000	–	–	801–1000
Universidad Rey Juan Carlos	801–1000	–	–	801–1000
Universidad de Almería	–	–	–	801–1000
Universidad de Burgos	–	–	–	801–1000
Universidad Pablo Olavide	–	–	–	801–1000
Universidad de León	–	–	–	801–1000

происходит в общих рейтингах в специализированных областях знаний и дисциплин в показателях преподавания, исследований и интернационализации, где испанские университеты имеют больше возможностей для улучшения своих показателей и повышения позиций в этих рейтингах.

Как и в 2017 г., нет испанских университетов в Топ-100 ни в одном из трёх рейтингов. Этот факт отчасти является следствием оценки наших университетов по показателям преподавания и исследований, рассматриваемых в этих рейтингах, особенно в *THE* и *ARWU*.

Таким образом, в показателях преподавания и исследований в *THE* ни один испанский университет не превышает 50 баллов, и есть только один университет (*UCM*), который набирает 19 баллов в критериях качества образования *ARWU* (Нобелевские премии и медали *Fields* выпускников и преподавателей). Также нет испанских университетов с более чем 50 баллами по показателям *ARWU* по критерию высоко цитируемых исследователей, статей в «природе» и «науке» и показателя высшего образования на душу населения. Только Университет Барселоны (*UB*) с 53,3 балла по индикатору статей,

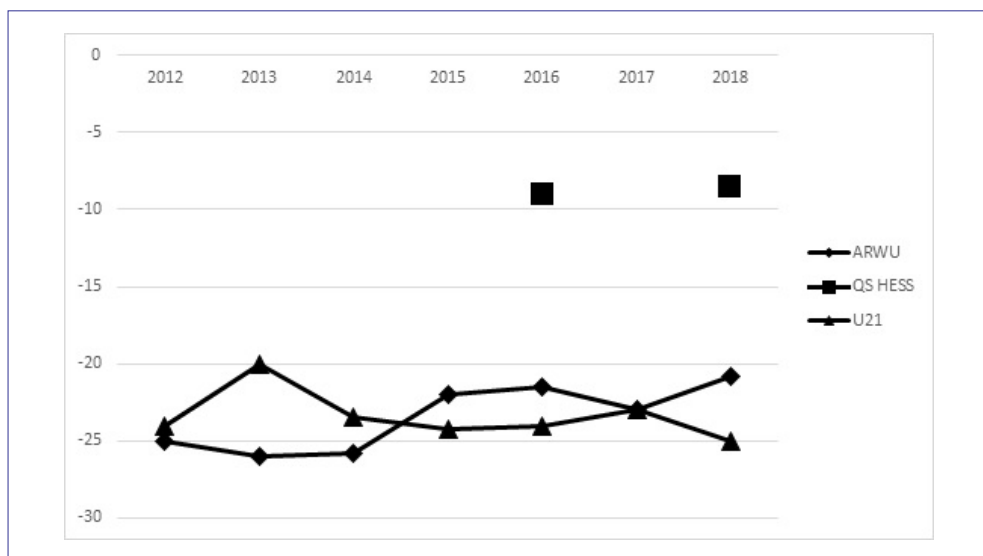

Рис. Динамика позиции испанской университетской системы в рейтингах ARWU, QSHESS и U21 [5]

индексированных в *SCI* и *SSCI*, превышает 50 баллов по шести индикаторам *ARWU*.

В показателе цитат (*THE*) есть 11 испанских университетов с более чем 50 точками в соответствии с позицией, занимаемой Испанией в научном сообществе и индексе публикаций. Также в международном сотрудничестве индикатор (*THE*) улучшает оценку испанских университетов, показывая большую интернационализацию системы испанского высшего образования.

В общем рейтинге *QS* ни один испанский университет не достигает 50 баллов, поэтому они не занимают места выше 153-го в общем рейтинге *QS* (табл. 4).

Расширение трёх рейтингов с точки зрения дисциплин и количества перечисленных университетов привело к повышению конкуренции в верхних сегментах рейтинга с уменьшением числа российских университетов в них, но с более высоким общим количеством перечисленных испанских университетов.

Таким образом, отметим, что позиции испанских университетов достаточно высоки в международных рейтингах, однако есть причины, по которым расширение международного сотрудничества для них весьма целесообразно. К таким причинам относятся как минимум снижение показателей международной активности в ряде высокорейтинговых университетов; снижение величины показателей государственных университетов. Российские университеты позднее испанских включились в системы рейтингования и имеют невысокие показатели. В этой связи альянс российско-испанских университетов – одна из перспективных и необходимых, как для Испании, так и для России, моделей научного и образовательного сотрудничества.

Библиография • References

- Альянс России и Испании: инициативу РАНХиГС поддержали ещё 7 университетов двух стран // URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/alyans-rossii-i-ispanii-iniciativu-ranhigs-podderzhali-eshhe-7-universitetov-dvuh-stran>
- [Al'yans Rossii i Ispanii: iniciativu RANHiGS podderzhali eshche 7 universitetov dvuh stran // URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/alyans-rossii-i-ispanii-iniciativu-ranhigs-podderzhali-eshhe-7-universitetov-dvuh-stran>]
- Комлева В. В. Международная конкуренция государственных политики в области высшего образования // Обозреватель–Observer. 2018. № 1. С. 69–87.
- [Komleva V. V. Mezhdunarodnaya konkurenciya gosudarstvennyh politiki v oblasti vysshego obrazovaniya // Obozrevatel'– Observer. 2018. № 1. S. 69–87]
- Пугач В. Н. Рейтинги вузов как один из способов оценки качества образования // Наукovedenie. 2011 // КиберЛенинка // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingi-vuzov-kak-odin-iz-sposobov-otsenki-kachestva-obrazovaniya>
- [Pugach V. N. Rejtingi vuzov kak odin iz sposobov ocenki kachestva obrazovaniya. // Naukovedenie. 2011 // KiberLeninka // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingi-vuzov-kak-odin-iz-sposobov-otsenki-kachestva-obrazovaniya>]
- Informe PRISUE2018 // URL: http://sepie.es/doc/internacionalizacion/prisue_2018_oct.pdf
- NOTA: Estadística sobre la acción educativa en el exterior. Curso 2018–2019 // URL: <http://www.educacionyfp.gob.es/dms/mecd/servicios-al-ciudadano-mecd/estadisticas/educacion/exterior/accion/2018–19/Nota.pdf>
- RANKING POR AREAS DE CONOCIMIENTO Y DISCIPLINAS QS2019 // URL: http://sepie.es/doc/internacionalizacion/2019/Rankings_QS_por_conocimiento_y_disciplinas.pdf
- Rankings 2018 // URL: http://sepie.es/doc/internacionalizacion/infografias_rankings.pdf

Статья поступила в редакцию 27 мая 2019 г.

Транспортная политика Европейского союза: прошлое, настоящее, будущее*

Наталья КИСЛИЦЫНА

Европейский союз, представляющий собой крупное интеграционное объединение (его членами являются 28 государств), одной из прерогатив своего развития видит необходимость создавать единые правила как для государств-членов, так и для организаций в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в транспортной. На сегодняшний день транспорт является краеугольным камнем европейской интеграции и важен для осуществления свободного передвижения людей, услуг и товаров. Транспорт даёт более 9% валовой добавленной стоимости ЕС (вклад в экономику). При этом только на транспортные услуги в 2016 г. ЕС затратил около 664 млрд евро, обеспечив на своей территории работой более 11 млн чел. [1].

Деятельность органов, институтов и учреждений ЕС в сфере транспорта

Среди институтов ЕС вопросами транспорта занимаются: Совет Евросоюза, Европейский парла-

мент, Европейская комиссия. Рассмотрение вопросов, связанных с транспортной сферой, на очеред-

КИСЛИЦЫНА Наталья Феликсовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международных отношений и геополитики транспорта ИМТК, РУТ (МИИТ). *E-mail:* kis-nataliya@yandex.ru

Ключевые слова: Европейский союз, «дорожная карта» ЕС, транспортная политика.

¹ Официальный сайт ЕС // URL: https://europa.eu/european-union/topics/transport_en

* Исследование выполнено в рамках гранта 587638-EPP-1-2017-1-RU-EPPJMO-MODULE. *Politique européenne des transports: ordre juridique et institutions.*

ных заседаниях представляется проблематичным. Именно поэтому в рамках каждого из них создаётся специальный вспомогательный орган, отвечающий за решения узко-специализированных вопросов.

Так, в рамках:

- Европейского парламента создан Комитет по транспорту и туризму [2];
- Совета Евросоюза – Совет по вопросам конфигурации транспорта, телекоммуникаций и энергетики (ТТЕ) [3];
- Европейской комиссии – Отдел по морским вопросам и рыболовству [4], Отдел по мобильности и транспорту [5].

В свою очередь, Европейская комиссия стремится развивать и продвигать транспортную политику, которая, по её мнению, является эффективной, безопасной и устойчивой, чтобы создавать условия для конкурентоспособности отрасли, предоставляющей рабочие места.

К органам ЕС, принимающим участие в регламентации транспортных вопросов, относятся: Европейский социально-экономический комитет, Европейский инвестиционный банк и Комитет регионов. В рамках каждого из указанных ор-

ганов созданы вспомогательные подразделения.

В Европейском социально-экономическом комитете – Секция по вопросам транспорта, энергетики, инфраструктуре и информированности общества [6].

В Комитете регионов – Комиссия по политике территориальной сплочённости (COTER) [7].

В Европейском инвестиционном банке – Трансъевропейские сети (TEN) [8].

Всё это указывает на кропотливый труд со стороны как ЕС в целом, так и каждого из его институтов и органов. Эти организации ЕС постоянно проводят различные мероприятия с целью решения тех вопросов, которые они курируют. Немаловажным аспектом в работе указанных органов ЕС является наличие отчётности перед вышестоящей инстанцией, что подчёркивает важность как самой транспортной политики ЕС, так и постоянного её мониторинга.

В сфере транспорта ЕС отмечает следующие проблемы (по данным, предоставленным с официального сайта ЕС):

² Официальный сайт Комитета по транспорту и туризму Европейского парламента ЕС // URL: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/tran/home.html>

³ Официальный сайт Совета по вопросам конфигурации транспорта, телекоммуникаций и энергетики (ТТЕ) Совета ЕС // URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/council-eu/configurations/tte>

⁴ Официальный сайт Отдела по морским вопросам и рыболовству Европейской комиссии // URL: https://ec.europa.eu/info/departments/maritime-affairs-and-fisheries_en

⁵ Официальный сайт Отдела по мобильности и транспорту Европейской комиссии // URL: https://ec.europa.eu/transport/index_en

⁶ Официальный сайт Секции по вопросам транспорта, энергетики, инфраструктуре и информированности общества // URL: <https://www.eesc.europa.eu/sections-other-bodies/sections-commission/transport-energy-infrastructure-and-information-society-ten>

⁷ Официальный сайт Комиссии по политике территориальной сплоченности (COTER) // URL: <http://cor.europa.eu/en/activities/commissions/Pages/cor-commissions.aspx?comm=COTER>

⁸ Официальный сайт Трансъевропейские сети (TEN) // URL: <http://www.eib.org/projects/sectors/tens/index.htm?f=search&media=search&lang=en>

– перегруженность – данная проблема касается как автомобильных, так и воздушных перевозок;

– выбросы парниковых газов – к 2050 г. ЕС должен сократить транспортные выбросы на 60% по сравнению с уровнем 1990 г. (в целом все страны должны стремиться не допустить глобальное потепление свыше 2 °С);

– транспортная инфраструктура и её качество на территориях стран ЕС различаются по странам;

– конкуренция – Транспортный сектор ЕС сталкивается с растущей конкуренцией на быстро развивающихся транспортных рынках других регионов.

Несмотря на наличие проблем, государства – члены ЕС рассматривают транспорт в качестве одного из главных факторов, влияющих на развитие экономики государств. Более того, каждый из государств-членов принимает активное участие в совершенствовании использования транспортной инфраструктуры при перевозках грузов, пассажиров и багажа. Для достижения указанной цели государства-члены разрабатывают и принимают соответствующие нормативно-правовые акты и предоставляют статистические данные по всем видам транспорта специальному учреждению – Евростату. Таблицы 1–5 со статистическими данными подтверждают значимость всех видов транспорта.

Такой выбор статистики связан, *во-первых*, с тем, что пассажирам уделяется больше внимания, чем грузам. Именно вопросы совершенствования нормативно-правовых актов на международном уровне, касающиеся перевозки пассажиров,

а также обеспечения их безопасности, выносятся на повестку дня большинства международных организаций, в том числе и ООН. Регламентация перевозки опасных грузов тоже важна, так как несоблюдение правил перевозки чревато причинением вреда как людям, так и окружающей среде.

Что касается автомобильного и внутреннего водного транспорта, то их позиции в 2007 г. были средними и к 2016 г. не возросли. Более того, автомобильный транспорт занял последнее место в 2016 г. как транспорт, используемый для перевозки тяжёлых грузов на дальние расстояния.

Таблица 1 предоставляет данные о произошедших авариях при перевозке опасных грузов железнодорожным транспортом. По данным Евростата, в 2016 и 2017 гг. на территории лишь одного государства не зафиксировано происшествий при перевозке опасных грузов – Хорватии. Во всех остальных государствах аварии происходили, причём лидером является Германия. Такого рода статистика прежде всего указывает на необходимость совершенствования внутреннего законодательства государств – членов ЕС. Также стоит отметить, что аварийность может являться следствием большого количества перевозок в целом по стране и по соглашениям с соседними государствами, т. е. транзитом. Из представленных в табл. 1 государств самым экономически сильным является Германия, как следствие, можно предположить, что у неё большая загруженность железнодорожного транспорта, в том числе и перевозками опасных грузов, т. е. с ростом

Таблица 1

**Аварии, связанные с перевозкой опасных грузов
железнодорожным транспортом ***

Страны	Годы	
	2016	2017
Чехия	1	0
Хорватия	0	0
Венгрия	0	1
Бельгия	1	1
Польша	6	2
Германия	4	10

числа перевозок растёт и число аварий.

По данным табл. 2 прослеживается чёткая динамика увеличения количества перевезённых пассажиров железнодорожным транспортом. Также, согласно этим данным, можно выделить несколько стран-

лидеров в рамках ЕС по пассажирским железнодорожным перевозкам. Безусловный лидер – Германия, а далее следуют Италия и Испания.

Данные, предоставленные Евростатом по перевозке пассажиров автобусами, являются неоднозначными: в Германии в течение указанного

Таблица 2

**Перевезённые пассажиры железнодорожным
транспортом (за 2015–2017 гг.) ****

Страны	Годы		
	2015	2016	2017
Германия	2 684 908	2 813 782	2 831 433
Эстония	6659	6926	7433
Ирландия	39 660	42 820	45 505
Греция	16 040	15 582	15 359
Испания	567 854	575 572	600 547
Хорватия	21 649	20 709	19 803
Италия	872 623	869 199	864 570

чел.

* Евростат // URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=tran_sf_raildg&lang=en

** Евростат // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=rail_pa_total&lang=en

Таблица 3

**Пассажирские перевозки автобусами,
зарегистрированными в стране-отправителе
(за 2015–2017 гг.) ***

чел.

Страны	Годы		
	2015	2016	2017
Германия	5 574 012	5 585 616	5 545 214
Эстония	179 120	171 414	170 075
Хорватия	250 964	252 132	249 382

срока количество пассажиров сначала сокращается, а потом увеличивается; в Эстонии число пассажиров, которые воспользовались автобусами, уменьшается с каждым годом. Это может быть связано с уменьшением численности населения, в частности, иммиграцией в Западную Европу как более благополучную, снижением рождаемости, а также покупкой личного транспорта.

Указанная статистика (табл. 3) иллюстрирует в целом ситуацию на

морском транспорте: на сегодняшний день морской транспорт остаётся часто используемым, независимо от времени года, погодных условий. Поквартальное указание статистических данных подчёркивает сезонность данного вида транспорта. Во всех приведённых странах пассажиропоток увеличивается в третий квартал (июль, август и сентябрь) – это туристический сезон (*high season*).

Данные по перевозке пассажиров воздушным транспортом (табл. 5),

Таблица 4

**Перевозка пассажиров в/из основных портов, морские
перевозки (2017–2018 гг.) ****

тыс. чел.

Страны	Годы							
	2017, по кварталам				2018, по кварталам			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Германия	2706	5899	7833	3663	2782	5839	8039	3358
Эстония	2253	3330	3958	2773	2244	3276	3983	2752
Греция	4132	8482	16 592	5322	4480	9055	16 725	5469
Испания	2835	4093	7870	3248	4252	5957	11 233	4734
Хорватия	1356	3976	8375	1888	1369	4294	8718	1999

* Евростат // URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

** Евростат // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=mar_paqm&lang=en

Таблица 5

Перевозка воздушным транспортом *

чел.

Страны	2018 г., по кварталам			
	1	2	3	4
Германия	43 488 115	58 648 665	67 396 877	53 483 399
Эстония	554 542	809 965	898 765	732 558
Испания	81 463 508	120 200 832	141 345 592	98 496 860
Хорватия	729 458	2 859 281	4 827 583	1 382 356
Кипр	1 373 264	3 223 067	4 252 092	2 247 465
Латвия	1 351 340	1 886 651	2 130 362	1 670 774

достаточно схожи с перевозками морским транспортом, особенно в части квартальной статистики. Во всех представленных странах пассажиропотоки возрастают именно

в 3-м квартале. В остальные месяцы цифры значительно меньше, особенно у тех государств, экономика которых зависит от туристического бизнеса.

Международно-правовые нормы Евросоюза в сфере транспорта

Для эффективного развития транспорта и транспортной инфраструктуры, а также для устранения существующих проблем государства – члены ЕС предпринимают конкретные шаги, а именно: разрабатываются и принимаются нормы и принципы международного права, которые должны регламентировать взаимоотношения государств в сфере всех видов транспорта при перевозках грузов, пассажиров и багажа. На сегодняшний день не утратив-

шими силу международными актами в сфере транспорта в ЕС являются: раздел 6 «Транспорт» Лиссабонского договора 2009 г. [9], Белая книга – Транспорт – Стратегический план для единой европейской транспортной зоны: в направлении к конкурентоспособной и ресурсоэффективной транспортной системе, принятой в 2011 г. («дорожная карта» ЕС) [10].

В ст. 6 раздела Лиссабонского договора указываются полномочия

⁹ Лиссабонский договор 2009 г. // URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3c32722f-0136-4d8f-a03e-bfaf70d16349>

¹⁰ Белая книга – Транспорт – Стратегический план для единой европейской транспортной зоны: в направлении к конкурентоспособной и ресурсоэффективной транспортной системе // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0144&from=EN>

* Евростат // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=avia_paoc&lang=en

Европейского парламента и Совета Евросоюза, реализующиеся после проведения консультаций с Экономическим и социальным советом ЕС, а также Комитетом регионов. Полномочия заключаются в реализации:

- общих правил, подлежащих применению к международным транспортным перевозкам, которые осуществляются с территории или на территорию государства-члена либо проходят через территорию одного или нескольких государств-членов;

- условий допуска перевозчиков-нерезидентов к национальным транспортным перевозкам в государстве-члене;

- мер, позволяющих улучшить безопасность транспортных перевозок;

- любых других важных положений.

Данным разделом договора запрещается дискриминация в виде применения перевозчиком (для одних и тех же товаров и на одних и тех же транспортных путях) тарифов и условий перевозки, различающихся в зависимости от страны происхождения или назначения перевозимой продукции.

Важным аспектом в регулировании транспортных отношений между государствами является установление Лиссабонским договором запрета для государств-членов устанавливать тарифы, включающие в себя любые элементы поддержки или защиты интересов одного или нескольких конкретных предприятий. Более того, «сборы и платежи, которые независимо от транспортных тарифов взимаются перевозчиком за пересечение гра-

ниц, не должны превышать разумного уровня с учётом реальных издержек, действительно вызванных таким пересечением» [9, ст. 97]. Указанный международно-правовой документ устанавливает правило, согласно которому государства-члены прилагают усилия по постепенному сокращению данных издержек. С другой стороны, Европейская комиссия имеет возможность направлять государствам-членам рекомендации по данному вопросу. Для решения спорных вопросов Лиссабонский договор предусматривает создание комитета консультативного характера в составе экспертов, назначаемых правительствами государств-членов. Европейская комиссия консультируется при необходимости с данным комитетом по вопросам транспорта.

Вторым международно-правовым документом ЕС в транспортной сфере является Белая книга – Транспорт – Стратегический план для единой европейской транспортной зоны: в направлении к конкурентоспособной и ресурсоэффективной транспортной системе, где представлены конкретные действия, которые необходимо реализовать в течение следующих 20–30 лет, с целью создания конкурентоспособной транспортной системы, позволяющей устранить имеющиеся пробелы в нормативно-правовых документах с тем, чтобы эффективно и безопасно перемещать людей и товары по всей территории ЕС. Эти предложения должны снизить зависимость ЕС от импортируемой нефти, к 2030 г. обеспечить мобильность городов без выбросов углекислого газа в крупных городских центрах и со-

кратить к 2050 г. выбросы углекислого газа на 60%.

В «дорожной карте» ЕС определены следующие цели, которые должны быть достигнуты в указанные сроки:

- сократить наполовину использование бензиновых и дизельных автомобилей в городах к 2030 г., а к 2050 г. полностью прекратить их использование;

- увеличить к 2050 г. использование низкоуглеродных устойчивых видов топлива в воздушном транспорте до 40%;

- перевести 30% перевозок грузов, выполняемых автомобильным транспортом, на железнодорожный и водный транспорт к 2030 г. и более 50% к 2050 г.;

- утроить существующую сеть высокоскоростных железных дорог к 2030 г.; большинство пассажирских перевозок средней дальности должны к 2050 г. пройти по железной дороге;

- создать к 2030 г. полностью функционирующую в масштабе всего Евросоюза трансъевропейскую транспортную сеть (*TEN-T* – это политика Европейской комиссии, направленная на внедрение и развитие общеевропейской сети автомобильных дорог, железнодорожных линий, внутренних водных путей, морских путей, портов, аэропортов и железнодорожных терминалов);

- к 2050 г. подключить крупные аэропорты к железнодорожным и морским портам, железнодорожным и внутренним водным путям;

- внедрить системы управления движением для различных видов транспорта, таких как железнодорожный и автомобильный;

- разработать к 2020 г. систему управления и оплаты информации о мультимодальных перевозках;

- к 2020 г. сократить вдвое число дорожных происшествий и сократить их к 2050 г. почти до нуля;

- полностью применять принцип «платит пользователь», т. е. те, кто пользуется транспортной инфраструктурой при перевозке грузов, пассажиров и багажа, и принцип «загрязнитель платит», т. е. те, кто загрязняет окружающую среду.

Таким образом, те ключевые аспекты, которые представлены в «дорожной карте» ЕС, действительно при должной реализации наилучшим образом повлияют на развитие транспорта и формирование единого транспортного пространства в его рамках. Для эффективной имплементации положений «дорожной карты» ЕС требуется развитие новых технологий и инфраструктуры. Согласно положениям «дорожной карты» ЕС целью последующих двухтрёх десятилетий является создание подлинного европейского единого транспортного пространства за счёт устранения существующих барьеров между режимами национальных правовых систем, упрощения процесса интеграции и содействия появлению мультимодальных операторов.

Однако внедрение всех ключевых аспектов «дорожной карты» ЕС представляет собой процесс достаточно длительный, следует обратить внимание на те достижения, которые уже видны на современном этапе реализации «дорожной карты» ЕС.

На всех видах транспорта наблюдаются улучшения:

- осуществление грузовых автомобильных перевозок теперь воз-

можно в странах, не являющихся странами регистрации, что, в свою очередь, сокращает количество пустых обратных рейсов;

- на воздушном транспорте летать в настоящее время проще и дешевле с новыми авиакомпаниями, больше маршрутов с сотнями услуг, связывающих большое количество аэропортов по всей Европе. Соглашение «Открытое небо» позволяет любой авиакомпании ЕС летать из любого аэропорта ЕС в город в другой стране. Это соглашение также распространяется на авиаперелёты в США, Канаду, Израиль, Марокко, Иорданию, Грузию и Молдавию;

- любая железнодорожная компания, имеющая лицензию на осуществление своей деятельности, теперь может предлагать свои услуги в любой точке ЕС;

- 75% торговли государств – членов ЕС с другими странами осуществляется водным транспортом, 40% отправляется морем, а около 400 млн пассажиров ежедневно используют внутриевропейские водные пути.

Судоходные компании имеют право осуществлять свою деятельность в странах, не являющихся страной их регистрации или приписки;

- в 2014 г. Совет Евросоюза и Европейский парламент согласились к 2025 г. содействовать развитию базовой сети заправочных станций сжиженного природного газа в ключевых морских портах, которые составляют трансевропейскую сеть;

- путешественники по странам – членам Евросоюза защищены лучшими правами пассажиров в мире,

которые охватывают все виды транспорта: самолёты, поезда, корабли, автобусы. Особая защищённость пассажиров выражается в следующем:

- число смертей на дорогах Европы сократилось в период с 1992 по 2010 г. (с 70 тыс. до 31 тыс.). В период с 2010 по 2013 г. этот показатель сократился ещё на 17%. Это означает, что Евросоюз будет стремиться к достижению своей стратегической цели – сократить вдвое число смертей на дорогах к 2020 г.,

- небезопасным авиакомпаниям запрещено летать в Европе,

- более жёсткие правила безопасности на море включают и более жёсткие проверки судов, штрафы за загрязнение, вызванные грубой небрежностью, и более быстрое поэтапное прекращение использования однокорпусных танкеров,

- Евросоюз устанавливает стандарты по вопросам технической и социальной безопасности, финансирует только новые инфраструктурные проекты, соответствующие этим стандартам;

- Евросоюз работает с такими организациями, как Международная организация гражданской авиации (ИКАО) и Международная морская организация (ИМО) в целях обеспечения стандартов безопасности и охраны окружающей среды.

В качестве ещё одного результата внедрения «дорожной карты» ЕС является разработка более совершенных и адаптированных международных соглашений между ЕС и странами, не входящими в него.

Библиография • References

- Белая книга – Транспорт – Стратегический план для единой европейской транспортной зоны: в направлении к конкурентоспособной и ресурсоэффективной транспортной системе // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0144&from=EN>
- [Belaya kniga – Transport – Strategičeskij plan dlya edinoj evropejskoj transportnoj zony: v napravlenii k konkurentosposobnoj i resursoeffektivnoj transportnoj sisteme // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0144&from=EN>]
- Официальный сайт ЕС // URL: https://europa.eu/european-union/topics/transport_en
- [Oficial'nyj sajt ES // URL: https://europa.eu/european-union/topics/transport_en]
- Евростат // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=avia_paoc&lang=en
- [Eurostat // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=avia_paoc&lang=en]
- Евростат // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=mar_pa_qm&lang=en
- [Eurostat // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=mar_pa_qm&lang=en]
- Евростат // URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=tran_sf_raildg&lang=en
- [Eurostat // URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=tran_sf_raildg&lang=en]
- Евростат // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=rail_pa_total&lang=en
- [Eurostat // URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=rail_pa_total&lang=en]
- Евростат // URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>
- [Eurostat // URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>]
- Лиссабонский договор 2009 г. // URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3c32722f-0136-4d8f-a03e-bfaf70d16349>
- [Lissabonskij dogovor 2009 g. // URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3c32722f-0136-4d8f-a03e-bfaf70d16349>]
- Официальный сайт Комитета по транспорту и туризму Европейского парламента ЕС // URL: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/tran/home.html>
- [Oficial'nyj sajt Komiteta po transportu i turizmu Evropejskogo parlamenta ES // URL: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/tran/home.html>]
- Официальный сайт Совета по вопросам конфигурации транспорта, телекоммуникаций и энергетики (TTE) Совета ЕС // URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/council-eu/configurations/tte>
- [Oficial'nyj sajt Soveta po voprosam konfiguracii transporta, telekommunikacij i energetiki (TTE) Soveta ES // URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/council-eu/configurations/tte>]
- Официальный сайт Отдела по морским вопросам и рыболовству Европейской комиссии // URL: https://ec.europa.eu/info/departments/maritime-affairs-and-fisheries_en

- [Official'nyj sayt Otdela po morskim voprosam i rybolovstvu Evropejskoj komissii // URL: https://ec.europa.eu/info/departments/maritime-affairs-and-fisheries_en]
- Официальный сайт Отдела по мобильности и транспорту Европейской комиссии // URL: https://ec.europa.eu/transport/index_en
- [Official'nyj sayt Otdela po mobil'nosti i transportu Evropejskoj komissii // URL: https://ec.europa.eu/transport/index_en]
- Официальный сайт Секции по вопросам транспорта, энергетики, инфраструктуры и информированности общества // URL: <https://www.eesc.europa.eu/sections-other-bodies/sections-commission/transport-energy-infrastructure-and-information-society-ten>
- [Official'nyj sayt Sekcii po voprosam transporta, energetiki, infrastrukture i informirovannosti obshchestva // URL: <https://www.eesc.europa.eu/sections-other-bodies/sections-commission/transport-energy-infrastructure-and-information-society-ten>]
- Официальный сайт Комиссии по политике территориальной сплоченности (COTER) // URL: <http://cor.europa.eu/en/activities/commissions/Pages/cor-commissions.aspx?comm=COTER>
- [Official'nyj sayt Komissii po politike territorial'noj splochnosti (COTER) // URL: <http://cor.europa.eu/en/activities/commissions/Pages/cor-commissions.aspx?comm=COTER>]
- Официальный сайт Трансевропейские сети (TEN) // URL: <http://www.eib.org/projects/sectors/tens/index.htm?f=search&media=search&lang=en>
- [Official'nyj sayt Trans'evropejskie seti (TEN) // URL: <http://www.eib.org/projects/sectors/tens/index.htm?f=search&media=search&lang=en>]

Статья поступила в редакцию 16 мая 2019 г.

Роль Югославской народной армии в Сербской Краине

Вооружение Территориальной обороны

Вадим СОКОЛОВ

Вопрос оснащённости вооружением формирований Республики Сербская Краина до сих пор остаётся одной из малоизученных страниц войны 1991–1995 гг. Его исследование осложняет засекреченность документов Югославской народной армии (ЮНА) и Сербской Краины в архивах современной Сербии, а также то, что некоторые документы краинских сербов были уничтожены во время боевых действий или захвачены хорватскими войсками. Очень важно понять, как ЮНА передавала вооружения структурам Территориальной обороны (ТО) Сербской Краины.

Рост национализма в республиках Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) в 80-е годы привёл к нарастанию в них противоречий, вызвал противостояние властей Социалистической Республики Хорватия (СРХ) и компактно проживавших в ней сербов, численность которых в Хорватии, по данным переписи населения 1991 г., превышала 580 тыс.

В апреле 1990 г. в СФРЮ впервые прошли парламентские выборы на

многопартийной основе. В СРХ две трети мест в парламенте получило Хорватское демократическое содружество. Президентом республики стал его лидер Ф. Туджман, придерживавшийся националистических взглядов. После прихода к власти он начал реализацию идеи «Хорватия для хорватов», в которой хорватским сербам отводилась роль национального меньшинства. Инструментом реализации этой идеи стал ряд антисербских мер на фоне политиче-

СОКОЛОВ Вадим Андреевич – научный сотрудник Института диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). E-mail: sokolfromrussia@gmail.com

Ключевые слова: Сербская Краина, Территориальная оборона, война в Хорватии.

ских, экономических и социальных реформ [1].

Политика Туджмана вызвала резкое неприятие живших в республике сербов. Стремление отстоять свои права подтолкнуло их к созданию ряда политических организаций, ведущей из которых стала Сербская демократическая партия (СДП) во главе с Й. Рашковичем. Под руководством СДП на протяжении 1990 г. сербы занимались созданием собственной культурно-политической автономии – Сербской автономной области Краина (САОК), которая была провозглашена 21 декабря того же года.

Весной 1991 г. противостояние привело к столкновениям хорватской полиции с сотрудниками краинской милиции, которые пытались не пропустить хорватские отряды в населённые сербами города и сёла. Югославская народная армия на данном этапе конфликта выступала миротворцем, разъединяя враждующие стороны и размещая между ними свои подразделения, которые предотвращали дальнейшие бои. Летом 1991 г. ЮНА была вынуждена всё чаще вмешиваться в столкновения хорватов с сербами и вскоре стала мишенью хорватских провокаций: блокады казарм, отключения подачи в них воды и электричества, нападения на армейские патрули [2].

Разрастание конфликта вынудило сербов начать мобилизацию Территориальной обороны, которая

в Югославии существовала как часть федеральных вооружённых сил и, по сути, была всеобщим ополчением, задачей которого было оказывать поддержку армии ЮНА в случае боевых действий.

В каждой республике СФРЮ была организована собственная ТО. Её подразделения были созданы в каждом муниципалитете, но развёртывались они только во время войны. Вооружение ТО хранилось на складах и было представлено в основном стрелковым оружием, миномётами, артиллерийскими орудиями и т. д. ЮНА взяла на себя вооружение и снабжение ТО Сербской Краины, командировала офицеров в её подразделения, привлекала её формирования к участию в операциях и т. д. Ещё одной важной причиной поддержки сербов в Хорватии федеральной армией было давление на армейское руководство ряда сербских политиков, в том числе президента Социалистической Республики Сербия С. Милошевича, требовавших от ЮНА защитить сербов в Краине. Поначалу министр обороны СФРЮ генерал армии В. Кадиевич противился привлечению армии к защите краинских сербов, полагая, что из-за этого ЮНА станут считать «сербской» [3].

Но позднее, как он отметил в своих воспоминаниях, ЮНА «освободила все сербские районы в Хорватии, кроме одной области в Западной Сла-

¹ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. С. 147.

² Новаковић К. Српска Крајина: (успони, падови, уздицања). Београд; Книн: Српско културно друштво Зора, 2009. С. 122–124.

³ Гуськова Е. Ю. Независимая Хорватия с независимыми сербами // Югославия в XX веке: очерки политической истории / К. В. Никифоров (отв. ред.), А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин и др. М.: Индрик, 2011. С. 787.

вонии» и помогла в создании военной организации Сербской Краины [4].

Таким образом, ЮНА не сразу, но всё же выполнила требование сербского республиканского руководства и поддержала вооружённую борьбу крайних сербов.

К лету 1991 г. ранее единая ТО Социалистической Республики Хорватия распалась на две части – ту, что подчинялась хорватским властям в Загребе, и ту, что оказалась на территории САОК и была под контролем сербов. Хорватская ТО вышла из подчинения Генерального штаба ЮНА в Белграде, но Территориальная оборона в Краине по-прежнему оставалась составной частью югославских вооружённых сил. Вследствие этого армия взяла на себя вопросы снабжения ТО, руководства её подразделениями и координации участия в боевых действиях. Этот процесс начался уже летом 1991 г., но по-настоящему организованным он стал в начале осени, когда расположенные на хорватской территории части ЮНА были атакованы хорватскими формированиями.

30 сентября 1991 г. по приказу министра обороны СФРЮ генерала армии Кадиевича был создан штаб ТО Сербской автономной области Краина. Его начальником (фактическим командующим ТО) стал генерал-подполковник И. Джуич, заместителем начальника штаба – полковник Д. Касум.

Оперативное отделение возглавил полковник Р. Максич, отделение связи – подполковник А. Вулечич. Вскоре началось пополнение ТО и другими кадровыми офицерами.

Кроме кадровой и организационной поддержки ЮНА также было организовано снабжение и вооружение отрядов сербских ополченцев.

Роль ЮНА в вооружении крайних сербов сложно переоценить. Почти всё оружие ТО СРХ к началу конфликта было конфисковано армией, опасавшейся, что политические силы, боровшиеся за отделение своих республик от СФРЮ, используют оружие ТО для создания военизированных формирований и ведения боевых действий.

Ещё 1 февраля 1990 г. начальник югославского Генштаба генерал-полковник Б. Аджич постановил изъять со складов ТО ту часть вооружений, которая не была приписана к подразделениям и числилась как излишки. 14 мая того же года он приказал забрать у ТО всё вооружение, боеприпасы и разместить их на армейских складах [5].

Соответственно, и сербы, и хорваты в самом начале конфликта столкнулись с острой нехваткой вооружения, особенно тяжёлого. Хорватия этот вопрос решила за счёт масштабной контрабанды вооружений из стран распадавшегося социалистического блока и ряда других государств, а также захватила военные склады и объекты ЮНА. В свою очередь, ТО Сербской Краины получала вооружение со складов федеральной армии. Кроме того, некоторое количество оружия сербы получили от армейских бригад и полков, прибывших в Краину с территории других югославских

⁴ Кадиевич В. Контрудар. М.: Московский издательский дом, 2007. С. 84.

⁵ Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990–1995. Knjiga 1. Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2007. S. 19–20.

республик, в первую очередь из Сербии и Боснии и Герцеговины [6], а также от тех соединений и подразделений, которые были эвакуированы с территорий под контролем хорватских властей.

Точных данных о численности вооружений в ТО Сербской автономной области Краины найти сложно. Несмотря на унифицированную организационно-штатную структуру ТО, количество вооружений в бригадах и отрядах не было одинаковым. Летом 1991 г. силы ТО оснащались в основном стрелковым оружием, миномётами и безоткатными орудиями. Но уже осенью того же года в её частях стали появляться артиллерийские орудия и бронетехника, которые выделялись югославской армией.

Рассмотрим в качестве примера состав и вооружение бригады ТО «Войнич», подчинённой 3-му региональному штабу ТО «Бания и Кордун». В декабре 1991 г. она состояла из штаба, трёх батальонов, смешанного артиллерийского дивизиона, танковой роты, роты связи, взвода военной полиции, разведывательного взвода, диверсионного взвода и сапёрного взвода. На вооружении бригады были миномёты М-69 калибром 82 мм и М-75 калибром 120 мм, безоткатные орудия М-60, противотанковые орудия Т-12 и ЗИС-3, горные орудия М-48Б1 и несколько танков Т-55 [7, с. 186–187].

Силы Территориальной обороны также опирались на армию в вопросах снабжения боеприпасами, униформой, средствами связи и т. д.

План мирного урегулирования Югославского кризиса был опубликован 11 декабря 1991 г. Этот план разработал специальный представитель Генерального секретаря ООН С. Вэнс, согласно которому предполагалась отправка в Югославию контингента миротворцев ООН для размещения по линии фронта между силами краинских сербов и югославской армии, с одной стороны, и хорватскими формированиями – с другой. Территория Сербской Краины, согласно плану, делилась на три «защищённые миротворцами» зоны. Кроме гуманитарных аспектов (возвращение беженцев, оказание помощи и т. д.) важное место в этом документе занимали военные вопросы. Территория «защищённых зон», т. е. территория Сербской Краины, подлежала демилитаризации. ЮНА должна была её покинуть, краинская Территориальная оборона и добровольческие подразделения – распущены, а их вооружение подлежало складированию под контролем миротворцев. План был принят конфликтующими сторонами и вступил в силу после подписания Сараевского перемирия между ЮНА и Хорватией 2 января 1992 г.

Вскоре после этого Генштаб ЮНА начал подготовку к выводу своих частей с территории Сербской Краины. Передача зон ответственности была начата частями 1-го и 12-го корпусов ЮНА в регионе Восточная Славония, а окончена – формированиями 9-го корпуса в Северной Далмации в начале июня 1992 г. До того

⁶ Dimitrijević B. Modernizacija i intervencija: jugoslovenski oklopne jedinice. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2010. S. 304.

⁷ Kordun u ratu: 1990–1995. Beograd: Printingle, 2017.

момента части непосредственно федеральной армии сохраняли приоритет в оснащении перед формированиями ТО Сербской Краины.

В качестве примера рассмотрим укомплектованность артиллерийскими орудиями бригад из состава 7-й Оперативной группы ЮНА. Бывшие в её составе 592-я и 622-я моторизованные бригады югославской армии в своей организационно-штатной структуре имели артиллерийские дивизионы, в то время как в бригадах ТО Сербской Краины из состава той же 7-й Оперативной группы было только по несколько батарей – огневой поддержки, противотанковых и ПВО [8, s. 86].

Готовясь к передаче зон ответственности формированиям ТО Сербской Краины, бригады и полки ЮНА в соответствии с решением Генштаба в основном оставляли военную технику соединениям местных сербов. Исключение составляли те армейские подразделения, которые были выведены на территорию Боснии и Герцеговины, где с марта 1992 г. начались боевые действия между боснийскими сербами, с одной стороны, и боснийскими мусульманами и хорватами – с другой. Части ЮНА, размещённые по всей Боснии, тоже оказались под ударом сепаратистов, стремившихся овладеть военными объектами и захватить вооружение. Некоторые соединения югославской армии, в первую очередь силы 5-го Баня-Лукского корпуса, вместе с тяжёлым вооружением были передислоцированы в Боснию из Краины и вскоре при-

няли участие в боевых действиях на стороне боснийских сербов. Многие из этих подразделений впоследствии стали основой для создаваемых бригад и полков Войска Республики Сербской.

Рассмотрим передачу вооружения югославской армией формирования ТО Сербской Краины на примере 9-й моторизованной бригады.

28 февраля 1992 г. 9-я бригада ЮНА начала вывод своих подразделений с линии соприкосновения, контроль над которой перешёл к силам краинских сербов. Части бригады разместились в тылу и до мая того же года занимались обслуживанием техники и подготовкой личного состава ТО.

Передача вооружения началась 11 мая. До 20 мая своё вооружение региональному штабу ТО Сербской Краины передали штаб бригады, разведывательная рота, рота связи и 1-й моторизованный батальон.

2-й моторизованный батальон 11–13 мая оставил технику 19-й бригаде ТО, а 3-й моторизованный батальон передал вооружение 13-й бригаде 16–17 мая.

Бронетанковый батальон и смешанный артиллерийский дивизион оставили технику 11-й бригаде 15–18 мая.

Вооружение остальных подразделений 9-й моторизованной бригады ЮНА перешло краинским сербам к 20 мая 1992 г. [8, s. 537].

Необходимо отметить, что в состав бронетанкового батальона и всех трёх дивизионов 9-й бригады (смешанного артиллерийского, противотанкового и ПВО) заранее были командированы бойцы из ТО, которые осваивали танки и артиллерийские орудия под руководством военнослужащих ЮНА. Это позволило не тратить время на обучение экипажей, а сразу после передачи техники распределить её по подразделениям бригады.

⁸ Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990–1995. Knjiga 3. Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2008.

Часть полученного вооружения вскоре была отправлена в другие соединения ТО, в частности, были переданы несколько танков Т-55, батарея противотанковых орудий Т-12 и батарея зенитных самоходных установок М53/59 «Прага» [7, с. 194].

Аналогично ЮНА передавала технику и военные объекты по всей Краине. В основном вооружение оставалось в том соединении ТО, которому оно было передано. Перемещение артиллерии и бронетехники между частями ТО Сербской Краины происходило нечасто.

Несмотря на то что ЮНА планировала передать значительное количество бронетехники, краинские сербы опасались, что его будет недостаточно для комплектования существующих частей.

10 марта полковник ТО Д. Касум сообщил в югославский генштаб, что оставленных к тому моменту танков не хватит на все бригады ТО. В состав каждой должна была войти танковая рота. Касум предложил сначала создать их в шести бригадах (3, 8, 11, 24, 40 и 54-й) – по одной на каждый региональный штаб. В тот же день командующий 1-й Военной областью ЮНА генерал-подполковник В. Стоянович предложил главному штабу ТО по 10 танков Т-34 – 85 на роту. Первыми их должны были получить в Восточной Славонии [8, с. 293]. В некоторой степени опасения командования ТО оказались оправданными, так как в итоге переданной бронетехники действительно не хватило на все созданные соединения и подразделения в Сербской Краине. Кроме того, важно отметить, что в данном случае ЮНА передавала танки Т-34 – 85, которые к 1992 г. были уже уста-

ревшими и не могли существенно повысить боевые возможности тех бригад, на вооружение которых они поступали.

Схожая ситуация возникла и при оставлении частям ТО Сербской Краины артиллерийских орудий. Наиболее современные и мощные образцы вооружений, в том числе реактивные системы залпового огня, югославская армия старалась эвакуировать из Краины, передавая сербам те гаубицы и противотанковые орудия, которые армейское командование считало устаревшими.

Это наглядно демонстрирует распоряжение штаба 10-го корпуса ЮНА от 13 апреля 1992 г., в котором краинским сербам сообщалось, что при формировании артиллерийских подразделений в составе ТО они могут рассчитывать на гаубицы М56 и М2А1 калибром 105 мм и противотанковые орудия ЗИС-3 калибром 76 мм, в то время как гаубицы М1 калибром 155 мм, Д-30 калибром 122 мм и пушки Т-12 и МТ-12 калибром 100 мм не подлежат передаче и останутся на вооружении соединений югославской армии [8, с. 388].

В дальнейшем небольшая часть вышеуказанных образцов вооружений всё же была передана формированиям краинских сербов, но их доля была незначительной по сравнению с орудиями, разработанными в годы Второй мировой войны или в послевоенный период.

На протяжении весны 1992 г. вывод частей ЮНА ускорился. Этому в немалой степени способствовала война в провозгласившей независимость от СФРЮ Боснии и Герцеговине, а также ситуация в самой Югославии, которая 27 апреля 1992 г. была преобразована в Союзную Республику Югославия (СРЮ), в состав которой вошли Серб-

бия и Черногория. 11 мая начальник Генштаба Вооружённых сил СРЮ генерал-полковник Ж. Панич издал приказ, где перечислялись подразделения, размещавшиеся в Краине и Боснии и Герцеговине, которые должны были покинуть эти республики и вывести личный состав и технику на территорию СРЮ. Отдельно подчёркивалось, что если по каким-либо причинам вооружение вывезти не представляется возможным, то его необходимо оставить, согласовав этот вопрос с командованием военной области. Солдаты и офицеры, родившиеся на территории Сербской Краины или Боснии и Герцеговины, должны были перейти в формирования Сербской Краины и Республики Сербской соответственно. Всего в приказе фигурировали десять подразделений, на тот момент находившихся в Сербской Краине [8, с. 479].

К 15 мая 1992 г. большинство подразделений уже расформированной ЮНА покинуло Сербскую Краину, а их вооружение в основном было передано частям краинской Территориальной обороны.

В своём сообщении от 19 мая 1992 г. югославский генштаб привёл следующие цифры оставленного вооружения: 258 танков, 25 боевых машин пехоты, 79 бронетранспортёров, 81 самоходная артиллерийская установка, несколько сотен артиллерийских орудий калибром от 76 мм до 155 мм и т. д. [9].

До конца месяца было передано ещё некоторое количество вооружений и военной техники, так как на момент составления этого отчёта продолжался вывод 9-го Книнского корпуса ЮНА и передача его имущества краинским сербам [8, с. 515].

Данный югославский документ не содержит сведений об авиационной технике, часть которой также была передана Сербской Краине. Значительную работу в исследовании этого вопроса провели современные сербские историки: Б. Дмитриевич, автор монографии *Vazdušni rat nad Republikom Srpskom i Republikom Srpskom Krajinom* [10], и Д. Бороевич, Д. Ивич и Ж. Убович, авторы книги *Vazduhoplovne snage bivših republika SFRJ 1992–2015* [11].

Согласно данным, опубликованным в этих работах, покидая аэродромы Земуник и Удбина весной 1992 г., ЮНА оставила краинским сербам несколько вертолётов СОКО «Газела» и Ми-8, которые были включены в состав созданной 31 марта 1992 г. 56-й смешанной вертолётной эскадрильи краинского Министерства внутренних дел [11, с. 113]. Всего ей было передано четыре вертолёта «Газела» и два Ми-8 [10, с. 22]. До июня того же года эскадрилья получила ещё один вертолёт «Газела» [10, с. 75].

Летом 1992 г. в Сербской Краине параллельно укрепляли соединения отдельных подразделений милиции (ОПМ) и ТО, развёртывали новые тыловые подразделения, бригады и отряды пополняли оружием. Но это не решало проблем их вооружения, так

⁹ Преглед униštenog, zarobljenog i ostavljenog oružja i prateće опреме у Републици Хрватској у периоду 31.12.1990. до 19.05.1992. године. 19.05. 1992. (Копия оригинального документа из архива автора.)

¹⁰ *Dimitrijević B. Vazdušni rat nad Republikom Srpskom i Republikom Srpskom Krajinom.* Beograd: Planetaprint, 2017.

¹¹ *Borojević D., Ivić D., Ubović Z. Vazduhoplovne snage bivših republika SFRJ 1992–2015.* Ruma: Štampa, 2016.

как часть оружия ТО передали бригадам ОПМ, а оружейные запасы, размещённые на складах под контролем миротворцев, не могли использоваться в повседневной деятельности.

Например, по сообщению из 33-й бригады ТО Республики Сербская Краина 18 ноября 1992 г. в ней находились 3 танка Т-55, 2 боевые машины пехоты М-80, 2 зенитных самоходных орудия М53/59 «Прага», 3 зенитные установки М55 20/3 и 2 – М55 20/1, 2 противотанковых орудия Т-12 и 11 орудий ЗИС-3, 5–120-мм и 15–82-мм миномётов, 3 безоткатных орудия М-60 и др.

Количество боеприпасов к ним было небольшим. К противотанковым пушкам Т-12 – всего 32 снаряда [12].

Необходимо отметить, что в дальнейшем численность вооружений в Краине менялась. В октябре–ноябре 1992 г. была проведена военная реформа, согласно которой Территориальная оборона и бригады Отдельных подразделений милиции были преобразованы в Сербское войско Краины (СВК) – регулярную армию. В рамках СВК бригады неоднократно передавали вооружение друг другу, кроме того, перераспределение военной техники происходило при создании новых соединений.

Таким образом, Югославская народная армия сыграла исключительную роль в оснащении Территориальной обороны Сербской Краины. Это происходило в два этапа с довольно точными хронологическими рамками.

Первый этап датируется весной 1991 г. – 2 января 1992 г., когда части ТО и ЮНА воевали бок о бок против хорватских формирований и югославская армия передала краинским сербам некоторое количество артиллерии и бронетехники для усиления их бригад и отрядов.

В целом численность тяжёлого оружия в Краине к 1995 г. несколько увеличилась, в первую очередь это касалось бронетехники.

Так, по состоянию на 1 мая 1995 г. СВК обладало уже 318 танками, из них 151 танк Т-55, 139 – Т-34-85, 26 – М-84, 2 – Т-72 [13].

В настоящий момент не представляется возможным с уверенностью утверждать, за счёт чего численность бронетехники выросла с 258 танков, заявленных в отчёте Генштаба ЮНА от 19 мая 1992 г., до 318, о которых сообщает документ из Главного штаба СВК, составленный тремя годами позднее. Возможно, эти 60 танков были оставлены Сербской Краине в мае–июне 1992 г. и не успели попасть в вышеуказанный отчёт. Также возможно, что они были переданы из Республики Сербской или Союзной Республики Югославия после июня 1992 г. По типам вооружения исследователями детально описано только появление боевых самолётов и зенитно-ракетных систем, которые поступали из Вооружённых сил СРЮ и Войска Республики Сербской в 1993–1995 гг.

¹² Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990–1995. Knjiga 5. Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2009. S. 414.

¹³ Стање наоружања по оперативној евиденцији. 01.05.1995. (Копия оригинального документа из архива автора.)

Второй этап происходил 2 января – 2 июня 1992 г., когда ЮНА начала вывод своих частей с территории Сербской Краины и оставила её формированиям значительную часть вооружения. Военная техника, распределённая по соединениям краинских сербов, существенно усилила их боевой потенциал и в дальнейшем активно использовалась в ряде военных операций.

Библиография / References

- Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. – 720 с.
 [Gus'kova E. YU. Istorija yugoslavskogo krizisa (1990–2000). M.: Russkoe pravo, 2001. – 720 s.]
- Гуськова Е. Ю. Независимая Хорватия с независимыми сербами // Югославия в XX веке: очерки политической истории / К. В. Никифоров (отв. ред.), А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин и др. М.: Индрик, 2011.
 [Gus'kova E. YU. Nezavisimaya Horvatiya s nezavisimymi serbami // YUgoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoy istorii / K. V. Nikiforov (otv. red.), A. I. Filimonova, A. L. SHeMyakin i dr. M.: Indrik, 2011]
- Кадиевич В. Контрудар. М.: Московский издательский дом, 2007. – 192 с.
 [Kadievich V. Kontrudar. M.: Moskovskij izdatel'skij dom, 2007. – 192 s.]
- Новаковић К. Српска Крајина: (успони, падови, уздицања). Београд; Книн: Српско културно друштво Зора, 2009. – 602 с.
- Преглед уништеног, заробљеног и остављеног оружја и пратеће опреме у Републици Хрватској у периоду 31.12.1990. до 19.05.1992 године.
- Borojević D., Ivić D., Ubović Z. Vazduhoplovne snage bivših republika SFRJ 1992–2015. Ruma: Štampa, 2016. – 341 s.
- Dimitrijević B. Modernizacija i intervencija: jugoslovenski oklopne jedinice. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2010. – 406 s.
- Dimitrijević B. Vazdušni rat nad Republikom Srpskom i Republikom Srpskom Krajinom. Beograd: Planeta print, 2017. – 374 s.
- Kordun u ratu: 1990–1995. Beograd: Printingline, 2017. – 480 s.
- Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990–1995. Knjiga 1. Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2007. – 628 s.
- Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990–1995. Knjiga 3.– Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2008. – 600 s.
- Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990–1995. Knjiga 5. Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2009. – 562 s.

Статья поступила в редакцию 3 июня 2019 г.

Развитие Дальневосточного края накануне Халхин-Гола

Сражение на трудовом фронте

Александр СЕРЁГИН

Мне кажется, что Дальневосточный край – ДВК мог быть переименован в ДВЗК – Дальневосточный Золотой край.

К. Е. Ворошилов

Истоки и итоги вооружённого конфликта на реке Халхин-Гол, где Советский Союз вместе с Монголией принудили Японию капитулировать, отбив охоту у самурайского государства завоёвывать Дальний Восток и Сибирь [1]. Но необходимо более полно рассмотреть усилия большевистского руководства и жителей региона по превращению обнищавшего и разрушенного военным лихолетьем, революцией, Гражданской войной и интервенцией края в подготовленный с военной и экономической точек зрения оплот против японских притязаний на русские территории.

Значение трудового подвига, да и сам подвиг тех, кто в предвоенные и военные годы ценой неизмеримых лишений создавал материальную опору фронту, у нас необъяснимо меркнет перед победами на поле брани. Наверное, так и должно быть, что у участников боевых сражений намного больше знаков отличия, признания и государственной благодарности, им устанавливают памятники, создают мемориалы. Герои труда не избалованы обилием наград. Но что явно несправедливо, так это вспоминать мельком об их вкладе в победы, когда чествуют победителей в День Победы или годовщину военного триумфа на Халхин-Голе.

СЕРЁГИН Александр Васильевич – кандидат культурологии, профессор МГИМО(У) МИД России. E-mail: a_seregin06@mail.ru

Ключевые слова: Дальневосточный край, Япония, концессии, Красная армия.

¹ Серёгин А. В. Халхин-Гол – 1939 в контексте истории // Обозреватель–Observer. 2019. № 5. С. 41.

Дальневосточный край являлся третьим по размерам в СССР, уступая лишь Казахстану и Якутии. Его естественные морские границы омываются водами двух океанов, Тихого и Северного Ледовитого, открывая восточные ворота в регион и страну через главные морские порты в Петропавловске-Камчатском, Охотске, Николаевске-на-Амуре, Владивостоке, Александровске, Находке и Ванино. Растянувшаяся по береговой линии на полторы тысячи километров граница, да и сам Дальневосточный округ нуждались в военном и экономическом укреплении. Именно это определило стремление руководства СССР, обеспечивая мирную и безопасную жизнь стране и краю, прибегнуть к мобилизационной модели развития в форсированном режиме, опираясь на энергичные меры по созданию надёжной обороны [2] в связи с существовавшей на Дальнем Востоке опасностью войны с Японией.

Геополитические особенности края объективно ориентировали советское руководство создавать здесь усиленные военные группировки, поддерживать развитие военно-оборонной сферы промышленности, привлекать в край молодёжь, а также формировать инфраструктуру отраслей, ориентированных на экспорт традиционной для региона продукции, коими с давних времён здесь были золото, икра, крабы, лес, а позднее нефть.

С середины XVII в. Россия приступила к освоению земель на Дальнем Востоке.

В течение десяти лет русские экспедиции И. Ю. Москвитина, С. И. Дежнёва, В. Д. Пояркова и Е. П. Хабарова изучали местность и создавали карты, готовя пути для заселения этого безлюдного края. К 80-м годам XVII столетия в нём уже насчитывалось более 20 русских поселений. Но этот процесс был прерван на южном направлении военными столкновениями с Китаем, и русская колонизация стала продвигаться на север по побережью Тихого океана, в том числе и на Аляску.

В середине XIX в. России удалось добиться разрешения «амурского вопроса» с Китаем, её собственностью стали на юге левый берег Амура (от р. Аргунь до устья) и Уссурийский край до моря (от впадения Усури в Амур).

К 1917 г. число жителей на русском Дальнем Востоке составляло уже порядка миллиона человек, увеличившись с момента начала его освоения почти в 30 раз, причём не только за счёт переселенцев, но и аборигенов.

После неудачной Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда южная часть Сахалина отошла Японии, Россия провела дополнительные мероприятия по укреплению обороноспособности Дальневосточного региона. Финансирование этих нужд с 1909 по 1914 г. возросло с 55 млн до 105 млн руб. ежегодно. Однако последовавшая Первая мировая война объективно отвлекла внимание России от Дальнего Востока, а полагавшие себя доминантами внешнеполитических процессов Япония, США, Англия и ряд европейских держав во время войны продолжили расширять сферу своих колониальных интересов и укреплять влияние в Тихоокеанском регионе в целом. Особо усердствовала Япония, которая практически не принимала

² Головин С. А. Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы. М., 2008 // URL: <http://www.allbest.ru/>

участия в боевых действиях, предпочтя им поставки небольших по объёмам вооружений воюющим державам и продолжая колонизацию материка. Так, она захватила Корею и часть Китая, расширив свои завоевания от мыса Лопатка на Камчатке до мыса Ритидиан на о. Гуам [1, с. 41].

Характер и захватническая суть Первой мировой войны изначально предопределили шаткость любых договорных конструкций, призванных закрепить её итоги. Договоры диктовались победителями в своих интересах и подписывались под их нажимом, что лишь затягивало узлы острейших противоречий [3].

Таковой явилась и конференция в Вашингтоне по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам, о созыве которой объявили Соединённые Штаты 10 июля 1921 г. Под этим названием скрывалась главная задача американцев – договорно завершить передел мира на Дальнем Востоке [4]. С 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. «пирог победителей» за столом переговоров делили США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия и пять британских доминионов. Но главным распорядителем были США, а также Британская империя и Япония, ухватившиеся за самые лакомые куски и не выпускавшие их из своих рук на протяжении всех переговоров.

Конференция стала неким дополнением к Версальскому миру. Но с созданием нового зыбкого равновесия на Тихом океане вся система мирных договоров, завершивших Первую мировую войну, стала ещё более неустойчивой и кратковременной, чем она являлась доселе [5]. На всех решениях Вашингтонской конференции лежала печать боязливых компромиссов, рассчитанных на то, чтобы обеспечить в первую очередь свои интересы и по возможности умиротворить Японию, притязания которой в отношении материковых территорий ничуть не ослабли. Внутриполитическая риторика в Стране восходящего солнца не оставляла сомнений в том, что в любой момент можно было ожидать её новой агрессии против Китая и других стран.

Следует откровенно сказать, что Вашингтонская конференция, на которую, кстати, Советская Россия не была приглашена, направила экспансионистские устремления Японии в сторону советского Дальнего Востока и Монголии, оградив договорной неприкосновенностью уже реализованные территориальные интересы в регионе других её участников.

Противиться решениям конференции островитяне себе позволить не могли. Это означало бы восстать против себя всё международное сообщество. Оставалось подчиниться, но продолжить подготов-

³ Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетея, 2019. С. 17–19.

⁴ Галкович М. Соединённые Штаты и дальневосточная проблема. М.: Госиздат, 1928.

⁵ Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919–1925. М.: ОГИЗ, 1947. С. 316.

ку к войне за ресурсы и территории Советского Союза, а также искать для этого новых союзников. По запрограммированному Вашингтонской конференцией драматическому пути Япония и двинется.

Итоги конференции оценил народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин в телеграмме (2 ноября 1921 г.) в адрес правительств Великобритании, Франции, Италии, Японии и США: «Решения Вашингтонской конференции неизбежно станут лишь источником новых конфликтов, новых замешательств и новых потрясений. Не умиротворение, но разлад и ненависть внесёт она в международные отношения и явится причиной новых бедствий для всего мира» [6].

Что Япония готовится к войне с Советским Союзом, большевистское руководство знало. Но не имея сил на сдерживание военной агрессии, оно, надо сказать, безошибочно использовало алчность соседей по региону, готовых за мирное и легальное предоставление им ресурсов отказаться от их завоевания.

Х съезд РКП(б) в марте 1921 г. решил вернуться к концессионной практике на Дальнем Востоке. Объектами концессий становились те отрасли народного хозяйства, развитие которых скорейшим образом обеспечило бы повышение уровня промышленного развития России. Голодная до ресурсов Страна восходящего солнца первой «схватила» эту приманку. Япония пошла на прямые переговоры с Мо-

сквой, которые, ожидаемо, оказались весьма длительными и изнурительными.

21 июня 1924 г. под грифом «Секретно» в Политбюро ЦК РКП(б) была направлена телеграмма, в которой сообщалось о создании комиссии из тт. Красина, Пятакова и Чичерина и занятой ей позиции на переговорах с Японией об экономическом сотрудничестве и взаимодействии с СССР.

Передавая в концессию нефтяные промыслы, комиссия предложила создать смешанное общество, в котором доли распределялись бы равным образом между нами, японцами и американцами.

Учитывая, что Япония не согласится с таким предложением, комиссия сочла возможным предложить лишь Японии 40% «выясненных ресурсов нефти на 50 лет». Долевое отчисление с валовой добычи нефти предлагалось установить в 10%, а при фонтанировании нефти отчисления составили бы 40% валовой добычи [7, Л. 8, 9].

Для концессий на уголь (не больше трети от имеющихся ресурсов) должны были быть те же условия, но долевые отчисления устанавливались в 5% от валовой добычи» [7, Л. 8, 9].

В отношении рыболовства комиссия сочла возможным опереться на рыболовную конвенцию 1907 г., но внести в неё изменения в соответствии с новыми условиями законодательства СССР.

«Впредь до заключения конвенции будет применяться существующий ныне порядок сдачи рыболовных участков в аренду японцам». Комиссия также ограничила «внеконвенционное пользова-

⁶ Советско-американские отношения. 1919–1933. Сб. документов по международной политике и международному праву. № 9. М.: НКВД, 1934. С. 51.

⁷ РГАСПИ.Ф. 82. Оп. 2. Д. 1383.

ние рыболовных участков со стороны японцев годичным сроком» [7, Л. 8, 9].

Японцы назойливо добивались получения статуса наибольшего благоприятствования в торговых отношениях, чтобы показать другим претендентам на концессию, что вопрос для них закрыт благоприятным уровнем договорённости с Москвой. Такая постановка не могла устроить Советский Союз, который стремился к получению здоровой конкурентной среды в торгово-экономическом сотрудничестве в регионе, чтобы исключить угрозу со стороны «обделённых претендентов» добиваться реализации своих интересов военным путём.

И комиссии удалось отстоять свою позицию, склонив японцев к необходимости принимать «во внимание торговые договора или соглашения, которые существуют или могут быть заключены с третьими сторонами» [7, Л. 8, 9].

Проблем в отношении разработки нефти поначалу не возникало. Работы японской стороны не выходили за разведочные пределы, а количество рабочих в летний период 400 чел. и в зимний 200 с двадцатью инженерами не вызывало у советской администрации каких-либо сомнений. Что же касается деятельности на угольных коях, то здесь имелись определённые сомнения. Общее количество рабочих на коях в летнее время составляло лишь 350 чел., а в зимнее не более трети от этого числа. Столь неторопливая добыча японцами угля в условиях ещё неподписанных концессионных документов была понятна и к тому же советской стороной не рассматривалась как серьёзный ущерб.

Торопливое стремление японцев заполучить концессионные документы принесло необходимые результаты. В телеграмме народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) (21 октября 1924 г.) подчёркивалось, что предложения японцев настолько сблизилась с советской точкой зрения, что позволяют «надеяться на благополучный исход переговоров» [7, Л. 23]. Докладывая этот вопрос в Политбюро, Чичерин отметил, что все нефтяные скважины, которые теперь разрабатываются Японией на Сахалине, будут включены в предоставленные Японии проценты площади. Если СССР согласится предоставить концессию иностранным гражданам или создать с ними совместные предприятия из 60% удерживаемых Советским Союзом нефтяных площадей, то Япония получит право преимущественного опциона.

Что касается Дуйских угольных копий, то они будут отданы Японии. Остальные угольные копи, если будут предоставлены иностранным субъектам, то Япония получит на них опцион [7, Л. 24].

В СССР весьма внимательно, если не сказать скрупулёзно, относились к концессионной нефтедобыче. Не раз советская сторона констатировала практику систематического игнорирования концессионерами своих обязательств. Это касалось как концессионного, так и коллективного договоров, вплоть до неуплаты аренды, нарушения советских законов и установленных для предприятий правил осуществления деятельности. Японская сторона отрицала эти факты, хотя их же кон-

цессионеры вынуждены были признать правоту советской стороны, её местных органов надзора.

Возникшие разногласия японцы выразили в меморандуме от 27 апреля 1939 г., на который советская сторона подготовила подробный и убедительный ответ. Читая этот документ, невозможно не отметить чёткость его стиля, профессиональную информированность исполнителей и их кропотливую проработку поднятых вопросов. При неторопливых каналах связи тех лет работа исполнителей заслуживает самой высокой оценки. Уже в те годы удалось добиться высокого исполнительского уровня работы аппаратов руководящих органов, что впоследствии, в годы военного лихолетья, станет дополнительным фактором побед советского государства на трудовых и военных фронтах.

Приведём несколько выдержек из этого многостраничного документа.

«По заявке нефтяного концессионного Общества советские организации завербовали в 1937 г. для общества 1700 человек советских рабочих и доставили их во Владивосток. Концессионер, однако, в течение 64 дней июня–августа не принимал рабочих...». «По вине концессионера из-за прогула советских рабочих СССР понес убытки в сумме около 2 млн рублей. Но финансовыми потерями дело не ограничилось. Рабочие, приехавшие по заявке Общества, были оторваны от работы на советских предприятиях, что тоже нанесло ущерб народному хозяйству СССР. Да и сами рабочие, приехав с семьями издалека, в результате двухмесячного простоя не получали полного заработка».

Ответственность по этому вопросу несёт концессионное общество, которое к тому же «затягивает переговоры по заключению коллективного договора с профсоюзом. Без коллективного договора Народный Комиссариат Топливной Промышленности не может вербовать рабочих на концес-

сию, так как рабочие, не зная условий, на которых они должны работать, отказываются ехать на Северный Сахалин».

«Разделение разведочной нефтяной площадки № 1 в Эхаби не было разрешено в 1937 году вследствие того, что концессионером были пробурены только две скважины, из коих одна оказалась безрезультатной». Таким образом, обе эти скважины не дали понимания геологического строения месторождения, что препятствовало возможности разделить площадь на эксплуатационные нефтяные участки. «Обществу было предложено произвести дополнительные разведочные работы, которые были необходимы для определения рациональной разработки месторождения, предотвращающие излишнюю дегазацию месторождения и форсированное продвижение контурных вод».

Концессионер, однако, эти работы не произвёл.

«На протяжении ряда лет нефтяной и угольный концессионеры нарушали правила техники безопасности и противопожарной охраны. Концессионеры не предпринимали достаточных мер для выполнения многочисленных предложений со стороны инспекции труда и государственного пожарного надзора по устранению крупных дефектов в состоянии противопожарной охраны и техники безопасности».

В подтверждение приводились следующие данные. «На нефтяной концессии за 7 месяцев 1938–39 гг. было обследовано 244 объекта, составлено 19 актов, в которых констатировалось 457 пунктов нарушений».

В результате невыполнения правил противопожарной охраны на концессиях ежегодно возникали пожары.

«Так, например, 2 ноября 1935 г. на 11-м участке в Охе из-за неисправности электроприборов сгорели 2 вышки №№ 21 и 26. 21 ноября 1937 г. возник пожар на нефтяной концессии в Охе, в результате которого сгорела буровая вышка. 19 июля 1938 г. на промысле в Охе загорелся

сарай эксплуатационной вышки № 58/4. В момент пожара в неудовлетворительном состоянии оказалась водомагистраль, в которой вместо минимального давления в 3 атмосферы, давление равнялось всего лишь 0,4 атмосферы. Буровая вышка сгорела.

Между тем, по признанию представителя концессии, заведующего эксплуатацией г. Умеда, концессионер за 4 месяца до пожара был предупреждён Государственным пожарным надзором актами от 14 апреля и 22 мая 1938 г. о необходимости провести ряд мероприятий по противопожарной охране».

В заявлении японской стороны «неоднократно указывается на давления, оказываемые, якобы, советскими властями на японские концессии. Причём в качестве одного из наиболее ярких примеров притеснения и давления» приводится факт уничтожения 15 февраля 1939 г. по распоряжению советских властей взрывчатого вещества на угольной концессии в Дуэ. С советской точки зрения подобная постановка вопроса подтверждает лишь «грубое нарушение концессионером существующих в Советском Союзе обязательных Правил, касающихся хранения взрывчатых веществ и материалов, которые согласно параграфу 2 концессионного договора, распространяются и на концессионеров...

...Концессионер имел в Дуэ 10 800 кг взрывчатых материалов, гарантийный срок хранения которых истёк... Такое количество взрывчатого вещества намного превышает 4-месячную потребность в нём концессионного предприятия, к тому же это взрывчатое вещество пришло в негодность и было опасно для дальнейшего хранения на складах».

В документе подчёркивалось, «что между советскими организациями и концессионерами не возникало бы никаких трений, если бы последние строго соблюдали советские законы и обязательства, вытекающие для них из концессионных договоров».

Помимо высказанных претензий советской стороной были приведены и другие многочисленные нарушения концессионных обществ. В частно-

сти, отмечалось, что «угольное и нефтяное концессионные общества с 14 декабря 1925 года не вносят советскому правительству арендных платежей за имущество, переданное им в пользование на основании параграфов 11 и 43 договора с нефтяным концессионным обществом и параграфов 11 и 36 с угольным концессионным обществом. За всё время советскому правительству не внесено 892 457 рублей 58 копеек без учёта пени и скидок на амортизацию».

В заключение советская сторона весьма жёстко констатировала, что «нелояльное отношение концессионных обществ к взятым на себя обязательствам ставит под угрозу само существование концессионных договоров и что соответствующие советские организации, основываясь на обязательствах концессионеров, заключающих в концессионных договорах, намерены... потребовать возмещения всех убытков, понесённых в результате этого советскими организациями» [7, Л. 45–57].

В целом на Дальнем Востоке существовало 24 концессии, что составляло порядка 33% от работающих в стране. Это позволило существенно расширить программу капиталовложений в промышленность региона, восстановить в нём уникальные производства и обеспечить их устойчивое развитие, а также создать систему аналогичных отечественных предприятий. Однако в целом успешная концессионная практика 20–40-х годов XX столетия не могла обеспечить необходимость скорейшего промышленного развития разрушенного региона.

Перемены социально-политического характера в стране, которые ощущались бы населением и вызывали бы поддержку с его стороны, шли медленно. Значительная часть жителей продолжала относиться с недоверием к политике со-

ветской власти, зачастую пассивно её осуждая. Протестные акции носили порой острый характер. Люди с неохотой вступали в колхозы, срывались плановые задания посевов, лесозаготовок, путины. Доходило до саботажа и намеренного вредительства, случалось и массовое неповиновение. В среде, неумело мотивированной или избыточно мотивированной внеэкономическими мерами, наблюдались халатность, пьянство, отсутствие должного контроля и дисциплины. Это не могло не сказаться на показателях развития отраслей, ориентированных на экспорт.

Учитывая важность внешнеторговых связей и необходимость наращивания экспортных объёмов края, контроль за производством в этой сфере был закреплён за органами ГПУ. Сегодня по рассекреченным аналитическим запискам и сообщениям секретно-политического и информационного отделов Полномочного представительства (СПО ПП) ОГПУ по ДВК легче представить положение в крае, с которым столкнулось большевистское руководство.

Вопросами Дальнего Востока, судя по документам, внимательнее других большевистских руководителей занимался наркомвоенмор К. Е. Ворошилов. Во время своего посещения ДВК он искренне недоумевал, мол, здесь мы коллективные хозяева, а в крае бедность, провал по углю, по лесу.

«В рыбных организациях 40 тыс. ящиков по одному и полтора пуда в каждой прекрасной маринованной иваси, которую мы продаём за золото. Но 40 тыс. ящиков валяются под плохой кры-

шей. Почему? Леса нет? ...В лесу живём, пням Богу молимся, а леса нет, не хватает. Я подсчитал, сколько не отправлено готовой продукции. На миллион. Нет ящиков, извините за выражение, дерьмовые ящики валяются, заполняют всю территорию завода как на острове Попова... Не хватает леса, которого вы не видите из-за деревьев? Не хватает у вас, живущих в тайге?

Нет, не хватает желания, напора, святого большевистского огонька, который как живчик должен постоянно держать нашего брата на чеку. Мне кажется, что Дальневосточный край, ДВК, мог быть переименован в ДВЗК, Дальневосточный Золотой край. И это было бы совершенно правильно, потому что и в буквальном, и в переносном смысле мы имеем на Дальнем Востоке груды золота, которое попирается ногами, а живём нищими...» [8].

Здесь, правда, уместно напомнить, что золотые Колымские прииски находились в структуре органов госбезопасности, подчиняясь «Дальстрою», прямыми обязанностями которого были военно-стратегические задачи по строительству военных баз, дорог, портов, а также рудников и золотодобывающих предприятий. Его директор Э. Берзин 14 июля 1932 г. в совсекретном докладе сообщал Сталину, что в районе Колымы находится значительное количество рудных месторождений золота. Однако люди, работающие на них, живут в невыносимых условиях. (Надо заметить, что копия доклада была направлена Ворошилову. Очевидно, данные из него и легли в основу его выступления, приведённого выше.)

Берзин сообщал, что «больницы на приисках больше походят на бараки, что от длительного нахождения в них люди заболевали цингой... Бани имеются не везде. Клубов

⁸ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 20. Л. 1168, 1185.

и других культурных учреждений, практически, нет. Нет библиотек. Палатки, бараки и землянки, являющиеся жильем, делают поселок похожим на грязный цыганский табор... Среди коренного населения распространены трахома, туберкулёз и сифилис... На реке Утиной и на других реках... работы ведутся исключительно мускульной силой, без применения какой бы то ни было механизации... От голодной смерти спасали якуты, пригнавшие... несколько оленей на убой» [9, Д. 409, Л. 1–35].

По материалам этого доклада было принято довольно странное постановление ЦК ВКП(б). В нём отмечалось: «Признать, что в 1932 г. на Колыме может быть добыто при наличии условий снабжения одна тонна металла. Обязать “Дальстрой” принять все зависящие от него меры к перевыполнению этой программы... Обязать “Дальстрой” добычей в 1933 г. двадцати пяти (25) тонн металла...» [9, Д. 409, Л. 1–35] и т. д. и т. п.

О людях и улучшении условий их труда и жизни – ни слова.

В исторической литературе, посвящённой освоению Дальнего Востока, справедливо отмечается, что весьма неблагоприятное положение в крае было обусловлено многими факторами, в частности, противо-

речивой политикой регулирования социально-демографических процессов и бездумным использованием и размещением трудовых ресурсов. В крае широко применялась практика решения народнохозяйственных задач с использованием труда заключённых. Там так и не был преодолен общий дефицит рабочей силы, а социальная инфраструктура совсем не развивалась [2].

Одной из мер по укреплению безопасности края стало переселение туда красноармейских семей. Этот вопрос долгое время оставался малоисследованным по вполне понятным причинам [10] – не было документов. Только в постсоветский период, когда появились рассекреченные материалы, стало возможным обратиться к его рассмотрению подробнее.

Судя по секретной «Докладной записке от 27 июля 1931 г. ПП ОГПУ по ДВК о мероприятиях по организации красноармейских колхозов по данным на 10 июля 1931 года»* [11, с. 779–792], кампания по переселению была организована по постановлениям Далькрайисполкома и Крайкома партии и предусматривала перемещение в ДВК 35 тыс. колхозников с детьми [11, с. 779].

Расселение по колхозам проводилось плано-

200 семей были направлены в коммуну им. «Сталина» (с. Белоногово Александровский р-н).

⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3.

¹⁰ Исаев А. А. Проблемы закрепления демобилизованных красноармейцев в колхозах Дальнего Востока в 1930-е годы // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. № 5 // URL: <https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/isaev>

¹¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране 1922–1934 гг. М.: Наука, 2013. Т. 9. С. 779–792.

* Документ подписали: Зам. ПП ОГПУ по ДВК – Западный; начальник СПО ПП ОГПУ по ДВК – Торопкин; заверил оперуполномоченный СПО ПП ОГПУ по ДВК – Мышленников.

В колхозе им. «Сталина» (Ивановский р-н, Амурского округа) было расквартировано 700. «Амурский партизан» (Тамбовский р-н) принял 500 семей.

В коммуны им. «Войкова» приехало 200 семей и т. д. [11, с. 779].

Всего по коммунам и колхозам было распределено 10 тысяч семей [11, с. 780].

Отправляя на освоение дальневосточных земель красноармейцев, Москва рассчитывала, что они станут опорой в борьбе советской власти со всеми несогласными с её политикой. Кроме того, новые поселенцы становились серьёзным резервом Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), «защищавшей дальневосточные рубежи СССР от посягательств китайских милитаристов и японских империалистов», и в случае возникновения масштабных боевых действий колхозники-красноармейцы могли оказать существенную помощь регулярным частям РККА, а также пограничникам. Для этого определялись районы будущего компактного проживания демобилизованных воинов. Как правило, ими становились приграничные территории [10].

Для переселения такого количества красноармейских семейств колхозников была отпущена на новое жилищное строительство немалая сумма 9923 134 руб. [11, с. 780].

Запретировали построить 609 тыс. кв. м из расчёта на одно семейство 58 кв. м [11, с. 779–792]. Основным типом строительства были выбраны двухэтажные дома до 32 квартир-комнат.

Переселение столь значительной части населения потребовало от местных советских органов и контролирующих организаций реше-

ния сложнейших задач подготовки и ведения строительства. ОГПУ сообщало, что Дальсельстрой, на который в основном было возложено строительство, не сумел достичь надлежащих темпов работы, ДВКПУ и Колхозсоюз своевременно не провели планировку участков под строительство, а в некоторых районах уже составленные планы менялись по несколько раз [11, с. 781].

Конкретная ситуация по районам также выглядела не лучшим образом.

В Завитинский район предстояло переселить 600 красноармейских семейств по плану, однако этот план оказался фактически сорванным [11, с. 781].

Похожая ситуация была характерна для Тамбовского района (Амур) в коммунах «2-й Приамурской дивизии» и «им. Войкова», где строительство было остановлено из-за отсутствия пиломатериалов и недостатка рабочей силы. Районные организации в подготовке строительства вели себя безучастно. ОГПУ сообщало, что «закупленные коммунами 25 крестьянских домов и переданные 35 кулацких домов до сих пор не перевезены на места нового строительства» [11, с. 781].

Технический персонал не уделял достаточного внимания руководству строительством. Работники пьянствовали, что вызывало справедливое возмущение коммунаров.

«Почему коммунисты не присылают хороших работников – ведь все они пьяницы, неужели эти работники будут оставаться на нашей шее и получать деньги за ту работу, которую они не выполняют». Или: «Осенью ожидаем около 700 человек коммунаров, а квартир, готовых, до сих пор нет ни одной... Каким образом проходит строительство, что, когда будет построено, никто из коммунаров не знает...» [11, с. 781].

Нехватка и неумелое управление имевшимися в распоряжении трудовыми ресурсами, конечно, тормозило социально-экономическое развитие ДВК. Однако переселение демобилизованных красноармейцев, несмотря на тяготы и трудности, которые испытывали люди, жёсткость внеэкономических мер и страх перед репрессивными органами всё же решали основную задачу – укрепление региона в экономическом и военно-оборонном плане. В крае удалось создать основы для резерва Красной армии, впереди у которой были долгие годы не одной войны.

Владивосток издавна являлся главной базой рыболовов. Без преувеличения неограниченные рыбные богатства позволяли не только увеличить экспортные возможности региона, но и накормить страну.

План улова в 1931 г. определил огромные по тем временам объёмы (6077 000 ц рыбы и морепродуктов [11, с. 673].

Однако планы не выполнялись по всё тем же причинам. Не хватало рабочих рук, не было в достаточном количестве рыболовных судов, отсутствовала тара для выловленной рыбы. Лесопилки не покрывали требуемые объёмы для сортамента продукции, а фабрики не успевали снабжать рыболовецкие организации снастями и сетями.

ОГПУ ДВК продолжало направлять тревожные сигналы в Москву и по этому поводу.

В записке от 14 марта 1931 г. из Хабаровска указывалось на угрозу срыва планов рыбной программы края. Для их выполнения требовалось 70627 рабочих. В наличии же оказалось лишь

13210 человек. Не хватало более 57417 чел. [11, с. 675].

Картина только по одному рыбному промыслу № 1–ДГРТ наглядно воспроизводит положение с уловом и заготовкой рыбы. Кеты планировалось поймать 206000 шт., корюшки – 1500 ц, а миног – 100 ц. Но отсутствовал засольный сарай, ледник был слишком мал, бочек для кеты в 20 с лишним раз оказалось меньше, чем требовалось. Грузить и складывать улов было некуда [11, с. 675–676].

В записке ОГПУ отмечалось, что «жилплощадь промысел не обеспечен, там имеется два летних барака, капитальное строительство стоит под угрозой срыва». К 1 августа 1931 г. намечалось построить пристань, две казармы для рабочих, склад горючего, кухню, дом для служащих, электростанцию, столовую, клуб, амбулаторию и многое другое.

«Спецодеждой промысел обеспечен на 50%. Продовольствием, на предложенное количество рабочих (150 человек), промысел обеспечен на всю путину только на 25%, потребность в рабсиле это – 30 служащих и рабочих – 120 человек, фактически, работает шесть служащих и 19 рабочих» [11, с. 676].

Чтобы как-то скрасить негативную информацию, авторы записки не нашли ничего лучшего, как закончить её статистическими данными, из которых следовало, что «возможности промыслов по истине безграничны» [11, с. 676–681].

Анализ аналогичных документов ОГПУ показывает схожую картину и на других промыслах.

Итак, какие же наиболее характерные оценки ситуации, сложившейся в отрасли?

«Промфинплана промысел до сих пор не имеет», «Плана строительства промысел не имеет»;

«До сих пор на месте нет плана, каким способом будет обрабатываться рыба»;

«Подготовки к путине не ведётся, чанов для засолки рыбы меньше втрое»;

«Баночной фабрике грозит угроза остановки»;
«Полученные из-за границы части машин для утильзавода лежат в снегу разбросанными и ржавеют»;

«На членов семьи хлеба не дают и в результате семейные рабочие голодают»;

«Отпущенные средства на строительства не расходуются, заготовка необходимых материалов не производится»;

«Построенный крабобыбконсервный завод залит подпочвенной водой, так как место постройки выбрано неудачно» и т. д. и т. п.

Не следует полагать, что выдержки из документов намеренно подобраны таким образом, чтобы усилить негативную картину происходящего. Конечно, в документах встречаются и положительные оценки.

На Промысле ПУРР–ДГРТ: «...Засольными помещениями промысел обеспечен полностью... Жилпомещением и спецодеждой промысел обеспечен полностью» [11, с. 677].

Положительных оценок значительно меньше.

Трудно, однако, представить, что золотодобыча, рыболовецкие хозяйства, лесозаготовки и инфраструктура края могли рассчитывать на лучшее снабжение, обеспечение и, как следствие, планирование. На Дальнем Востоке, как и в разрушенной стране, экономику лишь начинали собирать по крупицам, направляя основные вложения в тяжёлую индустрию. Институт планирования мог быть настроен лишь при условии устойчиво работающей промышленности, а на это у большевистского руководства не хватало средств.

Чтобы сохранить власть, укрепить безопасность страны и не до-

пустить голода, руководству страны пришлось ввести мобилизационный режим, основывавшийся на внеэкономических мерах мотивирования производственных сил и опоре на аппарат принуждения. При всей жёсткости данная мера позволила на Дальнем Востоке в основном добиться поставленных целей. Производственные планы, по оценкам ОГПУ, «срывались», но точнее будет сказать – недовыполнялись, ежегодно всё же повышая объёмы производства.

Вот небольшой пример тому.

В одной из обобщающих сводок ПП ОГПУ ДВК подчёркивалось, что «...работа по заготовке леса свидетельствовала о том, что Дальлеспром не справлялся с поставленным перед ним заданием, так как увеличение выполнения плана за каждую десятидневку шло не в непрерывно нарастающей геометрической прогрессии, а в стабильно-арифметической прогрессии, всего лишь на 5–7% за декаду».

ОГПУ фиксировало взятые темпы как недостаточные, констатируя «срыв» лесозаготовок. Но всего через месяц, при неизменившихся условиях оплаты труда и снабжения рабочих ОГПУ не обратило внимания на небольшой, но рост показателей выполнения плана (рубка возросла с 25 до 36,5% и вывоз – с 13 до 21,3%), который к тому же увеличился в арифметической прогрессии. Это видно из документа, подготовленного ОГПУ по отдельным лесозаготовительным участкам на 10 марта 1931 г. [11, с. 689–702].

К 1937 г., после напряжённого труда и двух в целом успешных пятилеток 1928–1937 гг., Дальневосточный край стал другим. Промышленность оживала, и уже через несколько лет хозяйственная деятельность края была выведена в целом на уровень устойчивого развития. Гигантские жертвенные усилия

жителей края принесли свои плоды. Экономика приобрела промышленный характер и продолжала устойчиво работать, набирая высокие показатели в масштабах страны.

«Удельный вес валовой промышленной продукции во всей структуре общественного производства региона составлял в 1913 г. – 32,1%; в 1927/28 г. – 37%; в 1931 г. – 67% и 80,4% в 1937 году.

Темпы прироста промышленной продукции в регионе к концу 1930-х гг. превысили средние показатели по СССР (соответствующие цифры по стране: в 1913 г. – 42,1%; 1927/28 г. – 54,5%; 1931 г. – 70,7%; 1937 г. – 77,4%).

Удельный вес валовой продукции крупной промышленности ДВК возрос с 0,86% в 1923 г. (от общесоюзной) до 1,2% в 1937 г. (стоимость основных производственных фондов увеличилась с 0,62% до 1,71%).

К концу первой пятилетки ДВК окончательно утвердился в качестве одной из важнейших экспортных территорий государства.

Экспорт из края в 1932 г. вырос по отношению к 1929 г. на 220,8%, добыча золота – на 420%, обеспечивая 10,6% союзного экспорта.

Вылов рыбы увеличился с 1,8 млн ц. в 1929 г. до 4,5 млн ц. в 1932 г. (до 24% общесоюзного улова); заготовка леса – с 2,5 млн м³ в 1929 г. до 8,3 млн м³ в 1932 г. Стоимость заготовленной пушны выросла с 4,8 млн руб. в 1929 г. до 8 млн руб. в 1932 г. Добыча угля за этот же период повысилась с 1,2 млн т до 4,4 млн тонн» [12].

В 30-е годы в регионе был создан ряд промышленных предприятий, ориентированных на оборонный комплекс и сосредоточенных в районе Комсомольска-на-Амуре, Владивостока и Хабаровска. С созданием Тихоокеанского флота (ТОФ)

(1932 г.) Владивосток окончательно стал одной из самых мощных баз русского военно-морского флота.

В 1926 г. численность населения составляла 1,28 млн чел.; в 1937-м – 2,49 млн в 1939-м – 2,61 млн (с учётом части перераспределённого контингента НКВД и без учёта частей Особой Красной армии (ОКА) и ТОФ, которые всегда учитывались в особом порядке).

Общая численность населения региона в 1939 году составила 3,247 млн человек (с учётом гражданского населения, воинских частей РККА и РКФ) [12].

Анализируя положение в вооружённых силах региона, К. Е. Ворошилов с удовлетворением отмечал, что за последние два года удалось усилить ОКДВА, «теперь советский Дальний Восток не беззащитен». Армия увеличилась в 6 раз (к 1934 г.) по сравнению с 1930-м, на Дальний Восток была направлена мощная боевая техника, положено начало создания морских сил.

«Эта сила уже есть. Мы развернули там береговую оборону, ...мы построили несколько сот километров (513) фронта укреплённых районов, мы увеличили... и продолжаем увеличивать пропускную способность железной дороги на Дальний Восток. Мы приняли действенные меры к развитию в крае и в Восточной Сибири значительной промышленной и сельскохозяйственной базы с целью ослабить зависимость боевых действий от подвоза издалека» [8, л. 130, 131].

Ворошилов подчеркнул важность авиационных заводов в Иркутске и Комсомольске-на-Амуре, судостроительных в Комсомольске-на-Амуре, Осиповском Затоне и на

¹² Историческое краеведение Дальнего Востока России // URL: <https://arhivinfo.ru/2-96930.htm>

Дальзаводе. Он отметил значимость запускаемых авиаремонтных и авторемонтных заводов, Новоспасского цементного завода и ряда других предприятий. Особо наркомвоенмор выделил развитие собственной мощной металлургии (Петровский завод и ряд других предприятий), а также обратил внимание на начало строительства Байкало-Амурской магистрали. Нарком подчеркнул, что усилено «переселение в этот богатый край, но бедный людьми», что декретированы льготы всем трудящимся края, чтобы обеспечить ещё более быстрое его заселение. К. Е. Ворошилов особо остановился на том, что «армия создала свой колхозный корпус и особую колхозную кавдивизию, которая засеяла свыше 115 тыс. га» [8, Л. 134].

Вдоль сухопутных границ в восточных военных округах создавались укрепленные районы, устанавливалась береговая артиллерия и пулемётные огневые точки, шло строительство складов, аэродромов и дорог в пограничной полосе. На размах фортификационных работ в крае обратили внимание американцы.

В майском номере 1933 года журнала *China Weekly Review* была опубликована статья «Сильная линия советских фортификаций предупредит внезапную атаку японцев»*, где отмечалось, что «с самого начала маньчжурского конфликта 1931 года Советская Россия проявляет исключительную нервность и снова укрепляет свои позиции на русском Дальнем Востоке, создав для

этой цели специальную дальневосточную армию. Наряду с увеличением вооружённых сил, высшее советское командование возводит укрепления во всех стратегических пунктах вдоль границы, а также восстанавливает старые форты Владивостока... Линия Городеково – Жариково – Камень-Рыболов, являющаяся главной линией обороны Красной Армии, хорошо выбрана, потому что местность гориста и представляет лучшие условия для оборонительных манёвров...» [9, Д. 456. Л. 30–31].

Общий подъём экономики Дальнего Востока, заселение его огромной территории добровольцами и комсомольцами в годы первых пятилеток, создание Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота серьёзно укрепили дальневосточные границы СССР. Однако многие участки границы не были оборудованы необходимыми защитными сооружениями и средствами. Особенно это касалось горно-таёжных и морских границ Дальневосточного края. Японские осведомители и разведчики, конечно же, сообщали об этом, а штабисты брали на заметку. А потому, развязывая вооружённые конфликты против СССР, японцы использовали слабые места оборонительных линий, недооборудованных из-за сложности рельефа местности.

Нельзя скрывать и того, что на боеспособность военного контингента округа влияло подавленное состояние красноармейцев. Большинство из них в недавнем прошлом были крестьянами, которые, как известно, с недоверием и неохотой

* Резолюция К. Е. Ворошилова на документе: «Эту статью я уже читал. Следовало бы попытаться выяснить, каким образом эта сволочь получает сведения о нашем оборонном строительстве». 8 июля 1933 г. Материал был передан П. И. Берзиным Ворошилову.

той приняли коллективизацию. Письма, которые они получали из своих деревень и в которых «красочно» описывались перегибы и жёсткость коллективизаторов в отношении хорошо знакомых им и близких людей, удручающе действовали на бойцов. Военное руководство, естественно, было осведомлено об этой проблеме, однако не находило мужества поставить её перед большевистским руководством страны.

Показательно в этом отношении выступление на партийной конференции в Москве 22 мая 1930 г. К. Е. Ворошилова. «Наша Красная Армия... даже в тяжёлый период жизни нашей страны, когда в крестьянстве замечались отрицательные факты, ...почти что никак не реагировала на эти события в деревне, наша Красная Армия так же монолитна и крепка, как и весь рабочий класс, ибо она отлично политически воспитана и понимает, что эти явления могут быть быстро ликвидированы» [9, с. Д. 332, л. 2–107].

Маршал не нашёл правдивых слов, чтобы донести до представителей правящей партии свою тревогу. Он не посмел обрисовать глубину проблемы, разъедающую души солдат, и настоять, чтобы уже на пар-

тийной конференции выработать и принять решения, которые ждали солдаты. Тем более что создавшуюся ситуацию умело «подогревала» контрреволюционная оппозиция.

Среди личного состава отмечались случаи так называемых «недочётов» в переселении красноармейцев-колхозников в ДВК. Об этом факте руководство ОГПУ сообщало заместителю наркома обороны Я. Б. Гамарнику в личном спецдонесении. Причиной, отмечается в донесении, стало то, что при вербовке в погоне за цифрами колхозников зачастую неправильно информировали об условиях, с которыми им придётся столкнуться на Дальнем Востоке. Многие завербованные, прибыв на место и увидев реальное положение дел, были разочарованы бытовыми условиями. Местные власти не спешили принимать, а чаще просто не принимали необходимые меры для обеспечения прибывших красноармейцев-колхозников жильём* и продуктами питания. Эти «недочёты» использовались для активной антисоветской агитации среди красноармейцев-колхозников [13].

Большевистское руководство не питало иллюзий в отношении мирного развития ситуации на Дальнем Востоке.

Становящиеся всё более очевидными претензии Японии, зарубежных континентальных соседей и интересантов на территории, манящие своим богатством и перспективой их развития, приносящего великую выгоду, не оставляли место для сомнений на этот счёт. Подчинив внутриэкономическое развитие региона требованиям его обороны и достигнув в этом направлении

¹³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 765. Л. 32–34 (Копия).

* В донесении зафиксировано: «Из взятых на выборку семи колхозов и коммун, куда по плану должно прибыть 5000 человек, оказалось возможным обеспечить жилплощадью только 1425 человек или 28,5%. Средства на жилищное строительство для переселенцев были отпущены центром с большим опозданием – в июле месяце, и разассигнованы краевыми организациями только в сентябре месяце, причём, краевые переселенческие управления колхозному жилищному строительству также не уделяли внимания, до сего времени нет даже проектов построек».

весьма впечатляющих успехов, СССР, несмотря на огромные трудности, сделал всё возможное, чтобы сохранить Дальний Восток, не позволить подняться над ним иностранный флаг.

События на реке Халхин-Гол в 1939 г. и сегодня убеждают, что те, кто стоял на трудовом и военном фронтах, оберегая советский Дальний Восток от завоевания, понимали, к каким трагическим последствиям для страны это может привести, и смогли его отстоять ценой огромных усилий и жертв.

Библиография • References

Галкович М. Соединённые Штаты и дальневосточная проблема. М.: Госиздат, 1928. – 208 с.

[Galkovich M. Soedinyonnye SHtaty i dal'nevostochnaya problema. M.: Gosizdat, 1928. – 208 s.]

Головин С. А. Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы. М., 2008. – 412 с.

[Golovin S. A. Izmenenie social'noy struktury naseleniya Dal'nego Vostoka SSSR: 1923–1939 gody. M., 2008. – 412 s.]

Исаев А. А. Проблемы закрепления демобилизованных красноармейцев в колхозах Дальнего Востока в 1930-е годы // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. № 5 // URL: <https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/isaev>

[Isaev A. A. Problemy zakrepleniya demobilizovannykh krasnoarmeyceev v kolhozakh Dal'nego Vostoka v 1930-e gody // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2016. № 5 // URL: <https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/isaev>]

Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919–1925. М.: ОГИЗ, 1947. – 488 с.

[Lemin I. M. Vneshnyaya politika Velikobritanii ot Versalya do Lokarno. 1919–1925. M.: OGIZ, 1947. – 488 s.]

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. Д. 23.

[RGASPI. F. 74. Op. D. 23]

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 20. Л. 1168, 1185.

[RGASPI. F. 74. Op. 2. D. 20. L. 1168, 1185]

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1383.

[RGASPI. F. 82. Op. 2. D. 1383]

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3.

[RGVA. F. 33987. Op. 3]

Серёгин А. В. Халхин-Гол – 1939 в контексте истории // Обозреватель–Observer. 2019. № 5. С. 39–57.

[Seryogin A. V. Halhin-Gol – 1939 v kontekste istorii // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 5. S. 39–57]

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране 1922–1934 гг. Т. 9. М.: Наука, 2013. – 894 с.

[«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane 1922–1934 gg. T. 9. M.: Nauka, 2013. – 894 s.]

Советско-американские отношения. 1919–1933. Сб. документов по международной политике и международному праву. № 9. М.: НКВД, 1934. – 99 с.

[Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. 1919–1933. Sb. dokumentov po mezhdunarodnoy politike i mezhdunarodnomu pravu. № 9. M.: NKID, 1934. – 99 s.]

ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 765. Л. 32–34 (Копия).

[CA FSB RF. F. 2. Op. 9. D. 765. L. 32–34 (Копия)]

Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019.– 434 с.

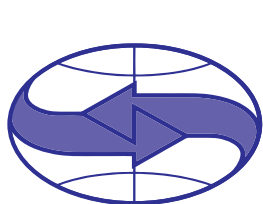
[*Shtol' V. V.* Rossiya i Zapad: nesostoyavshijsya al'yans, ili Protivostoyanie kak neizbezhnost'. SPb.: Aleteya, 2019.– 434 s.]

Статья поступила в редакцию 3 июня 2019 г.

**Продолжается подписка на 2019 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 – на полугодие

36789 – на год

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

Political science

Reforms of the European union: their concepts and reality.

5

V. Vasilyev

The author of the article made a critical analysis of the returns of elections to the European Parliament. The tendencies toward the weakening of the right centrist and social democratic segments have been confirmed as well as the strengthening of the liberal wing and the expansion of the Euro-sceptical, nationalist flanks in the legislative structure of the European Union. The new alignment of political forces within the European Parliament provided an impetus to the discussions on Germany's role and place in the changing world and Berlin's approaches to various concepts of reforming the European Union.

About the author: VASILYEV Viktor I. – Dr. of Political Science, Senior Researcher, the E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.

Key words: European Parliament, “Europe of the Fatherland”, “Europe of Nations”, “European Republic”.

Hashtags: mechanism of legitimization of the political regime or a manipulative trap

24

S. Fedorchenko

A conceptual-terminological analysis of the network mechanism of legitimacy and legitimation of the political regime is carried out in the work. At the same time, the key task is to study the role of technology of political hash-integration in shaping the legitimacy of power. The author identifies the network elite (gate-

keepers) as a new political actor practicing political hashtechonology to legitimize or delegitimize the political regime.

About the author: FEDORCHENKO Sergey Nikolaevich – Associate Professor, PhD in Political Sciences, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law of the Moscow Region State University.

Key words: hashtag; legitimacy; legitimation; political hashtag; network elite.

Integration of Muslims in the political life of Germany

42

J. Valiev

Migration processes in modern Germany are considered. The article describes the history of the formation and development of the German Islamic conference, initiated by the Federal government of Germany as a platform for communication with representatives of the Muslim Ummah of Germany, to discuss short-term and long-term activities aimed at the adaptation of German Islam and the integration of migrants of Muslim faith in Germany.

About the author: VALIEV Jafar Sh. - Post-graduate student at the Department of politology and mass communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Key words: Germany, migration, Muslim minority, German Islamic conference.

Why Armenia Chose the Eurasian Economic Union, not the EU?

58

M. Yadrikhinskiy

The article examines the Armenia's foreign policy of maneuvering between the EU and Russia. The author shows why Armenia eventually joined the EAEU, despite the officially announced course of joining the EU. The author examines changes of the Armenian foreign policy after the 'Velvet revolution' and explains why the new Armenian government will keep country in the organization.

About the author: YADRIKHINSKIY Mark D. – postgraduate student of the Department of Political Science and Law of the Moscow State Regional University (MSRU). *E-mail:* MarkYadrichinskiy@yandex.ru.

Key words: Armenia, Russia, EAEU, EU, Nagorno-Karabakh conflict, Azerbaijan.

International positions of Spanish universities. For the creation of the Russian-Spanish Alliance

69

V. Komleva, O. Zhulikova

The tasks of promoting Spanish universities in the international educational space correlate with the tasks of the Russian Federation. The article analyzes the position of Spanish universities, which have become one of the factors of

the Russian-Spanish Alliance of universities. The article analyzes the dynamics of the positions of Spain and Spanish universities in General and by individual indicators for 2017 and 2018.

About the author: KOMLEVA Valentina Vyacheslavovna – PhD, associate Professor, Dean of the faculty of international regional studies and regional management of ISSU Ranepa.

ZHULIKOVA Olga Valentinovna – Ph. D., associate Professor, Deputy Dean of the faculty of international regional studies and regional management, ISSU Ranepa.

Key words: University rankings, Spanish universities, the Alliance of Russian-Spanish universities, the ranking QS HESSR, U21, ARWU, Teaching of Europe in 2018.

The European Union transport policy concept: the present and future

82

N. Kislitsyna

The article is devoted to the analysis of the foundations of the European Union transport policy. On the one hand, the international legal framework of the EU governing the transport sector is considered; on the other hand, attention is paid to the tasks that the EU is facing in the matter of the further development of all types of transport with reference to the “roadmap” towards a competitive and resource efficient transportation system”.

About the author: KISLITSYNA Natalia F. – PhD, Associate Professor at the Department of International relations and transport geopolitics, Institute of International Transport Communication, Russian University of Transport.

Key words: European Union, White Paper, transport policy, Treaty on the functioning of the European Union.

The role of the Yugoslav People's Army in the Serbian Krajina. The weapons of the Territorial defense

93

V. Sokolov

This article describes the process of transferring military equipment from the Yugoslav People's Army to the formations of the Territorial defense of Serbian Krajina. The background of this process, its chronological framework and features are considered. Examples of the distribution of received weapons in the Serbian Krajina are given.

About the author: SOKOLOV Vadim Andreevich – Institute of diaspora and integration (Institute of CIS countries).

Key words: Serbian Krajina, Territorial defense, War in Croatia.

**Development of the Far Eastern region on the eve of Khalkhin Gol.
Battle on the labor front**

102

A. Seryogin

In the conditions of the growing danger from militarist Japan, the Soviet Union began military operations aimed at annexing the Soviet Far East and took measures to create the economic, including industrial potential of the region. On the basis of archival documents, the author traces the labor efforts of the inhabitants of the region and the country's leadership, which in the shortest possible time allowed to turn the Far East destroyed by wars and revolution into an industrially advanced region and stop Japanese aggression.

About the author: SERYOGIN Alexander V. – Candidate of cultural science, Professor of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Key words: Far East, Japan, concessions, Red Army.

**Requirements for materials,
submitted to the editorial board**

**"Обозреватель–Observer",
are published on the site:**

<http://observer.materik.ru>

**For more details see website
of the Higher Attestation Commission:**

<http://vak.ed.gov.ru>

**Требования к материалам,
представляемым на рассмотрение редакции
журнала «Обозреватель–Observer»
в соответствии с указаниями ВАК**

Статья направляется в редакцию с сопроводительным письмом по электронной почте: observer-rau@yandex.ru.

Общий объём материала 20–25 тыс. знаков с пробелами.

Авторам необходимо обратить внимание на соблюдение норм русского языка.

Текст даётся кеглем 14 через 1,5 интервала и должен быть структурирован (иметь разделы).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языках) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК и приложить аннотацию (не более 300–500 знаков), ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, учёную степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код), наименование статьи. Вся информация – на русском и английском языках.

Все материалы должны присылаться в одном файле.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Автор статьи представляет оформленный и заверенный отзыв специалиста — доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы сопроводительных документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://observer.materik.ru>

Подробнее смотрите сайт ВАК:

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2019 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Дизайн и вёрстка
Ушурелу О.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации. Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Электронная версия: **<http://observer.materik.ru>**

Подписано в печать 10.07.19. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 7,75. Печать офсетная.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. Заказ № .